М 900/489

б-106

БИБЛІОТЕКА
№ 180 Г-112 шк. 1 плк. 5
М. А. ЛЕРМОНТОВА

М 900/489
В О Кп М

ДНЕВНИКЪ СОЛДАТА

въ

РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть I. На поляхъ Маньчжуріи.

Часть II. Въ плѣну у японцевъ.

Ф. И. ШИКУЦА.

Подъ редакціей **В. И. Пржевалинскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1909.

26

Государственная
БИБЛИОТ..А
СССР
им. В. И. Ленина

12548-65

1500216486

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Авторъ настоящаго *Дневника* поступилъ на военную службу по набору 1892 года и былъ зачисленъ рядовымъ во 2-й драгунскій С.-Петербургскій полкъ. По прошествіи трехъ лѣтъ службы въ полку, онъ былъ командированъ на два года въ С.-Петербургъ, въ Офицерскую кавалерійскую школу, на берейторскіе курсы. По окончаніи послѣднихъ, авторъ былъ произведенъ въ званіе берейтора и, уволившись въ запасъ, поступилъ по вольному найму на должность берейтора въ 1-ю бригаду 36 пѣх. дивизіи, гдѣ обучалъ правильной верховой ѣздѣ конныхъ ординарцевъ и желающихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Въ концѣ 1897 года авторъ вновь зачислился на дѣйствительную сверхсрочную службу въ 51-й драгунскій Черниговскій полкъ и пробылъ на ней до 1901 г.—1 Іюня 1904 г., во время мобилизаціи, онъ призванъ былъ въ ряды войскъ, назначенныхъ на театръ военныхъ дѣйствій, и зачисленъ старшимъ коннымъ ординарцемъ въ 286 пѣх. Кирсановскій полкъ, съ каковымъ полкомъ и былъ отправленъ въ маньчжурскій походъ.

За боевыя отличія онъ былъ награжденъ всѣми четырьмя степенями знака отличія Военнаго Ордена, а по возвращеніи изъ плѣна, во время представленія Государю Императору въ санитарномъ поѣздѣ, въ Царскомъ Селѣ

20 Февраля 1906 г., былъ произведенъ въ корнеты, и въ этомъ чинѣ продолжаетъ службу въ одномъ изъ уланскихъ полковъ.

Издавая *Дневникъ* Ф. И. Шикуца, я, какъ издатель и редакторъ, считаю долгомъ замѣтить, что, въ выборѣ матеріала, я ограничился только временемъ пребыванія автора на войнѣ и въ плѣну, и потому закончилъ печатаніе его на днѣ прибытія автора въ Россію. Въ этихъ предѣлахъ *Дневникъ* напечатанъ мною почти цѣликомъ, съ весьма незначительными сокращеніями, причемъ, въ редакціонномъ отношеніи, я только старался сгладить нѣкоторыя встрѣчавшіяся шероховатости стиля и, насколько возможно, весь текстъ оригинала оставлялъ безъ всякихъ измѣненій.

Что касается оцѣнки *Дневника* по существу, то я думаю, что, обладая высокими достоинствами правдивости и краткости въ изложеніи, онъ будетъ прочитанъ интересующимися войною лицами съ огромнымъ интересомъ.

В. Пржевалинскій.

С.-Петербургъ.
4 Августа 1909 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На поляхъ Маньчжуріи.

22 Сентября 1904 года, въ 6 часовъ вечера, къ вокзалу станціи Мукденъ прибылъ нашъ воинскій поѣздъ. Поѣздъ остановился, и солдаты начали, было, выскакивать изъ него, но немедленно же получился приказъ: не выходить изъ вагоновъ, такъ какъ насъ переведутъ сейчасъ на запасный путь. Всѣ выскочившіе вновь заняли свои мѣста, и поѣздъ тронулся. Поманеврировавъ взадъ и впередъ, онъ наконецъ остановился у платформы.

Воспользовавшись свободной минутой, я прежде всего поспѣшилъ осмотрѣть стоявшіе невдалекѣ санитарные поѣзда. Приблизившись къ нимъ, я услыхалъ стоны раненыхъ. Тяжело было слушать эти жалобные, исполненные страданій и муки стоны и вопли... Волей неволей каждому изъ насъ приходила въ голову мысль, что, быть можетъ, черезъ нѣсколько дней и насъ такъ же повезутъ израненыхъ и изувѣченыхъ, и другіе люди такъ же, какъ и мы сейчасъ, будутъ смотрѣть и жалѣть насъ и такъ же затѣмъ покорно пойдутъ на поле битвы, какъ и мы въ настоящее время... Съ тяжелымъ душевнымъ настроеніемъ вернулся я къ своему вагону, а стоны раненыхъ все время не выходили изъ моей головы...

Но, вотъ, вскорѣ раздалась команда выгружаться. Быстро стали выносить и вытаскивать все изъ вагоновъ. Я приказалъ запрягать лошадей въ коляску, денежный ящикъ, лазаретную линейку и въ патронную двуколку, а также осѣдлать всѣхъ верховыхъ лошадей. Когда все было сдѣлано, я подошелъ къ завѣды-

вающему хозяйственною частью и доложилъ, что все готово; онъ, въ свою очередь, доложилъ объ этомъ командиру полка.

Командиръ полка скомандовалъ 1-й ротѣ: „Слушай, на караулъ! подъ знамя!...“ Музыка заиграла, и, когда знамя заняло свое мѣсто, мы тронулись походнымъ строемъ со станціи Мукденъ прямо на поле брани.

Стало очень темно и пришлось зажечь фонари. Пѣхота пошла впереди, а мы за ней слѣдомъ.

Я ѣхалъ съ ординарцами во главѣ обоза. Вдругъ, слышу сзади— передовые номера кричатъ: „стой! стой!...“ Я подъѣхалъ и вижу, что лазаретная линейка свернула съ дороги влѣво и попала въ глинистую, вязкую грязь; лошади не въ силахъ были сдвинуть её съ мѣста, и только при помощи народа намъ съ большимъ трудомъ удалось вывезти ее на дорогу. Мы тронулись дальше. Продвинулись немного впередъ, какъ вновь раздался крикъ „стой!“. Оказалось, что у той же линейки въ темнотѣ зацѣпился за тумбу валикъ и обломился. Сейчасъ же замѣнили другимъ валикомъ, пристегнули постромки, и мы опять тронулись въ путь. Но не успѣли мы проѣхать и нѣсколькихъ саженъ, какъ опять кричатъ: „стой!“ На этотъ разъ оказалось, что на пути стоялъ солдатъ, который остановилъ насъ и объяснилъ, что онъ поставленъ тутъ для того, чтобы никого не пропускать по этой дорогѣ, такъ какъ изъ за ямъ, канавъ и невылазной грязи по ней нельзя ѣздить. Волей неволей пришлось повернуть, и мы поѣхали вправо, по другой, указанной солдатомъ дорогѣ. Я выѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть дорогу. Вдругъ вижу, на встрѣчу мнѣ бѣжитъ осѣдланная лошадь; я ее поймалъ, и оказалось, что это была лошадь нашего полкового казначея. Вскорѣ, прихрамывая, подошелъ и самъ казначей, который объяснилъ, что въ темнотѣ онъ наѣхалъ на какую то канаву, лошадь прыгнула, но неудачно, и онъ полетѣлъ въ канаву, а лошадь убѣжала назадъ. Казначей вновь сѣлъ на свою лошадь и мы повели за собой обозъ и ординарцевъ дальше. Дорога и тутъ была невыносимая: приходилось въ темнотѣ срывать бугры и заваливать канавы и неоднократно помогать лошадямъ вытаскивать изъ грязи застрявшія повозки. Наконецъ, съ горемъ пополамъ, мы добрались до бивака. Обозъ разбили въ ветлахъ, лошадей привязали къ коновязамъ, по порядку №№, справа и слѣва

поставили дневальныхъ, и я пошелъ къ командиру полка доложить о благополучномъ прибытiи; но оказалось, что командиръ полка еще не возвратился отъ генерала Куропаткина и поэтому адъютантъ перваго баталiона приказалъ мнѣ ѣхать на встрѣчу командиру, чтобы указать ему дорогу и мѣсто нашего расположенiя.

Я сѣлъ на коня и поѣхалъ. Въ темнотѣ сбился съ дороги и, вдобавокъ, попалъ въ какую то яму; конь повалился на бокъ, а я хотя и соскочилъ съ него, но сильно выпачкался въ глинѣ. Послѣ этого я повелъ уже коня въ поводу, скоро вышелъ на дорогу, гдѣ встрѣтилъ командира, и вмѣстѣ съ нимъ вернулся на бивакъ. Кухня приготовила ужинъ, мы поужинали, напились чаю и легли отдыхать. Ночью было очень холодно и сыро.

23 Сентября.—Утромъ поднялись чуть свѣтъ. Вскипятили чай, попили его съ сухарями, напоили и накормили лошадей.

Мнѣ было приказано назначить ординарцевъ въ командировки: одного въ штабъ корпуса, двухъ въ штабъ дивизiи, двухъ бригадному командиру и по одному въ каждый баталiонъ нашего полка, такъ что при командирѣ полка осталось со мною еще 5 человѣкъ и полковой штабъ-горнистъ.

Все это было мною скоро исполнено и я, подсѣдлавъ лошадей себѣ и командиру, подвелъ ихъ къ палаткѣ. Было часовъ восемь утра. Командиръ полка вышелъ, поздоровался съ солдатами, поздравилъ съ первымъ походомъ и скомандовалъ полку подъ знамя. Снявъ фуражки, мы перекрестились и пошли подъ звуки походнаго марша на юго-западъ.

Пройдя нѣсколько верстъ, сдѣлали маленькiй привалъ; отдохнули немного и опять двинулись въ путь. Перешли полотно желѣзной дороги, повернули влѣво и черезъ 4 версты пришли на бивакъ, гдѣ уже стоялъ Мценскiй полкъ, одной съ нами дивизiи.

Солдаты поставили рядами палатки, а мы, конные ординарцы и обозные, разбили за полкомъ коновязи, разсѣдлали коней и поставили ихъ въ высокомъ гаолянѣ. Вскорѣ поспѣлъ обѣдъ; мы пообѣдали, напились чаю, а черезъ 2 часа напоили лошадей и задали имъ кормъ; вмѣсто овса кормили ячменемъ, который былъ купленъ еще дорогою до Мукдена, а за неимѣнiемъ сѣна, накосили чумизы и рису.

Послѣ обѣда я объѣзжалъ командирскихъ лошадей, готовя ихъ къ завтрашнему дальнему походу. Къ вечеру, изъ гаоляна построили себѣ шалашъ, въ которомъ и легли спать. Ночью опять было холодно, и всѣ спали не раздѣваясь.

24 Сентября.—Утромъ, еще до разсвѣта, мы всѣ уже были на ногахъ; напоили и накормили лошадей, затѣмъ для себя согрѣли чай, напились чаю и стали сѣдлать лошадей. Я пошелъ къ командиру полка, чтобы узнать, какую лошадь приготовить для него, но онъ сказалъ, что лошадей сѣдлать не надо, такъ какъ сегодня будетъ дневка. Я приказалъ разсѣдлать лошадей и почистить снаряженіе и оружіе. Вскорѣ намъ выдали сухари, крупу, сахаръ и пр., что намъ полагалось, а для лошадей въ послѣдній разъ дали овса, такъ какъ во всей Маньчжуріи его нигдѣ не сѣютъ и добыть его уже негдѣ было.

Послѣ обѣда мнѣ приказали ѣхать къ генералу Б., объѣздить новокупленную имъ въ Сибири лошадь. Я поѣхалъ, объѣздилъ его лошадь, а вернувшись, объѣздилъ еще по разу и командирскихъ лошадей. Затѣмъ я позвалъ кузнеца подкрѣпить подковы нѣкоторымъ лошадямъ, съ чѣмъ и провозился до темной ночи. Послѣ ужина мы легли спать въ своемъ шалашѣ, только на этотъ разъ я легъ уже раздѣвшись, даже сапоги снялъ. Но лишь только я заснулъ, какъ меня разбудили и позвали къ полковому адъютанту. Онъ сказалъ, что нужно назначить двухъ конныхъ ординарцевъ въ пѣшую охотничью команду, которая выступаетъ въ 3 часа ночи для осмотра впереди лежащей мѣстности. Вернувшись, я назначилъ ординарцевъ и легъ было опять спать, но черезъ нѣсколько минутъ меня вновь позвали, передать полковнику маленькій электрическій фонарикъ; я передалъ и опять легъ; поспалъ немного, какъ вдругъ опять будятъ, чтобы выдать ординарцамъ, которые поѣдутъ съ охотниками, продовольствіе и фуражъ на двое сутокъ. Я выдалъ и опять легъ. Уснулъ я очень крѣпко, и вдругъ слышу кричатъ, что поздно и надо вставать. Оказалось, что пріѣхалъ завѣдывающій охотничьей командой и сердился, что ординарцы проспали. Такъ и не дали какъ слѣдуетъ уснуть; усталъ ужасно....

25 Сентября.—Утромъ согрѣли чай, попили съ сухарями и только что одѣлись, какъ послышался сигналъ собираться и строиться въ походную колонну; я сталъ сѣдлать сперва лошадь полковника

а затѣмъ свою. Подсѣдлавъ свою лошадь, я хотѣлъ подъѣхать къ лошади командира, но ея уже не оказалось на мѣстѣ: пока я сѣдлалъ свою лошадь и садился на нее, кто то раньше меня увелъ ее къ командиру; видя это, я поспѣшилъ туда, и когда подъѣзжалъ къ командиру полка, онъ уже садился на лошадь. Но лишь только онъ поднялся на стремя, какъ вдругъ лошадь взвилась на дыбы, дала свѣчку и свалилась вмѣстѣ съ полковникомъ на землю, причемъ придавила ему ногу. Я сейчасъ же подбѣжалъ къ нему и помогъ подняться. Поднявшись, командиръ выругалъ меня за то, что лошадь опрокинулась, но я тутъ не былъ виноватъ, такъ какъ конюхъ, пѣхотный солдатъ, подалъ лошадь безъ меня, причемъ такъ туго подтянулъ ей заднюю подпругу, что лошадь и дохнуть не могла, почему и упала.

Полковникъ разсердился и не сѣлъ на свою лошадь, а сѣлъ на мою, а я на его.

Полкъ уже ушелъ, но мы его сейчасъ же нагнали. Командиръ полка послалъ меня къ бригадному спросить, кто охраняетъ обозъ 2 разряда и черезъ какое время обозу двигаться за боевыми частями. Я поскакалъ и передалъ, что мнѣ было приказано. Генералъ отвѣтилъ, чтобы обозъ держался въ 6 верстахъ отъ своего полка, а охрана назначена отъ второй бригады. Получивъ отвѣтъ, я полевымъ галопомъ поскакалъ обратно; вдругъ мой конь споткнулся, и я, полетѣвъ черезъ голову, угодилъ прямо въ лужу и весь выпачкался. Поймавъ коня и обтеревъ, на сколько возможно было, грязь, я сталъ продолжать прерванный путь, а въ головѣ моей проскользнула мысль: ну, и не везетъ же мнѣ: на первыхъ же порахъ все попадаю въ ямы; видно не миновать мнѣ и настоящей ямы, т. е. могилы. Подъѣхавъ къ полку и доложивъ отвѣтъ генерала командиру полка, я присоединился къ своимъ товарищамъ ординарцамъ и поѣхалъ дальше съ ними. Прошли мы верстъ 5, и передъ нами открылось непроходимое болото: вода разлилась по оврагамъ и по дорогѣ. Мы сдѣлали привалъ. Солдаты натаскали гаоляновыхъ сноповъ и загрузили ими воду, чтобы можно было проѣхать артиллеріи и пройти пѣхотѣ. Все это было сдѣлано быстро, и мы благополучно перебрались чрезъ эту грязную желтую лужу и пошли дальше.

Проѣхали какую-то лужайку, а за ней небольшую возвышен-

ность съ кустами и китайскими могилками. Начальство сошло съ коней. Въ это время проѣзжала 10 артиллерійская бригада. Спускаясь съ возвышенности, лошади побѣжали рысью; вдругъ одна лошадь, на которой сидѣлъ ѣздовой солдатъ, упала; солдатъ успѣлъ соскочить въ сторону, но на лошадь наскочило орудіе и переломило ей обѣ заднія ноги. Ее быстро замѣнили другою лошадью и поѣхали дальше. Дойдя до деревни Пендіандза, остановились бивакомъ на ночлегъ. Къ вечеру поднялся сильный вѣтеръ, пошелъ дождикъ, стало очень холодно; лошади не стоятъ спокойно, вертятся во всѣ стороны. Пѣхотные солдаты поставили для себя палатки, но у насъ ихъ не было, и мы кое-какъ, съ трудомъ, соорудили для себя шалашъ и переночевали въ немъ.

26 Сентября.—Воскресенье. Утромъ встали по обыкновенію очень рано,—чуть свѣтало; напоили и накормили лошадей и позавтракали сами. Намъ объявили, что будетъ дневка, и всѣмъ людямъ православнаго исповѣданія приказано было исповѣдываться и причаститься. Я тоже пошелъ на исповѣдь, но меня вскорѣ позвали къ полковнику. Онъ приказалъ мнѣ подсѣдлать лошадей, себѣ и мнѣ, и его коня подать къ палаткѣ бригаднаго командира, что я немедленно же и исполнилъ.

Но полковникъ поѣхалъ не верхомъ а въ коляскѣ, а я повелъ его лошадь вслѣдъ за нимъ въ поводу. Мы направились къ тому мѣсту въ полѣ, гдѣ собралось много высшихъ начальниковъ. Когда мы приблизились, всѣ сѣли верхами на лошадей и поѣхали осматривать впереди лежащую мѣстность, чтобы выбрать подходящія боевыя позиціи на случай появленія противника.

Командиръ нашего полка былъ нездоровъ и, кромѣ того, у него болѣла нога отъ ушиба, полученнаго имъ 25 Сентября, когда упала лошадь и придавила ему ногу; поэтому нашъ бригадный генералъ предложилъ ему остаться на первой же выбранной позиціи и ждать ихъ возвращенія. Мы остались и принялись разсматривать карту этой мѣстности.

Спустя немного, полковникъ и говоритъ мнѣ: — Шикуцъ, какъ ты думаешь, не разбѣгутся наши солдаты при первой встрѣчѣ съ японцами?—Я отвѣтилъ, что русскія войска никогда не уступятъ японскимъ, а онъ мнѣ отвѣчаетъ на это: „да, вѣдь, разбѣжался же полкъ 54 дивизіи, когда ранили командира полка; такъ

и побѣжали всѣ назадъ“. Тогда мнѣ захотѣлось пошутить, и я сказалъ: „у насъ не разбѣгутся, ваше высокоблагородіе, такъ какъ насъ съ вами не убьютъ: я такое „слово“ отъ вражьихъ пуль знаю“. Полковникъ усмѣхнулся и проговорилъ: „ну, дай Богъ, если ты правду говоришь“.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора, вернулись всѣ начальники и мы поѣхали къ своимъ частямъ. Тѣмъ и кончился день нашей дневки.

Вечеромъ легли спать уже съ охраной кругомъ: вездѣ были поставлены сторожевые посты.

27 Сентября.—Утромъ поднялись по обыкновенію рано, убрали палатки, подсѣдлали лошадей и черезъ нѣсколько минутъ услыхали команду: „подъ знамя! на молитву! шапки долой!“ Всѣ сняли шапки, помолились, и затѣмъ полкъ двинулся въ боевомъ порядкѣ: охотники и дозоры впереди и по бокамъ, такъ какъ всѣ предполагали, что сегодня же придется встрѣтиться съ нашимъ врагомъ.

Мы дошли до деревни Шіулиндзя и, остановившись тутъ, услыхали первый сильный гулъ орудійныхъ выстрѣловъ.

Скоро послѣдовало распоряженіе занять позиціи и укрѣпить ихъ. Мы быстро принялись за работу и нарыли окоповъ, редутовъ а также и закрытій отъ вражескихъ снарядовъ для орудій.

Китайцы въ своихъ фанзахъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, тотчасъ же затопили свои печи и дымъ отъ нихъ очень высоко сталъ подниматься надъ деревней. Это они дѣлали для того, чтобы японцы издалека видѣли, что у этой деревни находятся русскія войска. Такимъ образомъ, врагъ зналъ, гдѣ у насъ расположены боевыя военныя силы и навѣрняка наводилъ свои орудія, если только было близко до цѣли. Но на этотъ разъ, не смотря на сигналы, ничего не произошло; мы всю ночь простояли на готовѣ, безъ сна, а если кто и прикурнулъ въ окопѣ, то былъ залитъ водою, такъ какъ ночью пошелъ дождь и всѣ окопы наполнились водою.

28 Сентября.—Утромъ, часовъ въ 9, полученъ былъ приказъ выступить впередъ къ дер. Сандіандза. Мы быстро собрались и двинулись въ путь. Впереди слышалась канонада и, повидимому, шелъ сильный бой. Пройдя нѣсколько верстъ, намъ на встрѣчу стали попадаться кое-гдѣ идущіе и ѣдущіе раненые; иногда встрѣчные

солдаты вели въ поводу раненыхъ артиллерійскихъ и казачьихъ лошадей; мимо насъ, отступая, прошелъ какой-то полевой госпиталь. Словомъ, видны были слѣды жаркаго боя.

Дошли мы на мѣсто поздно, когда солнце было уже на закатѣ. Лишь только мы остановились, какъ къ намъ подскакалъ офицеръ съ просьбой о помощи генералу Г., говоря, что они уже два дня дерутся, безъ отдыха и безъ пищи; нашъ командиръ обратился къ бригадному за разрѣшеніемъ послать подкрѣпленіе, но тотъ безъ разрѣшенія корпуснаго командира не могъ сдѣлать никакого распоряженія. Въ это время другой офицеръ былъ посланъ къ 285 Мценскому полку. Командиръ того полка погорячился и самъ послалъ одинъ баталіонъ на помощь, о чемъ и доложилъ генералу Б., но тотъ за это страшно разсердился: „какъ, говоритъ, вы осмѣлились это сдѣлать безъ моего приказанія! Пошлите вернуть вашъ баталіонъ назадъ!“ Но вернуть было уже поздно, такъ какъ баталіонъ успѣлъ вступить въ бой и отлично выручилъ товарищей.

Нашъ полкъ сталъ рыть окопы. За работу принялись усердно, не смотря на то, что сегодня не получали обѣда; при выступленіи, кухни не пошли за нами, такъ какъ предполагалось вступить въ бой, и имъ велѣли доставить обѣдъ только вечеромъ, когда будетъ достаточно темно; но въ темнотѣ онѣ сбились съ дороги и попали въ другую часть, гдѣ не ѣли уже два дня; тамъ, конечно, проголодавшіеся солдаты набросились на наши кухни и къ намъ прибыли одни порожніе котлы; но такъ какъ кухни накормили голодающихъ товарищей, хотя и другой части, то виновникамъ ошибки ни отъ начальства, ни отъ солдатъ нашего полка непріятностей не было. Одна только офицерская кухня прибыла къ намъ съ пищей; но большинство офицеровъ было занято въ разныхъ мѣстахъ и только нѣкоторые свободные, а также и командиръ полка поѣли изъ кухни, остальное же докончили мы. Ночью никто не прилегъ до самаго разсвѣта, а мы ординарцы и лошадей всю ночь въ рукахъ продержали.

29 Сентября.—Утромъ всѣ были готовы къ бою и съ большимъ напряженіемъ ждали японцевъ. Командиръ полка собралъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ и передалъ имъ распоряженіе, что намъ велено наступать на впереди стоящую деревню.

Онъ объяснилъ всѣмъ, кому и какъ двигаться, какого держаться направленія, и сталъ показывать на картѣ соотвѣтственныя мѣста. Въ это время раздался оглушительный орудійный выстрѣлъ. Всѣ вздрогнули, перекрестились и подумали, что вотъ, началось, быть можетъ, роковое для каждаго боевое дѣло. Но, оказалось, что это была ошибка: бомбардиръ наводчикъ 10-й артиллерійской бригады, разряжая орудіе, нечаянно произвелъ выстрѣлъ. Къ счастью, все обошлось благополучно и только двухъ солдатъ воздухомъ съ ногъ сшибло.

Командиръ полка приказалъ начать наступленіе. Было часовъ 9 утра. Охотники и дозоры вышли впередъ, четвертый баталіонъ разсыпался въ цѣпь, а остальные пошли колоннами позади. Только что успѣли мы подойти подъ деревню и стали окапываться, какъ по передовымъ частямъ открылась ружейная и пулеметная пальба японцевъ и въ это же время, какъ на грѣхъ, на горизонтѣ появились и наши кухни и патронныя двуколки. Нѣкоторые изъ насъ подумали—„ну, Слава Богу, кухни ѣдутъ! поѣдимъ какъ нибудь!“ Но не успѣли мы и глазомъ мигнуть, какъ японцы ихъ тоже замѣтили и открыли по нимъ убійственный артиллерійскій огонь. Ужасъ, что было тогда! Ревъ, стонъ, свистъ, гулъ, земля столбами пыли кверху поднималась. Всѣ снаряды летѣли надъ нашими головами, какъ изъ нашихъ 16-ти орудій, такъ и изъ японскихъ, потому что японцы, принявъ наши кухни и патронныя двуколки за нашу артиллерію, направили на нихъ огонь. Вскорѣ, однако, кухни скрылись, кто куда, и благополучно вернулись обратно. Тогда противникъ началъ брать цѣль ближе и ближе и почти моментально перенесъ огонь къ нашимъ окопамъ. Полковникъ сошелъ съ лошади и отдалъ ее мнѣ, а самъ сѣлъ въ окопъ. Въ это время около него, не далѣе какъ шагахъ въ десяти, разорвался снарядъ, лошади вырвались и разбѣжались, а я отъ сотрясенія воздуха упалъ на землю. Когда я вскочилъ на ноги, то увидѣлъ, что полковникъ поднялся изъ окопа и смотритъ на меня; въ это время, какъ нарочно, возлѣ него ударился въ землю и взорвался другой снарядъ. Полковникъ упалъ въ окопъ, у меня зашумѣло въ ушахъ, но я скоро овладѣлъ собою и бросился къ окопу; смотрю, полковникъ сидитъ на землѣ и только изумленными глазами смотритъ на меня.—„Ты,—говоритъ,—живъ?“ „Живъ“

отвѣчаю я.—„Да какъ же это? у твоихъ ногъ снарядъ разорвался!“ А я ему въ отвѣтъ: „да, вѣдь, и у вашихъ ногъ тоже разорвался снарядъ!“

Послѣ этого врагъ перенесъ огонь на нашу батарею. Воспользовавшись затишьемъ, наши войска стали наступать на деревню и завязали съ непріятелемъ горячую перестрѣлку.

Когда войска наши вошли въ деревню, то японцы опять перенесли весь свой огонь на насъ. Ужасъ, что было тогда! Полковникъ послалъ меня передать приказаніе 14 ротѣ зайти влѣво за деревню, и я попалъ въ адскій огонь. Удивительно, какъ меня не убило и не ранило тогда!..

Въ деревнѣ поймали одного хунхуза, который флагами показывалъ японцамъ, гдѣ находились наши солдаты, и они навѣрняка разбивали нашихъ. Послѣ уничтоженія хунхуза, врагъ не сталъ такъ мѣтко стрѣлять по насъ.

Стало темно, а за темнотою въ скоромъ времени прекратился и самый бой. Я вернулся къ полковнику и доложилъ обо всемъ, что видѣлъ.

Вскорѣ послѣ прекращенія боя полилъ дождь. Раздались оглушительные раскаты грома, молнія прорѣзывала темный покровъ ночи и, послѣ ослѣпительныхъ вспышекъ ея, темнота казалась такою непроглядною, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно.

Часовъ въ 11 было приказано всѣмъ командирамъ полковъ явиться къ бригадному генералу Б. Нашъ командиръ и я поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ находиться бригадный генералъ.

Дождь не унимался, громъ и молнія и оглушали и ослѣпляли насъ, и въ этой непроглядной тьмѣ командиру почему-то показалось, что мы ѣдемъ не туда, куда нужно. „Да знаешь ли ты дорогу?“ спрашиваетъ онъ меня; я отвѣчаю, что знаю. Ѣдемъ дальше. Вдругъ онъ останавливается и начинаетъ меня ругать: „а еще развѣдчикъ 1-го разряда, и значекъ носишь на груди, а самъ ничего не понимаешъ“. Я отвѣтилъ, что мы ѣдемъ вѣрно, но онъ закричалъ: „врешь, дуракъ! молчи, если не знаешь!... Болванъ“. Я замолчалъ. Командиръ повернулъ коня и поѣхалъ влѣво; я, конечно, за нимъ. Ѣхали—ѣхали и доѣхали до деревни, въ которой дрались.

При блескѣ молніи мы увидѣли разбросанные по землѣ вещи,

винтовки и трупы нашихъ товарищей. Тогда полковникъ и говоритъ: „да, Шикуцъ, ты правъ; не ты, а я сбился съ дороги“. На обратномъ пути мы наѣхали на наши первые окопы и уже отсюда еле добрались по невылазной грязи до генерала Б. Здѣсь всѣ уже были въ сборѣ и ожидали пріѣзда нашего командира.

Генералъ получилъ приказъ, чтобы ночью, незамѣтно отъ японцевъ, отступить, и сталъ показывать на планѣ, гдѣ и какъ кому двигаться; чтобы лучше разсмотрѣть карту, зажгли фонарики; кромѣ того, нѣкоторые солдатики закурили китайскія трубки; я тоже—забрался въ канаву и закурилъ папироску изъ китайской махорки. Въ это время непріятель замѣтилъ свѣтъ отъ фонарей или отъ неосторожно зажженой спички (ночью свѣтъ папироски и то виденъ далеко), да какъ запуститъ по насъ орудійный залпъ! Хорошо еще, что случился перелетъ и снаряды упали въ озеро, но и безъ этого залпъ произвелъ у насъ полнѣйшій переполохъ. Лошади повырвались изъ рукъ, а стоявшіе солдаты и начальствующія лица попадали кто куда, иные въ канавы, иные попали прямо въ озеро, такъ какъ было темно и ничего не было видно.

Японцы выпустили по насъ три залпа, не причинивъ намъ, однако, большого вреда, такъ какъ поранили только двухъ нашихъ ординарцевъ и убили одну лошадь.

По прекращеніи пальбы мы сейчасъ же разъѣхались по своимъ частямъ и начали отступать. Шли всю ночь, а дождикъ не переставалъ и безъ милосердія лилъ какъ изъ ведра.

Въ началѣ сегодняшняго боя произошелъ у насъ и комическій эпизодъ. Когда охотники пошли впередъ, то прапорщикъ запаса, бывшій помощникомъ пѣшей охотничьей команды, шелъ очень бодро и неоднократно говорилъ: „Мы ихъ разобьемъ вдребезги! эй, вѣстовой! давай-ка сюда мою бутылочку, я хвачу для смѣлости“. Такъ повторялось нѣсколько разъ и съ обязательнымъ прикладываніемъ къ бутылочкѣ для „смѣлости“. Но когда японцы открыли сильный артиллерійскій огонь, то прапорщикъ, закричавъ:—„да вѣдь это не война, а смертоубійство!“—моментально сорвалъ съ себя погоны, шашку, фуражку и, бросивъ все на землю, убѣжалъ за бугорокъ. Всѣ думали, что онъ помѣшался.

30 Сентября.—Утромъ мы дошли до деревни Шіулинзы. Здѣсь насъ встрѣтилъ командиръ корпуса, поздравилъ съ боевымъ

крещеніемъ и поблагодарилъ за первую отличную боевую службу, Мы остановились за деревней. Тамъ уже были построены походные госпиталя, и было въ нихъ много раненыхъ и умершихъ отъ тяжелыхъ ранъ; имъ же мы сдали и нашихъ раненыхъ. Послѣ сдачи мы пошли дальше, и намъ объявили, что мы будемъ теперь въ резервѣ. Когда мы дошли до деревни Пендсандзы, остановились и разсѣдлали лошадей, я немедленно же сварилъ два котелка чаю, одинъ себѣ а другой полковнику и адъютанту; вскорѣ же подоспѣли и кухни съ обѣдомъ. Подали сигналъ къ обѣду и наши солдатики бросились съ бивака къ кухнямъ; я тоже побѣжалъ туда, но не успѣлъ набрать въ котелокъ борща, какъ ко мнѣ подбѣжалъ полковой горнистъ и говоритъ: „бѣги скорѣй къ командиру полка". Я сейчасъ же передалъ свой котелокъ артельщику, чтобы онъ оставилъ мнѣ борща, и побѣжалъ къ командиру полка. Не успѣлъ я добѣжать до него, какъ раздался сигналъ тревоги. Солдаты начали ругаться, такъ какъ 3 дня уже не ѣли ничего горячаго, да и теперь, какъ говорится, изъ подъ носу обѣдъ увертывался; но на ихъ ругань никто не обращалъ вниманія: и здѣсь и тамъ раздавалась команда—„стройся въ колонну!" Солдаты спѣшно бѣгутъ, кто порцію въ зубахъ держитъ, кто котелокъ съ борщомъ торопливо несетъ, кто уже сѣлъ на землю и спѣшитъ на скорую руку поѣсть, но на его горе борщъ очень горячь и ѣсть его быстро невозможно.

Я скоро подалъ коня полковнику, и мы поѣхали впередъ, а за нами двинулся и полкъ.

Пошли немного вправо отъ той дороги, по которой сюда шли. Долго мы двигались въ боевомъ порядкѣ и стало уже темно, когда, наконецъ, остановились и сдѣлали привалъ. Черезъ нѣсколько времени подвезли кухни и тутъ ужъ мы успѣли поужинать. Моего котелка я уже не нашелъ и поѣлъ съ товарищами. Но только что мы поужинали, какъ подъѣхалъ казакъ съ распоряженіемъ, чтобы мы повернули влѣво къ какой то деревнѣ и дожидались тамъ новаго распоряженія.

Мы поднялись и пошли въ указанномъ направленіи, но въ темнотѣ пробродили всю ночь и не нашли искомой деревни; передъ разсвѣтомъ остановились приваломъ, такъ какъ всѣ сильно устали. Каждый ткнулся въ землю, кто какъ могъ, не выпуская

изъ рукъ винтовокъ, а мы еще и лошадей въ рукахъ держали. Было очень плохо, сыро и холодно и мы еле дождались бѣлаго дня. Когда же разсвѣло, то оказалось, что мы всю ночь кружились около той самой деревни, которую искали и остановились недалеко отъ нея.

1 Октября.—Утромъ мы выступили въ боевомъ порядкѣ, такъ какъ получено было приказанiе двигаться въ сторону непрiятеля на деревню Куслимту. Пройдя въ этомъ направленiи верстъ семь, мы замѣтили впереди себя какiя то мелкiя, безпорядочныя колонны. Когда мы разсмотрѣли ихъ, то оказались, что это идутъ гурьбами китайцы, китаянки и ихъ дѣти, тащутъ свое имущество и гонятъ скотъ, ословъ, муловъ, свиней и пр. Маленькихъ дѣтей китайцы несли на коромыслахъ въ корзинахъ, побольше сами шли, шли также пѣшкомъ и китаянки. Но жалко было смотрѣть на этихъ несчастныхъ женщинъ, такъ какъ ноги ихъ съ дѣтства уродуются и онѣ носятъ такiе маленькiе башмаки, которые врядъ ли полѣзли бы на ногу пятилѣтняго европейскаго ребенка; онѣ шли съ палками, чтобы вѣтеръ не сшибъ ихъ съ ногъ, такъ какъ ноги ихъ по слабости своей не выдержали бы даже небольшаго вѣтра. Я ѣхалъ съ полковникомъ рядомъ и сказалъ ему, указывая на китайцевъ: „вѣрная примѣта, что сегодня будетъ бой въ томъ мѣстѣ, откуда бѣгутъ, спасая свою жизнь и имущество, эти китайцы". „Да, проговорилъ полковникъ,—несчастные, бѣдные люди! Всѣ то ихъ обижаютъ!.." И только лишь проговорилъ онъ эти слова, какъ начали раздаваться раскаты орудiйныхъ выстрѣловъ. Наша бригада, двигаясь сперва на дер. Куалимпу, потомъ повернула на дер. Шiулиндзу, затѣмъ опять на Куалимпу, и стали мы подходить уже къ деревнѣ, какъ пошелъ сильный дождь и моментально превратилъ землю въ невылазную грязь. Въ это время къ намъ подъѣхалъ офицеръ изъ 6 корпуса и передалъ приказанiе корпуснаго командира, чтобы поспѣшить на помощь Юхновскому и Епифановскому полкамъ. Мы быстро прошли черезъ дер. Шiулиндзу и лишь только вышли на другую сторону, какъ видимъ, что эти два полка отступаютъ и солдаты бѣгутъ, кто и какъ попало. Японцы, видя ихъ бѣгство и смятенiе, стали осыпать бѣгущихъ снарядами, которые начали достигать и нашихъ частей. Полковникъ послалъ меня вернуть 3-й и 4-й баталiоны нашего полка,

которые были впереди и лѣвѣе насъ. Я поскакалъ карьеромъ, передалъ приказаніе и поскакалъ обратно. Но не успѣлъ я проскакать и ста шаговъ, какъ былъ осыпанъ снарядами и спереди, и сзади, и сбоку; чтобы сколько нибудь укрыться отъ нихъ, я вскочилъ въ группу ветелъ, гдѣ были китайскія могилы, быстро соскочилъ съ лошади и сѣлъ за высокой могилой подъ деревомъ. Пока я сидѣлъ, ко мнѣ собралось много бѣглецовъ изъ разбитыхъ полковъ: кто безъ винтовки, кто безъ вещей, а одинъ солдатикъ прибѣжалъ въ одномъ сапогѣ. Я его спросилъ—„что ты въ одномъ сапогѣ, раненъ навѣрное?“—„Нѣтъ, говоритъ,—не раненъ а, бѣжавши, въ грязи увязъ, еле выскочилъ, сапогъ тамъ и остался да и винтовку тамъ же бросилъ“. Я велѣлъ было ему идти за винтовкой, но онъ такъ меня выругалъ, что небу жарко стало: „на что она мнѣ нужна? мало ихъ у насъ, что-ли?..“ Какъ только притихла орудійная пальба, я сталъ продолжать свой путь.

Полкъ нашъ пошелъ черезъ деревню Куалимпу. Въ этой деревнѣ былъ винный или, вѣрнѣе, ханшинный заводъ и нѣсколько магазиновъ и мелкихъ лавокъ. Всѣ бѣжавшіе солдаты набросились на заводъ, напились до положенія ризъ и принялись грабить дома, лавки и магазины. Китайцы начали было сопротивлятся, но солдаты, въ возбужденіи бѣгства и опьяненія, стали стрѣлять по нимъ. Въ это время черезъ эту деревню проѣзжалъ нашъ корпусный командиръ, генералъ отъ инфантеріи С., и одна изъ пуль чуть не задѣла его; тогда стали кричать, что въ деревнѣ хунхузы и стрѣляютъ по генералу; тотъ погорячился и приказалъ бить всѣхъ хунхузовъ. Тутъ ужъ пьяные солдаты принялись избивать беззащитныхъ китайцевъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Я доложилъ нашему командиру полка обо всемъ происшедшемъ, онъ въ свою очередь доложилъ генералу и тогда тотъ приказалъ послать одну роту выгнать пьяныхъ мародеровъ. Отъ нашего полка была послана на усмиреніе 12-я рота. Я самъ видѣлъ, какъ нѣсколько дѣтишекъ были проткнуты штыками и выброшены черезъ окна на улицу; одна женщина искала спасенія на крышѣ, но безжалостные солдаты и тамъ достали и прокололи ее штыками. Душа содрогается при воспоминаніи объ этихъ звѣрствахъ! Чего только тамъ не было! Боже мой, женщины и дѣти кувыркались на улицахъ, подымались, снова падали и плакали, кричали, стонали,

молили о пощадѣ, но пощады не было, даже въ бездыханные трупы солдаты втыкали штыки и бросали ихъ въ озеро или, вѣрнѣе сказать, въ прудъ, который находился возлѣ завода. Когда повыгнали изъ деревни этихъ злодѣевъ, то у каждаго изъ нихъ оказались за плечами узлы и мѣшки, въ которыхъ былъ разный хламъ: шолкъ, че-су-ча, женскія и дѣтскія платья, а одинъ захватилъ даже мѣшокъ съ женской обувью, которая такъ мала и уродлива, что рѣшительно ни кому на свѣтѣ, кромѣ китаянки, не можетъ быть годна.

Мы остановились на ночлегъ недалеко отъ этой деревни. Дождь не переставалъ. Къ намъ присоединился эскадронъ 52 драгунскаго Нѣжинскаго полка, который, до насъ, стоялъ въ этой деревнѣ 5 сутокъ, и очень хорошо отозвался о жителяхъ этой деревни, говоря, что они очень добрые, смирные и никогда хунхузовъ тамъ не замѣчалось. Всю ночь мы провели на готовѣ, не раздѣваясь и съ оружіемъ въ рукахъ.

Для офицеровъ мы сдѣлали изъ гаоляна шалашъ. Полковникъ, войдя въ него, велѣлъ подать двѣ лошадиныхъ попоны, одну чтобы подстелиться а другую—чтобы укрыться. Я подалъ и остался въ шалашѣ послушать офицерскіе разговоры.—„Да, проговорилъ полковой адъютантъ, многіе изъ насъ въ прошлый Покровъ кутили, а въ настоящемъ году въ Россіи за насъ другіе кутятъ, а мы здѣсь даже чаю напиться не можемъ, кухни не доставили пищи, вьюки не пришли, а у солдатиковъ нѣтъ даже и сухарей....“

Я въ это время подошелъ поближе и попросилъ разрѣшенія сварить для нихъ чаю. Полковникъ разрѣшилъ, но съ тѣмъ, чтобы не было видно огня. Я взялъ 2 котелка, пошелъ въ деревню, вскипятилъ чай и принесъ одинъ котелокъ имъ, а другой себѣ оставилъ. Принесъ имъ также и 4 сухаря, которые нашлись у меня въ кабурѣ у сѣдла. Они выпили по кружкѣ солдатскаго чаю и говорятъ: „не совсѣмъ хорошъ! чеснокомъ воняетъ и на зубахъ хруститъ, да и маловато. Нельзя ли еще одинъ котелокъ сварить?“ Желая исполнить ихъ просьбу, я подалъ имъ и свой котелокъ; они посмотрѣли и говорятъ: — „что онъ такой сѣрый и густой?“—„Воду изъ колодцевъ выбрали, отвѣтилъ я, и всю взмутили, поэтому она и бѣлая, какъ изъ лужи“. Они усмѣхну-

лись и сказали:—„Ну, ладно, сойдетъ для праздничка Покрова“; другіе прибавили:—„вотъ такъ праздничекъ Покрова Пресвятой Богородицы! Задалъ намъ перцу, вѣкъ не забудемъ его!“

2 Октября.—Утромъ, когда стало совсѣмъ свѣтло, командиръ полка собралъ баталіонныхъ командировъ и поѣхалъ съ ними осмотрѣть мѣста, гдѣ и какъ проѣхать, чтобы выбрать удобную позицію. Когда мы подъѣхали къ позиціи Епифановскаго полка, японцы замѣтили насъ и начали засыпать снарядами, но, благодаря перелету, не причинили намъ вреда и скоро прекратили пальбу. Мы вернулись въ деревню Сѣверную Безымянную, куда къ намъ подошелъ и весь нашъ полкъ. Врагъ вновь открылъ по насъ артиллерійскій огонь, но мы укрылись за деревней и за стѣнами китайскихъ фанзъ.

Скоро мы нарыли окоповъ и, занявъ позицію, стали ожидать наступленія японцевъ. Но ни они, ни мы въ этотъ день не наступали.

Наша артиллерія расположилась въ лощинѣ, позади деревень Сѣверная Безымянная и Доалентунь. Командиръ нашего полка былъ назначенъ начальникомъ этого боевого участка и потому поѣхалъ осмотрѣть, какъ поставлена артиллерія, и мнѣ велѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ; одной ротѣ онъ приказалъ идти для охраны батарей.

Одна батарея была поставлена въ лощинѣ, за озеркомъ и за группой сосенокъ, а другая — немного впереди и влѣво, въ гаолянѣ, который хорошо закрывалъ её.

Рота, назначенная для охраны батареи, выйдя изъ деревни, очутилась на открытомъ мѣстѣ; непріятель тотчасъ замѣтилъ ея движеніе и открылъ по ней артиллерійскій огонь, но огонь былъ очень рѣдкій и, кромѣ того, съ сильнымъ перелетомъ снарядовъ.

Полковникъ приказалъ мнѣ провести роту оврагомъ. Только что отскакалъ я нѣсколько сажень, какъ на меня градомъ посыпались снаряды. Я соскочилъ съ лошади и бросился въ глубокій и узкій оврагъ, гдѣ и прилегъ къ землѣ притаивъ дыханіе. Кругомъ снаряды такъ и рвутся, а конь, мой добрый конь, спустился въ оврагъ и сталъ щипать траву. Минуты черезъ двѣ непріятель прекратилъ стрѣльбу, и я поднялся на ноги и выглянулъ изъ оврага. Смотрю, ко мнѣ бѣгутъ 2 санитара съ носилками и фельдшеръ съ

сумкой. Бросились ко мнѣ и спрашиваютъ, во что я раненъ. „Богъ миловалъ, пока ни во что“, отвѣтилъ я.—„А насъ, говорятъ, полковникъ послалъ къ вамъ, говоритъ, что или убитъ или раненъ въ оврагѣ мой ординарецъ Шикуцъ“.—Когда я вернулся къ полковнику, онъ очень удивился тому, что ни одна граната не задѣла меня.

Въ это время пріѣхалъ къ намъ генералъ-маіоръ командиръ 2-й бригады 55 дивизіи и передалъ приказаніе открыть огонь съ нашихъ батарей по непріятельской батареѣ. Полковникъ опять послалъ меня къ нашимъ батареямъ, чтобы тѣ открыли стрѣльбу по деревнѣ Чанляпу, гдѣ стояла японская артиллерія. Когда я доложилъ объ этомъ командиру батареи, то въ ту же минуту раздалась команда и наши бомбы полетѣли къ японцамъ.

Я, желая посмотрѣть, какъ работаютъ наши орудія, слѣзъ съ коня и сталъ смотрѣть, немного заткнувъ руками уши; но конь мой не стоялъ на мѣстѣ и все уходилъ въ лѣвую сторону; тогда я взялъ коня и хотѣлъ сѣсть на него и уѣхать обратно въ полкъ, но лишь только я поднялъ ногу въ стремя, какъ раздался оглушительный взрывъ и трескъ, конь мой исчезъ и я упалъ. Въ головѣ шумѣло, въ глазахъ мутилось... Но я скоро очнулся, вскочилъ на ноги, взглянулъ на наши орудія и — о, ужасъ! переднее орудіе лежитъ на боку, одно колесо разбито въ дребезги а кругомъ валяются убитые и раненые артиллеристы; на томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ минуту тому назадъ и откуда оттащилъ меня мой конь, земля отъ разрыва снаряда была взрыта и на ней образовалась большая яма. Опомнившись, я перекрестился и, поблагодаривъ Бога за столь чудное спасеніе, пустился бѣгомъ къ своей части. Когда я прибѣжалъ къ полку, то коня моего уже успѣли поймать и держали подъ узцы, а командиръ полка съ адъютантомъ стояли невдалекѣ отъ него и разговаривали о чемъ-то. Подойдя къ нимъ, я доложилъ полковнику, что приказаніе его на батарею мною благополучно передано. Полковникъ, увидавъ меня живого и даже не раненаго, очень удивился и обрадовался.—„Ты, живъ?! а я, увидя, что лошадь пришла безъ тебя, думалъ, что ужъ не увижу тебя въ такомъ молодецкомъ видѣ. Счастливецъ Шикуцъ! Дай Богъ намъ всѣмъ такое счастье, чтобъ снаряды кругомъ рвались и никого не убивали!...“ А у самого слезы такъ и блестятъ на глазахъ.

Весь день простояли мы около этой деревни. Я съ ординарцами устроилъ подъ толстой стѣной закрытіе, куда мы натаскали соломы, поставили лошадей и сами поусѣлись, кто какъ могъ, — кто дремалъ, кто спалъ. Полковникъ, адъютантъ и еще одинъ баталіонный командиръ помѣстились вмѣстѣ съ нами. Обѣда никто не получилъ, только вечеромъ привезли намъ сухариковъ на вьючныхъ ослахъ. Мы сварили чаю, напились сами и напоили нашихъ начальниковъ.

Всю ночь мы провели въ тревогѣ, каждую минуту ожидая какого-нибудь происшествія. Китайцы, на день попрятавшіеся отъ смерти въ погребахъ, ночью повылѣзли на землю и просили, чтобы имъ разрѣшили варить кушанья, такъ какъ днемъ имъ было воспрещено топить печи, чтобы они дымомъ не могли давать знать японцамъ о нашемъ мѣстѣ нахожденія. Просьбу ихъ удовлетворили, но потомъ велѣли имъ совсѣмъ убраться изъ деревни къ Мукдену, чтобы они не смущали солдатъ, а то послѣдніе часто принимали ихъ за хунхузовъ и нерѣдко убивали.

3 Октября. — Утромъ нашему полку было приказано передвинуться немного вправо, за кирпичный заводъ, и наступать на деревню Южная Безымянная. Полкъ началъ двигаться вправо, какъ вдругъ видимъ, везутъ обѣдъ. Всѣ обрадовались; но оказалось, что это кухни Епифановскаго полка. На наше счастье намъ все же выдали на каждые два человѣка по одному котелку борща съ китайской капустой, потому что Епифанскій полкъ 1-го Октября былъ сильно разбитъ и людей въ немъ осталось мало: въ иной ротѣ всего только по нѣсколько человѣкъ. Закусивъ немного горячимъ или, какъ говорятъ, заморивъ червяка, мы стали продолжать наше передвиженіе и дѣлали перебѣжки частями, чтобы противникъ не замѣтилъ насъ и не открылъ огня. Пока мы дѣлали перебѣжки и выравнивались въ боевую линію, къ намъ подъѣхалъ казакъ и подалъ донесеніе о томъ, чтобы не стрѣлять по впереди лежащей мѣстности, такъ какъ она занята 288 Куликовскимъ полкомъ. Прочитавъ донесеніе, полковникъ все таки велѣлъ продолжать передвиженіе какъ можно незамѣтнѣе и со всѣми предосторожностями. Такимъ образомъ, мы дошли до густого и высокаго гаоляна. Командиръ полка съ адъютантомъ и я поѣхали верхами впередъ и, вдругъ, видимъ, — въ гаолянѣ стоятъ какіе то странные, высокіе

зарядные ящики. Стали ихъ разсматривать въ бинокль, но ничего не могли разобрать. Я попросилъ у полковника бинокль и тоже сталъ смотрѣть, и замѣтилъ, что кто то тамъ какъ будто то встаетъ, то опять садится; въ другомъ мѣстѣ тоже кто-то шевелился... Я передалъ бинокль полковнику и онъ увидалъ въ него то же самое, и былъ очень удивленъ, такъ какъ казакъ только что донесъ ему о занятіи этой деревни русскими.

Я попросилъ, чтобы меня пустили осмотрѣть эти странные предметы поближе, но полковникъ не соглашался, говоря, что этотъ обманъ нарочно устроенъ японцами, и далъ свое согласіе только по просьбѣ адъютанта С., но совѣтывалъ мнѣ быть крайне осторожнымъ. Я выхватилъ изъ ноженъ шашку и поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли кажущіеся ящики. Вдругъ, слышу слабый голосъ: „землякъ, спасите!... Землякъ спасите!“ Голосъ былъ слабый и глухой, точно изъ-подъ земли, и кричавшаго нигдѣ не было видно. Но неожиданно я замѣтилъ его движеніе: онъ махалъ фуражкой, что издали мы и приняли за вставаніе и опусканіе человѣка.

Увидя его, я обрадовался, но онъ былъ въ такомъ положеніи, что, глядя на него, сердце кровью обливалось и слезы невольно потекли изъ глазъ. Онъ сидѣлъ на гаолянѣ; лѣвая нога, которую онъ держалъ зубами за привязанную къ ней веревочку, и лѣвая рука были перебиты; лицо было страшно блѣдное и во рту виднѣлись какія-то бѣлыя лохмотья. Онъ объяснилъ мнѣ, что кромѣ него тутъ есть еще много такихъ; иные отстали, иные уползли впередъ; онъ тоже уползъ съ $^1/_2$ версты отъ того мѣста, гдѣ его изувѣчило, только благодаря тому, что упирался правою ногою и лѣвою рукою въ землю а разбитую ногу подтаскивалъ зубами за веревочку. Многихъ его товарищей перебили въ окопахъ 1 Октября.

Я поѣхалъ дальше и увидѣлъ въ оврагѣ еще двухъ чуть живыхъ и не могущихъ говорить солдатиковъ; смотрю дальше, у китайскихъ могилокъ, въ ямочкѣ, сидятъ еще 4 человѣка, пригнувшись другъ къ другу. Они стали просить меня спасти ихъ. Я быстро повернулъ коня и поскакалъ доложить полковнику о томъ, что я увидѣлъ. Сейчасъ же были посланы носилки и фельдшера, которые и подобрали этихъ несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что тутъ же гдѣ то долженъ быть ихъ израненный ротный командиръ, который ночью былъ еще живъ, такъ какъ стоналъ недалеко отъ нихъ.

Я поѣхалъ дальше, въ надеждѣ найти еще кого нибудь изъ забытыхъ на полѣ битвы раненыхъ.

Проѣхавъ немного впередъ, я увидѣлъ, что среди гаоляна стоятъ наши 4 зарядныхъ ящика и тутъ же лежатъ 28 убитыхъ лошадей, въ хомутахъ, а кругомъ трупы солдатъ въ разныхъ позахъ, кто вверхъ, кто внизъ лицомъ, кто бокомъ, кто въ одиночку, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыми кучами другъ на другѣ. Повидимому, они стрѣляли подъ прикрытіемъ труповъ своихъ же товарищей и рядомъ съ убитыми умирали и сами славной и почетной смертью.

При видѣ всего этого, въ моей душѣ что-то дрогнуло, похолодѣло и сдѣлалось страшно жутко и тяжело. Я тронулъ коня впередъ, но и конь, точно понимая, гдѣ онъ находится, началъ безпокойно фыркать и неохотно трогался съ мѣста. Я оглянулся назадъ и увидѣлъ, что наши войска приближаются ко мнѣ, но находятся еще верстахъ въ двухъ позади меня. Я проѣхалъ еще немного впередъ и наткнулся на самую ужасную картину, при видѣ которой у меня, отъ охватившаго меня ужаса, по всему тѣлу пробѣжали ледяныя мурашки и кровь въ жилахъ застыла... Передо мною тянулись по землѣ наши окопы, переполненные трупами солдатъ 220-го пѣхотнаго Епифановскаго полка. Они лежали грудами, въ самыхъ страшныхъ, безпорядочныхъ позахъ, какъ сваленные кучами дрова на тѣсныхъ дровяныхъ дворахъ. Остановившись здѣсь немного, я поѣхалъ было дальше, но лишь только я перебрался за окопъ, какъ мой умный, добрый конь внезапно бросился въ сторону и назадъ и въ то же мгновеніе на меня посыпался со всѣхъ сторонъ градъ взвизгивающихъ и свистящихъ пуль. Онѣ летѣли и сзади, и справа, и слѣва. Мой конь не требовалъ понуканія, онъ летѣлъ во весь духъ, не обращая вниманія на встрѣчавшіяся по пути препятствія. Вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и, сдѣлавъ еще нѣсколько скачковъ, грохнулся о землю и заржалъ какимъ-то не естественнымъ, душу надрывающимъ голосомъ. Онъ захотѣлъ приподняться, но уже не смогъ и только жалобно застоналъ и повалился на бокъ. Что было дальше съ моимъ другомъ, неоднократно спасавшимъ мнѣ жизнь, я не видѣлъ, такъ какъ, не думая уже ни о чемъ, я пустился бѣжать безъ оглядки, за виднѣвшійся невдалекѣ бугорокъ. Забѣжавъ за него, я оказался уже въ безопасности

отъ непріятельскихъ пуль. Оглянувшись въ сторону нашихъ войскъ, я увидѣлъ, что къ этому же бугорку были посланы два орудія, чтобы прикрыть отступленіе нашихъ частей; но лишь только артиллеристы хотѣли повернуть орудія дулами къ непріятелю, какъ наши солдаты пустились на утекъ. Командиръ полка соскочилъ съ лошади и вмѣстѣ съ прочими офицерами старался шашками и крикомъ остановить убѣгающихъ. Ротный командиръ капитанъ Р. схватилъ свалившійся съ плечъ дождевой плащъ и, размахивая имъ въ воздухѣ на встрѣчу бѣгущимъ, сталъ бить имъ убѣгающихъ солдатъ. Но всѣ старанія ихъ не привели ни къ чему, и всѣ разбѣжались въ разныя стороны. Видя это, и прибывшія орудія дали тягу, такъ какъ оставаться безъ пѣхотнаго прикрытія имъ было невозможно. Когда прекратилась стрѣльба японцевъ, я побѣжалъ къ полковнику и доложилъ ему, что коня моего убили, а я какимъ-то чудомъ остался цѣлъ и невредимъ. Увидя меня живымъ, онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и, заплакавъ, сталъ благодарить меня: „большое, говоритъ, тебѣ спасибо! Ты спасъ мой полкъ! если бы японцы не открыли по тебѣ огня, я повелъ бы полкъ дальше и былъ бы разбитъ; теперь же только ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ и 1 офицеръ. Хотя и не жаль бы было этой орды!... Видѣлъ ты, какъ разбѣжались во всѣ стороны?... О, Господи! Да что же съ ними дѣлать на войнѣ, когда они, не видя даже врага, бѣгутъ отъ однихъ выстрѣловъ!... Что же будетъ, когда придется драться въ рукопашную?! Да развѣ ихъ заставишь? Они разбѣгутся всѣ и насъ бросятъ на произволъ судьбы“.

Послѣ этого мы отступили къ кирпичному заводу, гдѣ насъ уже ожидали разбѣжавшіеся солдаты. Было темно. Выслали дозоры, поставили впереди посты и послали охотниковъ въ секретъ, а затѣмъ уже и сами расположились ночевать. Для полковника устроили шалашъ въ кучкѣ ракитокъ, а мы, ординарцы, попривязывали лошадей къ деревьямъ и, кто лежа, кто сидя на землѣ, стали въ полголоса разговаривать обо всемъ пережитомъ за этотъ день. Мнѣ дали лошадь офицера, котораго сегодня ранили. Прошло нѣкоторое время, вдругъ, слышимъ, на лѣвомъ флангѣ нашего полка раздались рѣдкіе выстрѣлы, а за ними и залпъ. Полковникъ скомандовалъ „въ ружье“! Команда эта мигомъ была исполнена и всѣ ждали приказанія стрѣлять, но полковникъ молчалъ. Взявъ

меня съ собою, онъ поѣхалъ на тотъ флангъ, гдѣ поднялась стрѣльба. Оказалось, что наши стрѣляли по своимъ же и убили 6 человѣкъ. Случилось это такимъ образомъ. Посланные впередъ чего то испугались и бросились бѣжать назадъ; наша цѣпь, въ темнотѣ, приняла ихъ за японцевъ и открыла по нимъ огонь. Одинъ добѣжалъ было до окоповъ, крича „свои! свои“! но тутъ же былъ заколотъ штыками.

Этимъ печальнымъ происшествіемъ и закончился день 3 Октября.

4 Октября. — Утромъ я попросилъ разрѣшенія у полковника съѣздить къ моей убитой лошади, чтобы взять съ нея сѣдло и мои вещи. Долго полковникъ не соглашался отпустить меня, но, наконецъ, разрѣшилъ, велѣвъ только взять съ собою еще двухъ ординарцевъ и не ѣхать, а идти пѣшкомъ. Я взялъ ординарцевъ и мы пошли къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ мой убитый конь. За ночь бродячія собаки успѣли уже попортить его. Осмотрѣвъ коня, я увидѣлъ, что весь задъ его былъ разбитъ пулями. Мы сняли съ него сѣдло, уздечку и хотѣли закопать въ землю, но къ сожалѣнію, не захватили съ собою лопатокъ. Отсюда мы прошли къ убитымъ артиллерійскимъ лошадямъ, сняли съ нихъ 2 новыхъ хомута, а я захватилъ еще валявшуюся на землѣ шашку, и мы благополучно вернулись на свой бивакъ или, вѣрнѣе, на свою боевую позицію.

Къ вечеру полковникъ со своимъ штабомъ перешелъ съ этого мѣста на кирпичный заводъ; самъ онъ помѣстился въ фанзѣ, а мы въ горнѣ, гдѣ китайцы выжигали раньше кирпичи; лошадей поставили въ ямѣ, изъ которой бралась глина. За фанзой было небольшое озеро. Вечеромъ, какъ только стемнѣло, намъ привезли обѣдъ, котораго мы уже три дня не получали. При видѣ горячей пищи всѣ точно ожили, поѣли, какъ слѣдуетъ, а нѣкоторые, съ голодухи, объѣлись и заболѣли животами, но, впрочемъ, вскорѣ же и оправились отъ болѣзни. Въ этомъ кирпичномъ горнѣ къ нашему удовольствію чаю можно было варить сколько угодно, такъ какъ не было видно свѣта отъ огня.

5 Октября. — Сегодня начали копать окопы, ложементы и землянки для помѣщеній. Обѣдъ, хлѣбъ и порціи стали привозить вечеромъ, когда смеркнется, чтобы врагъ не замѣтилъ и не открылъ по кухнямъ огня. Боя не было.

6 Октября. — Утромъ ходили за кормомъ для лошадей въ сторону непріятеля, гдѣ лежали убитыя артиллерійскія лошади и стояли зарядные ящики. Набрали чумизы, сняли 2 хомута и, взявъ еще нѣсколько вещевыхъ мѣшковъ съ убитыхъ солдатъ, благополучно вернулись къ своимъ. По возвращеніи, я, во главѣ съ ординарцами, стали просить полковника разрѣшить намъ вывезти изъ гаоляна наши зарядные ящики, но полковникъ, опасаясь заложенныхъ минъ, не разрѣшилъ этого. Вечеромъ я сопровождалъ его въ штабъ дивизіи, находившійся въ дер. Куалимпу, той самой, которую грабили 1 Октября наши пьяные солдаты. Назадъ мы вернулись пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу, потому что вездѣ были ямы и канавы и командиръ боялся свалиться съ лошадью въ нихъ. Такимъ образомъ мы дошли благополучно до кирпичныхъ заводовъ.

7 Октября. — Въ 11 часовъ дня японцы замѣтили наши войска за работою надъ землянками и открыли по нимъ артиллерійскій огонь. Выпустили болѣе ста снарядовъ, но лишь ранили нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ и разбили нѣсколько винтовокъ, стоявшихъ въ козлахъ за работавшими.

8 Октября. — Сегодня я сопровождалъ полковника, ѣздившаго вмѣстѣ съ генераломъ Ф., исполнявшимъ за болѣзнью бригаднаго командира Б. его обязанности, въ дер. Куалимпу на ханшинный заводъ, для осмотра и распредѣленія большого количества гаоляну, чумизы, гороху, кукурузы и пр. зерна, найденнаго на заводѣ солдатами. Тамъ же, въ угольномъ мусорѣ, нашли 20 шт. пудовыхъ банокъ съ керосиномъ, который отдали нашему полку и артиллеріи; кромѣ этого, въ навозѣ нашли еще ящикъ съ одеждой и разнымъ китайскимъ богатствомъ; всѣ эти вещи были разобраны солдатами.

9 Октября. — Сегодня командиръ полка ходилъ со мною пѣшкомъ осматривать выкопанные окопы и бойницы, а также чтобы указать мѣста, гдѣ нужно было нарыть волчьихъ ямъ на случай, если бы непріятель вздумалъ наступать на наши позиціи. Вечеромъ писали списокъ отличившихся въ бояхъ, и меня записали первымъ.

10 Октября. — Сегодня я получилъ 3 письма изъ великой и дорогой для меня родины; два изъ нихъ отъ товарищей, а одно отъ сестры.

Сѣлъ я за фанзой, прочелъ письма и хотя нѣкоторыя извѣс-

тія и были пріятны, но въ общемъ письма навѣяли на меня тяжелую грусть. Вспомнились недавно еще проведенные съ ними дни, и стало на душѣ такъ тяжело, что захотѣлось плакать. Но почему-то стыдно стало предаваться грусти и я, чтобы развлечься, поспѣшилъ пойти за чумизой для лошадей и за дровами, чтобы погрѣться и сварить чай; за этимъ дѣломъ я и развѣялъ свою грусть.

11 Октября. — Утромъ, послѣ уборки и завтрака, я осѣдлалъ свою лошадь и проѣздилъ её. Командиръ полка велѣлъ мнѣ проѣздить и его лошадь. Осѣдлавъ его лошадь, я проѣхалъ за деревней къ тому мѣсту, гдѣ стояли зарядные ящики, но ихъ уже не оказалось тамъ: они были увезены въ эту ночь японцами. Я хотѣлъ было проѣхать дальше, но меня замѣтили и дали по мнѣ нѣсколько выстрѣловъ. Я быстро повернулъ влѣво, чтобы спрятаться за бугорокъ, но тутъ неожиданно попалъ на позиціи другого полка. Меня задержали, и когда я задержавшимъ назвалъ мой полкъ и свое званіе, они не повѣрили мнѣ: изъ-за моихъ берейторскихъ погонъ они приняли меня за какое-то подозрительное лицо и подъ конвоемъ отправили въ нашъ полкъ. Здѣсь все выяснилось, но зато, что я самовольно поѣхалъ въ такое опасное мѣсто, да еще на лошади полковника, мнѣ досталось отъ него порядочно; но все таки, подъ конецъ, онъ похвалилъ меня за то, что я ничего не боюсь.

12 Октября. — Утромъ, послѣ чаю, я устроился за фанзою на доскѣ писать отвѣты на присланныя мнѣ письма. Вскорѣ къ намъ въ полкъ пріѣхалъ священникъ и полковой казначей для выдачи суточныхъ денегъ. За полученіемъ денегъ пріѣхало еще нѣсколько человѣкъ офицеровъ. Непріятель очевидно замѣтилъ эту кучку, да какъ пуститъ по ней 6 снарядовъ! Счастье наше, что всѣ снаряды перелетѣли черезъ головы и попали въ озеро за кирпичнымъ заводомъ, отчего, кромѣ переполоха, вреда намъ не сдѣлали. Одинъ только снарядъ разорвался въ воздухѣ и нѣсколько шрапнельныхъ пуль попали въ фанзу и побили чайную посуду, а одна пуля пробила вьючное сѣдло командира полка, которое лежало возлѣ фанзы, недалеко отъ лошади его.

13 Октября. — Сегодня ходили очень далеко въ поле собирать чумизу для лошадей, которую и складывали затѣмъ въ скирды на зиму или вѣрнѣе, на то время, когда на поляхъ ея уже болѣе

не будетъ. Часовъ въ 5 вечера пріѣхалъ завѣдывающій оружіемъ и доложилъ, что безъ вѣсти пропалъ солдатъ, который былъ при обозѣ I разряда съ вьючной лошадью командира полка. Солдатъ этотъ былъ у насъ въ полку 9 Октября, приносилъ бѣлье командиру, и въ тотъ же день ушелъ обратно въ обозъ. Въ полку думали, что онъ въ обозѣ, а тамъ, видя, что онъ не явился, рѣшили, что онъ вѣроятно оставленъ при полку, поэтому объ немъ и не докладывали до сегодняшняго дня. Сейчасъ же были посланы люди для розыска, которые сегодня же и нашли его въ оврагѣ, съ распоротымъ животомъ; внутренности его валялись въ канавѣ, но деньги его, 4 р., были цѣлы; при немъ же уцѣлѣла и винтовка его за плечами, изъ чего можно было заключить, что его убили мѣстные китайцы за какое нибудь насиліе надъ ними.

14 Октября. — На разсвѣтѣ къ намъ привезли 8 мортирныхъ пушекъ и поставили въ оврагѣ, подъ деревней, чтобы вечеромъ разбить и до основанія сжечь дер. Чан-лян-пу, такъ какъ въ ней расположились и укрѣпились японцы. Часовъ съ 10 утра изъ японскихъ батарей началась сильная канонада по всему нашему фронту и по батареямъ 6-й артиллерійской бригады, которая была у насъ на правомъ флангѣ, т. е. между деревнями Шіулиндзу и кирпичнымъ заводомъ.

Противникъ началъ уже было пристрѣливатся, но вскорѣ перенесъ огонь влѣво и сталъ дѣлать сильный перелетъ, такъ что своими снарядами доставалъ до деревни Куалимпу и разбилъ тамъ два передка отъ орудій и ранилъ нѣсколько лощадей и людей. Въ это же время открыли огонь и всѣ наши батареи. Ужасъ, что было тогда! Гулъ отъ орудій, вой шимозъ, трескъ рвущихся снарядовъ, пыль отъ разрыва вражескихъ ядеръ!... Черезъ нѣсколько минутъ этого страшнаго боя, наши батареи заставили замолчать непріятельскія, и вслѣдъ за ними и сами прекратили огонь.

Вечеромъ къ намъ пріѣхали казаки и нѣсколько офицеровъ изъ штабовъ корпуса и девизіи. Съ ними вмѣстѣ прибыли поручикъ С. и вольноопредѣляющійся Б. 51 драг. Черниговскаго полка. Всѣ они зашли къ нашему командиру полка, пили у него чай и распрашивали, какъ лучше пробраться до дер. Южная Безымянная. Услыхавъ объ этомъ, я сталъ просить у командира полка, чтобы онъ отпустилъ меня съ ними на развѣдки. Но онъ не согласился,

говоря, что еще будетъ время отличиться, такъ какъ намъ самимъ придется дѣлать развѣдки. Въ 9 часовъ вечера началась бомбардировка дер. Чан-лян-пу изъ мортирныхъ пушекъ. Мы всѣ вышли смотрѣть, какъ будетъ загораться деревня. Долго ничего не было видно, кромѣ огненныхъ столбовъ отъ разрывовъ падавшихъ бомбъ. Но вскорѣ, въ темнотѣ ночи, стало разгораться зарево отъ двухъ загорѣвшихся фанзъ. Японцы, быстро, однако, потушили пожаръ и все небо опять почернѣло.

Послѣ этой стрѣльбы наши охотники, вмѣстѣ съ капитаномъ Н. и другими офицерами, пошли атаковать деревню Южная Безымянная.

Говорятъ тутъ была горячая схватка, дрались всю ночь и лишь подъ утро, закричавъ „Ура“!, наши взяли деревню штурмомъ. Потеряли мы лишь нѣсколько нижнихъ чиновъ да ранили въ животъ капитана Н. Утромъ его принесли на носилкахъ къ намъ въ полкъ а отъ насъ отправили въ Мукденскій госпиталь.

15 Октября. — Утромъ командиръ полка приказалъ солдатамъ вырыть ему землянку сбоку кирпичнаго горна и сдѣлать потолокъ потолще, чтобы не могъ его пробить снарядъ, а намъ — вырыть глубокую канаву за фанзою для стойла лошадямъ. Весь день мы работали, но не успѣли докончить своей земляной конюшни.

Вечеромъ получили приказъ, чтобы изъ мортирныхъ орудій выпустить 160 бомбъ по деревнѣ Чан-лян-пу и уничтожить её до основанія. Была ужасная, чудовищная ночь! Наша мортирная батарея разбивала японскую дер. Чан-лян-пу, а японцы нашу дер. Южную Безымянную, которую только вчера взяли штурмомъ наши охотники.

Поднялся оглушительный грохотъ. 8 мортиръ безпрестанно извергали громъ и молнію, и казалось, что земля стонала и дрожала подъ ногами, а тутъ еще вспыхнули два пожара отъ непріятельскихъ снарядовъ. Хорошо еще, что нашимъ охотникамъ вечеромъ приказано было очистить дер. Безымянную и занять сел. Вуджуинъ, почему японская батарея не причинила намъ никакого вреда, но за то несчастные китайцы понесли огромные убытки, такъ какъ все селеніе было буквально уничтожено.

16 Октября. — Сегодня съ утра принялись заканчивать конюшню и къ вечеру окончили; сдѣлали изъ перекладинъ стойла

на 14 лошадей. Солдаты тоже окончили землянку; осталось лишь поставить печь и можно было бы переходить на новоселье, но это ужъ отложили на слѣдующій день. Но, къ сожалѣнію, намъ не пришлось стоять здѣсь до завтра. Только что все поутихло, и кто ужъ спалъ, кто сидѣлъ возлѣ лошадей и, согнувшись, храпѣлъ, какъ вдругъ подъѣхалъ казакъ и подалъ полковнику пакетъ съ распоряженіемъ, чтобы сегодня же ночью мы перешли въ дер. Шіулиндза, верстъ за 5 вправо отъ нашего мѣста. Ординарцы стали ругаться: „вотъ такъ поработали и пожили въ фанзѣ“! Мы, вѣдь, предполагали, что когда полковникъ перейдетъ въ землянку, то мы займемъ его освободившуюся фанзу, да нашимъ мечтамъ не пришлось осуществиться, почему и безъ ругани не обошлось. Но разсуждать было некогда. Приказано было сдѣлать передвиженіе, какъ можно тише, незамѣтно для противника. Хотя и жаль намъ было оставлять наши труды безъ пользы, но дѣлать было нечего, и мы скоро собрались и поѣхали вмѣстѣ съ полковникомъ впередъ, а за нами двинулся весь полкъ. Всю эту ночь мы провели не слѣзая съ лошадей: то ѣздили по новой позиціи и разставляли роты согласно диспозиціи, то выбирали мѣста поудобнѣй для боевой обороны. Мы предпологали, что японцы скоро перейдутъ въ наступленіе, и готовились встрѣтить ихъ.

Мы помѣстились съ полковымъ штабомъ въ деревнѣ, въ фанзѣ безъ оконъ и дверей и только съ однимъ котломъ и теплымъ каномъ, на которомъ было хорошо спать, такъ какъ сверху хотя было и холодно, но зато снизу хорошо согрѣвало. Жаль только, что нельзя было долго спать.

17 Октября. — Утромъ рано командиръ полка поѣхалъ со мною осматривать новую позицію, чтобы хорошенько ознакомиться съ нею. Кромѣ меня, онъ взялъ съ собой еще двухъ ординарцевъ-казаковъ, которые были прикомандированы къ намъ для посылокъ. Объѣхавъ позицію и осмотрѣвъ впереди лежащую мѣстность, полковникъ указалъ мѣста, гдѣ нужно было сдѣлать окопы и землянки для людей; послѣ этого мы вернулись обратно.

18 Октября. — Днемъ, часовъ въ 11, съ японскихъ батарей началась артиллерійская пальба. Немного погодя, наши стали отвѣчать имъ, но перестрѣлка, не причинивъ никому вреда, скоро прекратилась съ обѣихъ сторонъ. Часовъ въ 10 вечера у насъ

послышалась сильная ружейная перестрѣлка. Полковникъ закричалъ:—„Шикуцъ! подавай лошадей“! Я быстро подалъ ему коня, онъ сѣлъ, поѣхалъ, а за нимъ и я со всѣми остальными ординарцами. Оказалось, что перестрѣлка началась по недоразумѣнію. Охотники открыли стрѣльбу неизвѣстно по комъ: кому-то что-то почудилось и начали стрѣлять. Ни раненыхъ, ни убитыхъ, ни съ той ни съ другой стороны, не найдено. Мы вернулись благополучно въ фанзу и, не разсѣдлывая лошадей и не раздѣваясь, легли отдыхать. Дежурные и дневальные не спали всю ночь.

19 Октября. — День прошелъ спокойно, безъ стрѣльбы, и мы съ командиромъ полка и начальникомъ штаба дивизіи ѣздили по позиціямъ, своей и артиллерійской. Проѣздили почти до самаго вечера. Ночь тоже прошла спокойно, хотя мы изъ предосторожности и не раздѣвались. Ночью полилъ дождь и поднялся сильный вѣтеръ. Лошади наши, стоявшія подъ открытымъ небомъ, стали безпокоиться и не стояли на мѣстѣ, часто отрывались отъ коновязи, бродили по двору и дрались съ другими лошадьми, почему намъ въ концѣ концовъ пришлось продержать ихъ всю ночь въ рукахъ.

20 Октября. — Часовъ въ 12 дня къ намъ привезли обѣдъ для солдатъ; пріѣхало одновременно 16 кухонь. Ихъ скоро замѣтили японцы и засыпали шимозами. Кухни, конечно, понеслись во весь духъ куда попало и скоро скрылись изъ виду. Непріятель успѣлъ поранить двухъ лошадей и разбить одинъ котелъ, но все-же мы кое-какъ пообѣдали. Послѣ обѣда пріѣхалъ казначей выдавать жалованье офицерамъ. Нѣкоторые изъ нихъ прибыли сами, а за остальными посланы были 2 ординарца. Изъ за этого началось движеніе по позиціямъ полка, которое не ускользнуло отъ вниманія противника, и онъ открылъ огонь, при чемъ оказалось двое убитыхъ и трое раненыхъ.

21 и 22 Октября. — Вчера все было спокойно, а сегодня у насъ праздновался полковой праздникъ. Собрались офицеры и по 10 человѣкъ нижнихъ чиновъ отъ каждой роты полка. На площади поставили столикъ, пришелъ священникъ, отслужилъ обѣдню, благодарственный молебенъ о здоровыхъ и панихиду о воинахъ на бранномъ полѣ убіенныхъ и обо всѣхъ умершихъ. По окончаніи богослуженія командиръ полка поздравилъ присутствовавшихъ съ полковымъ праздникомъ и пожелалъ всего хорошаго на многія

лѣта и побѣды надъ врагами. Угощенія никакого не было, потому что его негдѣ было достать.

Сегодня я получилъ два письма, одно изъ Москвы отъ сестры, и очень радостное, а другое изъ гор. Тамбова, очень печальное. Но и печаль, и радость, каждое извѣстіе съ далекой родины очень дорого и мило, и я тотчасъ же сѣлъ писать отвѣты на родину своимъ роднымъ и знакомымъ. Чтобы поздравить насъ съ полковымъ праздникомъ, во время обѣда пріѣхали къ намъ начальникъ дивизіи, генералъ Б., съ начальникомъ штаба; нашъ полковникъ и я съ двумя казаками сопровождали ихъ по позиціи. По осмотрѣ позицій генералъ Б. съ начальникомъ штаба уѣхали въ штабъ, а мы съ полковникомъ отправились въ дер. Вуджуинъ, чтобы раздать отличившимся охотникамъ 5 георгіевскихъ крестовъ. Командиръ полка самъ навѣшивалъ на грудь героевъ кресты и цѣловалъ каждаго въ щеку. Потомъ собрались офицеры и я подалъ имъ двѣ бутылки вина, которыя имъ слѣдовали за полковой праздникъ. Послѣ этого мы поѣхали обратно въ свою доревню.

Вернувшись, полковникъ и говоритъ мнѣ: „вино-то имъ дали, а закуску и забыли захватить. Вотъ головка сыру, коробка сардинъ и кусокъ копченаго окорока, все это нужно отослать имъ“. Я попросился у полковника отвести закуску самъ. „Что-жъ, говоритъ, можешь, если желаешь; но только будь по-осторожнѣй! Не обнаруживай себя и не ѣзди на посты“. Я захватилъ закуску, сѣлъ на другую лошадь, отдыхавшую до обѣда, и скоро очутился у охотниковъ. Когда я подалъ офицерамъ закуску, они стали выпивать и меня угостили коньякомъ. Одинъ изъ нихъ, подпоручикъ Р., очень храбрый офицеръ, выпивъ самъ, говоритъ мнѣ: „пей, ординарецъ, да и пойдемъ захватимъ японца въ плѣнъ“. Конечно, я согласился, и мы, взявъ съ собою бинокли и ружья, да человѣкъ 6 охотниковъ по-храбрѣе, пошли. Шли мы не долго, потому что японцы находились близко отъ насъ. Чтобы лучше разсмотрѣть, гдѣ расположился ихъ постъ, я забрался на дерево, а остальные пошли дальше. Не успѣлъ я еще разсмотрѣть что-нибудь, какъ раздались выстрѣлы и мимо меня засвистали японскія пули. Одна, ударившись въ дерево, съ рикошета попала мнѣ въ подборъ сапога. Я съ испуга свалился на землю, но очень удачно, такъ какъ было невысоко отъ земли.

Смотрю,—наши три солдата бѣгутъ обратно. Я спрашиваю ихъ — „гдѣ же остальные"? Они отвѣчаютъ, что всѣ ползутъ обратно по гаоляну. Тогда, видя, что попытка наша овладѣть японцемъ не удалась, я пустился бѣжать въ деревню, взялъ коня и благополучно вернулся въ полкъ. Къ вечеру, смотрю, несутъ на двухъ носилкахъ одного солдата и офицера, того самаго, который угощалъ меня коньякомъ. Онъ объяснилъ мнѣ, какъ у нихъ все это произошло; оказалось, что когда я уѣхалъ обратно въ полкъ, они снова вернулись къ японцамъ попытать счастья, но японцы ихъ уже подстерегали и сильно поранили; волей неволей имъ пришлось отступить и хорошо еще, что ихъ успѣли вынести изъ огня 4 охотника, а то бы намъ больше не видѣть ихъ живыми. Офицеръ былъ тяжело раненъ 4 пулями: 2 пули въ грудь 1 въ руку и 1 въ лѣвую ногу; охотникъ тоже раненъ былъ двумя пулями.

Сегодня ночью въ двухъ мѣстахъ завязывалась перестрѣлка, но скоро прекращалась.

23 Октября. — Командиръ полка, узнавъ о вчерашнемъ происшествіи, поѣхалъ со мной въ дер. Вуджуинъ узнать всѣ подробности. Когда онъ услыхалъ, что и я принималъ тамъ участіе, то сталъ пробирать меня, и здорово мнѣ досталось отъ него на орѣхи!

Въ это время къ охотникамъ прибыла конно-охотничья команда Бузулукскаго полка и взводъ Оренбургскихъ казаковъ, для несенія сторожевой службы и постановки заставъ между деревнями Шіулиндзя и Вуджанинъ. Заставу поставили у фанзы на дорогѣ возлѣ дер. Вуджанинъ. Впереди этого мѣста былъ небольшой сосновый лѣсокъ и въ немъ высокія китайскія могилы.

Командиръ полка объѣхалъ позиціи и приказалъ всѣмъ быть повнимательнѣй, въ особенности ночью, потому что японцы были очень близко и могли внезапно сдѣлать на насъ нападеніе. Послѣ этого мы вернулись въ свою деревню; конные ординарцы и караулъ были тамъ тоже на сторожѣ. Часовъ въ 11 ночи послышалась сильная стрѣльба изъ винтовокъ. Мы всѣ были на готовѣ и ждали какой нибудь команды. Командиръ полка приказалъ подавать ему коня, какъ вдругъ къ нему подлетѣлъ казакъ и съ растерянностью доложилъ: „ваше высокоблагородіе! Поскорѣй уѣзжайте отсюда!

Насъ японская кавалерія объѣзжаетъ! Всѣхъ насъ съ постовъ сбила"! Полковникъ прогналъ его и послалъ ординарцевъ передать всѣмъ нашимъ ротамъ, чтобы они не уступали и бились до послѣдней капли крови. Послѣ этого мы поѣхали съ нимъ на позицію. По дорогѣ намъ встрѣтились человѣкъ 20 конно-охотничьей команды Бузулукскаго полка, которые доложили полковнику, что ихъ съ постовъ и заставъ согнали японцы, что японцевъ очень много и сильная кавалерія обходитъ деревню со всѣхъ сторонъ. Не обращая вниманія на эти донесенія, полковникъ погналъ ихъ на свои мѣста и самъ поѣхалъ съ ними. Стрѣльба стала утихать. Мы подъѣхали къ нашимъ охотникамъ, которые все еще стояли на своихъ мѣстахъ и были въ недоумѣніи отъ быстраго исчезновенія японцевъ; они даже не вѣрили этому и ожидали какого либо ловкаго обмана со стороны непріятеля. Кругомъ слышался лай, вой и визгъ одичавшихъ собакъ, которыхъ въ этой мѣстности бродило великое множество.

На распросы командира полка, кто и въ какомъ мѣстѣ видѣлъ непріятеля, охотники отвѣтили, что они сами никого не видали, но открыли огонь по указанію казаковъ; всѣхъ японцевъ отбили, и навѣрно, въ лѣскѣ около могилъ, будутъ найдены убитые и раненые.

Изъ за темноты ночи мы не пошли разыскивать раненыхъ и убитыхъ и простояли всю ночь на готовѣ въ сильномъ напряженіи. Кромѣ лая и воя собакъ, ничего не слыхали и японцы больше не наступали.

24 Октября. — Утромъ, когда совсѣмъ прояснилось и туманъ поднялся, мы пошли осмотрѣть лѣсокъ и подобрать японскихъ раненыхъ. Что же мы увидали, когда подошли поближе?... Въ одномъ мѣстѣ лежали двѣ раненыя собаки, въ другомъ — три убитыхъ, дальше еще попались двѣ убитыхъ и четыре раненыхъ, тамъ еще и еще, но нигдѣ не нашли убитыхъ или раненыхъ японцевъ.

Произошло все это такимъ образомъ. Казаки стояли въ главной заставѣ сзади, Бузулукскіе охотники спереди, въ секретахъ и на постахъ. Такъ какъ ночью съ коней ничего не видно, то они спѣшивались и, пригнувшись къ землѣ, слѣдили въ темнотѣ за горизонтомъ, не появится-ли тамъ какое-нибудь передвиженіе. Надо

замѣтить, что въ этой мѣстности собаки водились въ ужасномъ количествѣ, и можно было нерѣдко встрѣтить стаи изъ полусотни и болѣе собакъ; вотъ эти то собаки, бѣгая въ рощѣ и прыгая съ могилы на могилу, и привлекли вниманіе охотниковъ, которые, видя въ темнотѣ массу скачущихъ силуетовъ, приняли ихъ за непріятельскую кавалерію и, открывъ огонь, дали знать на заставу, а казаки донесли намъ и нашей охотничьей командѣ.

25 Октября. — День былъ покойный и перестрѣлки не было. Сегодня къ намъ пріѣзжалъ начальникъ штаба дивизіи узнать подробности позавчерашняго ночного происшествія, такъ какъ ему было уже донесено, что японская кавалерія дѣлала наступленіе, но была отбита и удалилась.

26 Октября. — Сегодня получили за полковой праздникъ угощеніе: по двѣ китайскихъ груши, по $^1/_8$ махорки (русской „Дунаева"), по 12 кусковъ сахару, по 1 ф. ситнаго хлѣба, и на 6 чел. одинъ фунтъ копченой ветчины, а водку обѣщали выдать на отдыхѣ, когда будемъ въ резервѣ послѣ 30-го Октября. Вечеромъ часовъ въ $9^1/_2$ раздалось на лѣвомъ флангѣ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и получилось донесеніе, что раненъ въ руку командиръ 11 роты штабсъ-капитанъ Г., который, словно предчувствовалъ, что будетъ раненъ, и, ссылаясь на свою болѣзнь, хлопоталъ объ освобожденіи его отъ службы въ дѣйствующей арміи. Признавая его способнымъ нести боевую службу, ему все отказывали, но теперь онъ достигъ таки своего и сегодня же былъ отправленъ въ Мукденскій госпиталь.

27 Октября. — Утромъ командиръ полка поѣхалъ со мной по позиціямъ и заѣхалъ въ 11 роту узнать, какъ случилось, что японцы ранили ихъ ротнаго командира. Фельдфебель и солдаты объяснили, что вечеромъ, когда привезли ужинъ, и первая часть поужинавъ смѣнила вторую, которая тоже пошла ужинать, фельдфебель сталъ разставлять посты, и вдругъ раздался выстрѣлъ и крикъ ротнаго командира:—„Ой! Ой! меня ранили японцы"!—Когда они подбѣжали къ нему, ротный разсказалъ имъ, что когда онъ проходилъ по тропинкѣ къ постамъ (чего онъ раньше никогда не дѣлалъ), то къ нему подбѣжали нѣсколько японцевъ и, выстрѣливъ въ него, убѣжали. Давъ нѣсколько выстрѣловъ въ томъ направленіи, куда, по указанію ротнаго, убѣжали японцы, солдаты прекратили стрѣльбу

и заняли свои мѣста, а ротнаго командира отправили на перевязочный пунктъ.

Послѣ обѣда прибыли двѣ пѣшія охотничьи команды Кромскаго и Борисоглѣбскаго полковъ въ помощь нашей, а также и для ознакомленія съ этой мѣстностью, такъ какъ ихъ полки должны были вскорѣ смѣнить насъ на этой позиціи. Какъ я предпологалъ, что ночью будетъ тревога, такъ какъ прибыли новички,—такъ и случилось: ночью новоприбывшіе охотники открыли стрѣльбу и увѣряли, что приближались японцы, но были ими отбиты и прогнаны.

28 Октября.—Командиръ полка ѣздилъ со мной въ дер. Вуджулинъ. Тамъ мнѣ одинъ охотникъ далъ два шелковыхъ носовыхъ платка и сказалъ, что онъ нашелъ закопанные въ землѣ три слитка серебра, вѣсомъ, въ общемъ, въ 26 фунтовъ. Полковникъ пошелъ къ офицерамъ а я остался держать лошадей возлѣ костра, у котораго охотники варили себѣ обѣдъ и чай. Здѣсь я видѣлъ, какъ наши новоприбывшіе охотники тащили изъ фанзъ все оставленное китайцами имущество, какъ-то: сундуки, шкафы и даже изъ кумирни вытащили „боговъ" съ „боженятами", и все это жгли на огнѣ. Я началъ было объяснять имъ, что это не хорошо, но на меня посыпалась такая ругань, что я не радъ былъ, что вмѣшался. „Развѣ, говорятъ, ты не православный, что заступаешься за китайскихъ идоловъ! ты, значитъ, тоже нехристь!" и т. д.

Чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ полковникъ и мы поѣхали обратно.

Вечеромъ полковникъ мнѣ приказалъ, чтобы не дежурныхъ лошадей разсѣдлать, такъ какъ къ намъ прибыло 6 человѣкъ донскихъ казаковъ, и сегодня, если куда понадобится, будемъ ихъ посылать. Было уже часовъ 10 вечера, пошелъ небольшой дождикъ, и стало очень темно. Только что я успѣлъ передать приказаніе, чтобы разсѣдлали лошадей, какъ послышалась рѣдкая одиночная стрѣльба. Я побѣжалъ доложить объ этомъ полковнику, но онъ мнѣ отвѣтилъ:—„ничего; это новые охотники что нибудь выдумали или опять собакъ испугались".

Тѣмъ временемъ, однако, приготовили лошадей и всѣмъ велѣно было быть на готовѣ. Мы съ командиромъ вышли послушать перестрѣлку. Трескотня была ужасная, стрѣляли, казалось, всѣ, и ничего нельзя было разобрать, но всѣ выстрѣлы слышались изъ нашихъ

винтовокъ, а японскихъ не замѣчалось. Только было полковникъ приказалъ подавать лошадь, какъ подлетѣлъ казакъ и говорить, что 2 баталіона японской пѣхоты наступаютъ на дер. Вуджулинъ. Мы вскочили на лошадей и выѣхали на дорогу. Смотримъ, бѣгутъ два солдата. Полковникъ остановилъ ихъ: — „куда вы и зачѣмъ“? — „Больные, ваше высокоблагородіе, ротный командиръ отпустилъ“! Ѣдемъ дальше, смотримъ — еще то 2, то 3 попадаются. „Вы куда“? — спрашиваетъ полковникъ.—„Животъ болитъ, ваше высоблагородіе“. Полковникъ всѣхъ и вернулъ назадъ, такъ что пока доѣхали до мѣста, то набрали такихъ встрѣчныхъ человѣкъ до 30-ти, и это по дорогѣ на разстояніи какихъ нибудь 3 верстъ.

Пріѣхали мы въ деревню и видимъ: сидятъ наши въ окопахъ, головы спрятали за валъ, а стволы винтовокъ выставили кверху и сами безостановочно стрѣляютъ. А со стороны противника тихо: ни одна непріятельская пуля не прожужжала мимо насъ. Полковникъ приказалъ остановить стрѣльбу. Все утихло, и онъ сталъ спрашивать, кто видѣлъ что 2 баталіона японцевъ наступало? „Да вотъ, отвѣчаютъ, — охотники Кромскаго полка видѣли“. Стали спрашивать ихъ, какъ они видѣли, гдѣ и по какому мѣсту двигались японцы, или по какой дорогѣ и какими колоннами? Кто говоритъ: я видѣлъ столько то, шли здѣсь; другой говоритъ: я видѣлъ 2 роты, вотъ тутъ шли и т. д. Всѣ говорили, кто какъ хотѣлъ. Вдругъ выскочилъ одинъ солдатикъ и, желая отличиться предъ командиромъ полка, доложилъ: „Я, ваше высокоблагородіе, больше всѣхъ видалъ! Когда они шли, то я у многихъ фонарики видалъ, они, ваше высокоблагородіе, вотъ тутъ прошли“, — добавилъ онъ, указывая на гаолянъ. Мы стали всматриваться и увидали, что дѣйствительно, что-то мелькало вродѣ огоньковъ, но что именно—разобрать было совершенно невозможно. Мы подошли ближе и увидали вмѣсто фонарей какихъ то свѣтящихся жуковъ, которые, когда сидятъ, то не свѣтятъ, а какъ полетятъ, то издаютъ какой то фосфорическій свѣтъ, который наши охотники и приняли за непріятельскіе фонари.

29 Октября. — Утромъ прибылъ къ намъ осматривать позицію командиръ 5 корпуса и начальникъ 54 пѣхотной дивизіи. Они должны были смѣнить насъ 30 Октября, а мы назначены

были въ резервъ. Осмотрѣвъ позиціи, они уѣхали обратно. День и ночь прошли спокойно и никакой тревоги не было.

30 Октября. — Съ утра мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали, что вотъ-вотъ придетъ Мокшанскій полкъ смѣнять насъ. Полкъ прибылъ къ вечеру, но до темноты смѣняться было невозможно, такъ какъ насъ замѣтили бы японцы.

Солдаты Мокшанскаго полка расположились около нашей деревни а начальство ихъ — въ фанзахъ, изъ которыхъ мы вышли къ лошадямъ; но только что хотѣли мы выѣзжать и вести на смѣну новыя войска, какъ вдругъ раздались зловѣщіе выстрѣлы, и привезли донесеніе, что дивизія японцевъ наступаетъ на нашу позицію. Минутъ черезъ 5 привезли второе донесеніе: японскія орудія идутъ по дорогѣ на дер. Вуджулинъ. Сейчасъ же эти донесенія посланы были въ штабъ корпуса, и оттуда получилось распоряженіе, чтобы смѣны не производить а новоприбывшими войсками усилить позицію. Новыя войска пошли за нами поближе къ дер. Вуджулинъ, а мы въ это время думали: вотъ такъ смѣнились! Отдохнули въ резервѣ!

Подошли мы къ деревнѣ, заняли позиціи и ждемъ, что-то будетъ; но кругомъ было тихо и спокойно. Ночь была очень холодная и мы всѣ сильно продрогли. Простояли мы такъ всю ночь, и ничто не нарушило ночной тишины. Наши охотники напрасно пострѣляли, даже собакъ нынче не убили.

31 Октября. — Утромъ вернулись въ деревню начальники и стали совѣтываться, какъ донести о вчерашнемъ происшествіи въ штабъ корпуса. Такъ какъ ночью были посланы два донесенія, что идутъ японцы въ количествѣ 1 дивизіи, то волей неволей нужно было объяснить, какъ и чѣмъ кончилось ихъ наступленіе. По совѣту командира Мокшанскаго полка рѣшено было донести такъ, что будто бы японская дивизія дѣйствительно наступала; китайцы донесли имъ о прибытіи новыхъ войскъ, они и хотѣли выбить ихъ изъ позиціи, да наткнулись на насъ и мы ихъ отбили; подобравъ убитыхъ и раненыхъ, японцы отступили. Такъ и донесли въ штабъ корпуса, а оттуда получили большую благодарность за то, что 2 полка цѣлую японскую дивизію побѣдили. Намъ приказано было смѣниться, и мы ночью отошли незамѣтно назадъ, за деревню, и стали ждать дня.

Всѣ были радостно настроены, и молились и крестились, благодаря Бога за то, что благополучно отстояли на передовой линіи, и теперь можемъ идти въ резервъ на отдыхъ.

1 Ноября.—Часовъ въ 9 утра весь нашъ полкъ собрался къ деревнѣ Пенъ-діанъ-дзи. Позавтракали, отдохнули, а мы съ командиромъ полка поѣхали въ штабъ 54 пѣх. дивизіи доложить о благополучной смѣнѣ. Вернувшись оттуда, повели полкъ съ музыкой по дорогѣ въ дер. Бай-та-пу, гдѣ мы должны были стоять въ общемъ резервѣ. Вскорѣ пошелъ дождикъ, хотя и не большой, но изъ за сильнаго и очень холоднаго вѣтра такъ больно хлесталъ въ лицо, что невозможно было глазъ открывать. Пройдя верстъ 7, сдѣлали привалъ. Дождикъ пересталъ, но вѣтеръ еще болѣе усилился и пошелъ снѣгъ. Стало морозить. Изъ за холода мы слѣзли съ лошадей и вели ихъ въ поводу. Музыканты играли маршъ. Такимъ образомъ дошли мы до станціи Суетунь. Тутъ къ намъ подскакалъ Подполковникъ Ч. 51 др. Черниговскаго полка и, подъѣхавъ къ командиру полка, предупредилъ его, что здѣсь близко японская позиція и что музыка наша можетъ обнаружить мѣстонахожденіе войскъ. Музыку прекратили. Увидя меня, подполковникъ узналъ меня, поздоровался и выразилъ удивленіе, почему я служу въ пѣхотѣ, а не въ кавалеріи, такъ какъ онъ помнилъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я служилъ съ нимъ вмѣстѣ въ 51 драгунскомъ полку; я объяснилъ причины и, пожелавъ ему всего хорошаго, поскакалъ догонять свой полкъ. Перейдя полотно желѣзной дороги, мы повернули влѣво и увидали высокую китайскую башню, которая стояла въ дер. Бай-та-пу. Когда мы пришли на мѣсто, то стало уже смеркаться и было очень холодно. Сейчасъ же раскинули палатки и начали пить чай. Намъ коннымъ ординарцамъ приказали помѣститься въ деревнѣ. Мы пошли и стали проситься у китайцевъ, чтобы они отворили ворота, но они не соглашались, тогда солдаты выломали гаоляновыя ворота и вошли сами. Я приказалъ очистить дворъ и помѣстить въ немъ лошадей. Сами же мы заняли одну половину фанзы, а китайцамъ отдали другую.

Вонь въ фанзѣ была невыносимая, изо всѣхъ угловъ пахло чѣмъ то отвратительнымъ, но, не смотря на это неудобство, переночевали вмѣстѣ съ китайцами, хотя и не раздѣваясь.

2 Ноября.—Намъ приказали перейти на другой дворъ, а въ

нашемъ устроили околотокъ для больныхъ. Мы перешли въ крайную фанзу, гдѣ оказалось мѣсто только для лошадей, хотя и подъ открытымъ небомъ, но возлѣ стѣны, гдѣ все таки было затишье отъ сильнаго вѣтра.

Фанза была биткомъ набита китайцами; ихъ согнали всѣхъ въ одинъ уголъ и мы кое какъ переночевали вмѣстѣ съ ними.

3 Ноября.—Сегодня пошелъ сильный дождь со снѣгомъ, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и притомъ очень холодный, такъ что лошади не стояли и вертѣлись во всѣ стороны. Командиръ полка обратилъ вниманіе на то, что лошадямъ было не удобно стоять, тѣмъ болѣе, что тутъ были и двѣ его лошади, и онъ приказалъ сдѣлать для нихъ сарай и покрыть сверху гаоляномъ. Но какъ его сдѣлать и на какія деньги купить матерьялу?... Я пошелъ спросить денегъ на покупку его, но полковникъ отвѣтилъ, что денегъ на постройку разныхъ временныхъ шалашей не отпускаютъ. „Сдѣлай какъ нибудь, изъ кое чего. Видишь, какъ дѣлаютъ солдаты землянки: и лѣсъ есть для потолка, и кирпичъ для печекъ, а денегъ тоже не даютъ“.—Дѣлать нечего, надо было строить сарай, и я приказалъ всѣмъ ординарцамъ поѣхать и привезти для сарая лѣсу. Ординарцы живо поѣхали въ другую деревню, разломали двѣ фанзы и привезли такихъ славныхъ жердей, что лучше и не надо. Принялись за работу. Возлѣ толстой глиняной стѣны сняли въ глубину слой земли на поларшина, такъ что до верха стѣны стало 4 арш.; потомъ, отступя отъ стѣны на 4 аршина, врыли 3 столба; на эти столбы положили толстую жердь, которая замѣнила намъ балку; затѣмъ, положили нѣсколько жердей однимъ концомъ на стѣну, а другимъ на балку, такъ что получились поперечины, и на нихъ уже наложили хворосту и гаоляну, а поверхъ насыпали навозу. Такимъ образомъ сдѣлали хорошую конюшню, за что полковникъ, осмотрѣвъ ее, похвалилъ меня и велѣлъ передать всѣмъ ординарцамъ „спасибо“.

4 Ноября.—Утромъ, когда я вышелъ изъ фанзы и посмотрѣлъ на дворъ командира полка, который находился рядомъ съ нашей фанзой и отдѣлялся отъ нея толстой глиняной стѣной, я замѣтилъ, что маленькій кирпичный сарайчикъ, находившійся во дворѣ полковника, разобранъ за ночь. Очевидно, кому-то надобились кирпичи для устройства печки въ землянкѣ.

Тогда полковникъ поставилъ часовыхъ возлѣ нашихъ фанзъ. Вся деревня была раздѣлена на 4 части, по 1 части на каждый полкъ, и какому полку принадлежали какія фанзы, тотъ уже своихъ не трогалъ, а если встрѣчалась въ чемъ либо надобность, то ходили добывать въ чужомъ участкѣ. Иначе поступать было невозможно. Было приказано дѣлать землянки и печки, слѣдовательно нужны были двери, окна и прочій строительный матерьялъ, денегъ же на него не отпускалось; поневолѣ солдаты ходили и ломали цѣлыя деревни, хотя не разъ попадались на этомъ и отвѣчали по закону, но отвѣчали собственно не за то, что ходили на добычу, а за то, что попадались на мѣстѣ преступленія.

Тогда солдаты ухитрились поступать иначе и, не трогая жилыхъ помѣщеній, гдѣ жили офицеры, стали разбирать кумирни и т. п. зданія, за которыя никто не ловилъ и не наказывалъ.

5 Ноября.—Сегодня наши хозяева китайцы уѣхали отъ насъ въ городъ Мукденъ и фанзу оставили въ наше распоряженіе. Мы оклеили окна новой бумагой и всю фанзу почистили. Къ намъ поставили караулъ, который охранялъ деревню и квартиру командира полка.

6 Ноября—Утромъ, часовъ въ десять, нашъ 1-й баталіонъ пошелъ на дежурство въ дер. Шаландзи, на поддержку Орловскому полку. Вечеромъ я возилъ донесеніе объ этомъ въ штабъ 6-го сибирскаго корпуса въ дер. Тхоусяньтунь, находящуюся отъ насъ верстахъ въ двѣнадцати.

7 Ноября.—Къ намъ привели сто лошадокъ монгольской породы, очень маленькихъ и худыхъ, предназначавшихся для охотничьей конной команды. Командиръ полка послалъ меня осмотрѣть, въ какомъ видѣ находятся лошади и какъ имъ устроить коновязи на открытомъ воздухѣ. Такъ какъ я 10 лѣтъ прослужилъ въ кавалеріи и 2 года учился въ кавалерійской офицерской школѣ, то считался спеціалистомъ по этой части.

8 Нобяря.—Сегодня я съ ординарцами ѣздилъ за 9 верстъ въ поле, собирать гаолянъ для топлива; такъ какъ казеннаго топлива не выдавали, а близко уже не было—весь былъ подобранъ; то всѣмъ приходилось ходить и ѣздить далеко. Собираютъ и складываютъ въ запасъ на зиму.

9 Ноября.—Сегодня въ 9 часовъ утра я объѣзжалъ командирскую лошадь, а въ 12 часовъ всѣ генералы и полковники съ

адъютантами нашей дивизіи и 10 артиллерійской бригады ѣздили осматривать дороги и впереди лежащую мѣстность, находящуюся въ сторонѣ отъ желѣзной дороги. Вернулись въ 6 ч. вечера.

Ночью была слышна большая артиллерійская стрѣльба около станціи Суетунь. Говорили, что побили много японцевъ.

10 Ноября.—Утромъ въ 10 час. нашъ 2-й баталіонъ пошелъ смѣнить первый баталіонъ. Я послалъ съ ними двухъ ординарцевъ, для ознакомленія съ мѣстностью, на тотъ случай, что если придется посылать съ донесеніемъ, то чтобы они знали дорогу. Сегодня на обѣдъ варили китайскіе бобы, но никто не могъ ихъ ѣсть: ужъ очень они вонючіе и мылистые, и всѣ вылили обѣдъ вонъ.

11 Ноября.—Днемъ командиръ полка послалъ меня со своей лошадью въ штабъ дивизіи, куда самъ долженъ былъ пріѣхать въ коляскѣ и, пересѣвъ на лошадь, ѣхать съ начальникомъ дивизіи на ту позицію, куда ходятъ наши баталіоны на дежурство. Я сѣлъ на его лошадь, а свою отдалъ вести въ заводѣ другому ординарцу, и поѣхалъ въ дер. Тхоусянтунь. Когда я выѣхалъ въ деревню, то увидалъ, что на встрѣчу шелъ корпусный командиръ съ княземъ М., своимъ адъютантомъ. Я коня подобралъ по кавалерійски и поѣхалъ мимо генерала. Когда я поровнялся съ нимъ, онъ крикнулъ мнѣ: „Здорово, молодецъ!“ Я отвѣтилъ и остановился напротивъ него. Онъ спросилъ, чей такой конь, какого полка? Я отвѣтилъ на всѣ вопросы. „А почему у тебя такіе погоны?“ Я объяснилъ, что погоны берейторскіе за окончаніе офицерской кавалерійской школы. Тогда онъ спросилъ меня, гдѣ я раньше служилъ и отпустилъ меня, сказавъ:—„Молодецъ! Спасибо! Поѣзжай съ Богомъ!“ Я повернулъ коня и поскакалъ въ штабъ дивизіи, гдѣ ожидалъ пріѣзда своего командира полка. Сюда уже собралось много начальниковъ частей нашей дивизіи. Они долго совѣтовались о чемъ-то въ канцеляріи штаба и никуда не поѣхали. Такимъ образомъ, я простоялъ до вечера и вмѣстѣ съ полковникомъ вернулся домой въ дер. Байтапу.

12 Ноября.—Утромъ было приказано всѣмъ готовиться къ смотру, такъ какъ ожидался пріѣздъ главнокомандующаго арміей генерала Куропаткина. Всюду поднялась чистка, уборка, въ лагеряхъ подмели и все привели въ должный порядокъ. Нашъ полкъ

выстроился, а рядомъ съ нами выстроились и другіе полки, стоявшіе въ этомъ же мѣстѣ.

Ждали главнокомандующаго изъ Мукдена, по большой Мандаринской дорогѣ, но онъ выѣхалъ совсѣмъ съ другой стороны, изъ деревни Юсаньтунь. Скомандовали „смирно", музыканты заиграли встрѣчу и смотръ начался съ нашего полка съ лѣваго фланга.

Осмотрѣлъ, поблагодарилъ за молодецкій видъ и сказалъ: „Братцы, нужно побѣдить нашего врага, только тогда и поѣдемъ домой, а то насъ жены не примутъ, засмѣютъ насъ всѣ".—Солдаты грянули: — „Постараемся, ваше высокопревосходительство!" То же повторилось и въ другихъ полкахъ, и главнокомандующій уѣхалъ къ себѣ подъ громогласные крики солдатскаго „ура!".

13 Ноября.—Часовъ въ 10 утра къ намъ пріѣхалъ ординарецъ съ донесеніемъ отъ корпуснаго командира генерала С. О чемъ было донесеніе, онъ объяснить не могъ, но у меня явилось подозрѣніе, не хочетъ ли онъ взять меня къ себѣ въ ординарцы. Такъ оно и вышло: подзываетъ меня къ себѣ полковникъ и говоритъ, что генералъ С. проситъ его выслать ему такого человѣка, который могъ бы выѣзжать лошадей подъ верхъ, но не назвалъ кого именно. Командиръ полка и говоритъ: „Кого бы ему послать?" Тогда я доложилъ, что корпусный видѣлъ меня на лошади командира и спрашивалъ про мое занятіе до войны, а потому не думаетъ-ли онъ взять меня къ себѣ. Полковникъ отвѣтилъ, что онъ меня не отдастъ а пошлетъ другого. Но когда послали другого, то его черезъ день же вернули съ запиской, чтобы выслать меня. Не знаю, что отвѣтилъ корпусному полковникъ въ запечатанномъ письмѣ, но только мнѣ сказалъ, чтобы я шелъ къ доктору и заявилъ ему, что боленъ; а я какъ разъ въ то время дѣйствительно болѣлъ и даже прихрамывалъ отъ ревматизма.

14 Ноября.—Въ 10 часовъ утра нашъ 3-й баталіонъ пошелъ на смѣну 2-го баталіона на дежурство. Я сходилъ къ старшему врачу О. Тотъ осмотрѣлъ меня, далъ порошки и втираніе для ногъ, и освободилъ на два дня отъ ѣзды.

15 Ноября.—Сегодня весь день я не выходилъ никуда по службѣ и все время пролежалъ на китайскомъ канѣ. Пользуясь свободнымъ временемъ, я написалъ три письма: въ Москву, въ Орелъ и въ Тамбовъ.

16 Ноября.—Полученъ приказъ по 6-му сибирскому корпусу, чтобы всѣ представленные къ знаку отличія Военнаго Ордена явились завтра, 17 Ноября, въ штабъ корпуса, въ деревню Тхоусянтунь, къ 2 час. дня. А о тѣхъ, кто по случаю ранъ отправленъ въ Россію, должны быть представлены списки.

17 Ноября.—Сегодня нашъ полковникъ уѣхалъ къ корпусному командиру раньше насъ, въ коляскѣ, а я со всѣми отличившимися отправился вслѣдъ за нимъ верхомъ, хотя всѣ пѣхотные шли пѣшкомъ. Когда мы выстроились во дворѣ штаба, корпусный командиръ вышелъ, поздоровался и поздравилъ насъ съ наградой знакомъ Св. Георгія, послѣ чего, подойдя къ нашему полковнику, что-то говорилъ съ нимъ и указывалъ на меня пальцемъ. Полковникъ пожалъ плечами и сказалъ, что—„онъ можетъ большую пользу принести въ боевомъ дѣлѣ; теперь у насъ формируется конно-охотничья команда и онъ можетъ тамъ быть хорошимъ замѣстителемъ офицерской службы". Командиръ корпуса лично пришпиливалъ всѣмъ на грудь георгіевскіе кресты. Когда очередь дошла до нашего полка, я, какъ стоявшій крайнимъ фланговымъ, первымъ подошелъ къ нему; онъ навѣсилъ крестъ и говоритъ: „желаю тебѣ заслужить всѣ 4 степени". „Постараюсь, ваше высокопревосходительство!" — Послѣ этого онъ разспросилъ меня какой я губерніи, женатъ ли, и когда я отвѣтилъ, что холостъ, онъ остался доволенъ и замѣтилъ: „Это очень хорошо, потому что всѣ женатые трусы".

Когда мы вернулись домой, то командиръ полка поздравилъ меня и, сказавъ, что онъ произведетъ меня въ зауряд-прапорщики, далъ мнѣ 10 р. на угощеніе товарищей.

18 Ноября.—Сегодня весь день всѣ гуляютъ. Офицеры тоже получили награды, угощали своихъ солдатъ и кутили сами. Музыка играла весь день.

19 Ноября.—День прошелъ спокойно. 4-й баталіонъ пошелъ въ дер. Шаландзи смѣнить 3-й баталіонъ. Вечеромъ, часовъ въ 10, командиръ полка отправился къ бригадному командиру генералъ-маіору Б., а я, проводивъ его, вернулся обратно, легъ спать и крѣпко заснулъ. Не помню, сколько времени я спалъ, вдругъ слышу крикъ и шумъ по всему двору и голосъ полковника: „Шикуцъ! давай скорѣй лошадь!" Я соскочилъ, какъ угорѣлый, и не могъ

Государственная
БИБЛИОТ..А
СССР
им. В. И. Ленина

понять, въ чемъ дѣло, и побѣжалъ къ полковнику, чтобы узнать, одна-ли лошадь ему нужна, или и мнѣ ѣхать съ нимъ. Когда я спросилъ его, онъ только повторилъ приказаніе:—„Скорѣй давай лошадь! вѣдь тревога!“ Я бросился сѣдлать лошадей. Ночь была темная, лошади не стоятъ а командиръ все кричитъ: „Скорѣй давай коня, мнѣ надо къ полку ѣхать!“ О, Господи! вотъ горячка то поднялась!... Подалъ я ему коня, а своего еще не успѣлъ осѣдлать. Пока я сѣдлалъ своего, всѣ уѣхали. Я наскоро одѣлся, захватилъ все, что надо, и догналъ командира полка. Онъ тогда вдругъ напустился на меня, почему я опоздалъ, и вотъ, изъ-за этого онъ хлыстъ свой потерялъ и не знаетъ, гдѣ онъ теперь. Полкъ выстроился походной колонной, всѣ крестятся, молятся, думая, что прямо идутъ въ походъ на боевую позицію. Потомъ слышимъ, раздалась команда: „Полкъ, смирно! Г.г. офицеры!“—видимъ подъѣзжаетъ генералъ Б., командиръ 1-й бригады, и здоровается съ солдатами: „Здорово, молодцы! Спасибо за молодецкій и скорый выходъ по тревогѣ“,—и самъ поѣхалъ дальше. Слышимъ, въ слѣдующемъ полку повторилъ то же самое, и солдаты также, какъ и мы, отвѣтили—„Здравія желаемъ“ и „рады стараться“. Тогда онъ скомандовалъ: „Полки по палаткамъ на свои мѣста, маршъ!“ И всѣ разошлись и разъѣхались по своимъ мѣстамъ.

20 Ноября.—Было отпущено по чаркѣ водки за скорый выходъ по тревогѣ. Я получилъ сегодня два письма съ родины. Ночью слышалась стрѣльба на передовыхъ позиціяхъ.

21 Ноября.—День былъ покойный: ѣздили за гаоляномъ въ поля, а я проѣзжалъ лошадей и случайно встрѣтилъ генералъ-маіора Ц., бывшаго командира 51 Черниговскаго полка, въ которомъ я служилъ подъ его начальствомъ. Онъ узналъ меня, поздоровался, поздравилъ съ Георгіемъ, который висѣлъ у меня на груди съ двумя медалями—одна за коронацію а другая за спасеніе погибавшихъ. Въ полку разнесся слухъ, что много японцевъ побито и взято въ плѣнъ во время вчерашней перестрѣлки.

22 Ноября.—Получили полушубки и очень много новаго шинельнаго сукна для портянокъ. Я тоже получилъ кусокъ въ 8 верш. длины и во весь кусокъ ширины и, докупивъ у другого солдата 8 вершк., отдалъ сшить себѣ теплые сапоги, какіе шьютъ изъ черной бурки.

23 Ноября.—Сегодня весь день провозился съ гаоляномъ. По приказанію командира полка, нужно было провѣрить на вѣсахъ, сколько вѣситъ каждый пучокъ гаоляну, приготовленнаго для похода каждому солдату для варки чая въ дорогѣ. Въ нѣкоторыхъ ротахъ оказалось, что были пучки по 10 ф., по 8 и по 12 фунтовъ, попадались и по 6 ф., а было приказано, чтобы во всѣхъ пучкахъ было по 10 ф. Сегодня же получали валенки.

24 Ноября.—Я позвалъ кузнеца перековать командирскихъ лошадей и заодно перековалъ и свою. Ночь прошла покойно.

25 Ноября.—Сегодня ночью у нашего казначея украли изъ его палатки, въ нестроевой ротѣ, денежныя письма на сумму 900 рублей. Воръ пока не обнаруженъ. Деньги обѣщаютъ выдавать, вычитая изъ жалованія казначея. Ночью слышна была съ двухъ сторонъ артиллерійская стрѣльба.

26. Ноября. — Сегодня праздникъ Святого Георгія, почему всѣхъ насъ георгіевскихъ кавалеровъ пригласили на обѣдъ въ деревню Юсуньтунь.

Со всего 6-го корпуса набралось очень много георгіевскихъ кавалеровъ. Былъ парадъ и молебствіе, на которомъ присутствовало много генераловъ, полковниковъ и оберъ-офицеровъ. Послѣ молебна прошли церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ въ большіе балаганы на обѣдъ. На обѣдѣ каждый получилъ 1 булку, 1 ф. колбасы, $^1/_{40}$ водки, 1 бут. пива, 1 ф. мяса, рисовый супъ, и потомъ чай. Играла музыка четырехъ полковъ, пѣли пѣсни, начальниковъ на „Ура“ поднимали, а нѣкоторые солдатики такъ напились, что тутъ же и передрались.

27 Ноября.—Получены казачьи сѣдла для охотничьей конной команды. Мнѣ приказано было показать „пѣхотнымъ драгунамъ“, какъ слѣдуетъ сѣдлать лошадей, потому что многіе никогда и не видали, какъ сѣдлаютъ лошадей, и подсѣдлывали задомъ на передъ. Провозился съ ними весь день до вечера. Ночь прошла покойно.

28 Ноября.—Сегодня показывалъ правила, какъ становиться въ конномъ строю въ двѣ шеренги, какъ ровняться и расчитываться для слѣзанья и влѣзанья, и на отдѣленія. Потомъ указалъ правила посадки и управленія лошадью. Всѣ слушали со вниманіемъ, но когда я скомандовалъ „садись“, то многіе полетѣли кто куда. Кто самъ упалъ, у кого лошадь упала, у кого козла дала и

всадника сбросила на землю, а нѣкоторые со страха не могли даже и попробовать пріема. Ночью слышна была стрѣльба близь дер. Ломатунь.

29 Ноября.—Часовъ въ 9 утра было приказано подать лошадь командиру полка. Онъ собирался ѣхать со всѣми штабъ-офицерами своего и Мценскаго полка и съ командиромъ бригады къ начальнику дивизіи, съ которымъ уже всѣ вмѣстѣ должны были отправиться для осмотра позиціи, которую намъ предстояло занять 1 Декабря. Я подалъ коня полковнику и самъ поѣхалъ за нимъ. Такимъ образомъ, мы проѣздили весь день до поздней ночи; были на позиціи, осмотрѣли окопы, редуты и даже дорогу, по которой удобнѣй пройти съ обозомъ и кухней.

30 Ноября.—Весь день готовились къ походу. Сдавали въ цейхгаузъ ненужныя вещи, болѣе нужныя получали на руки, и упаковывали вьюки, кабуры и вещевыя сумки, а также получили жалованье. Я тоже получилъ за мѣсяцъ 2 р. 25 коп. Такъ незамѣтно кончился нашъ резервный мѣсяцъ.

1 Декабря.—Сегодня съ утра стали собиратся въ походъ. Осѣдлали коней, пѣшіе и конные, съ полной амуницiей, выстроились въ походную колонну. Вдругъ, видимъ, подъѣхалъ ординарецъ Орловскаго полка и передалъ командиру полка донесеніе. Прочитавъ записку, полковникъ сказалъ намъ, что походъ отложенъ до завтра и скомандовалъ „по палаткамъ!“. Всѣ разошлись по своимъ землянкамъ, а мы вернулись на свой дворъ, въ которомъ уже не было сарая: мы его разобрали, весь матерьялъ сложили вмѣстѣ съ разными полковыми вещами и хотѣли перевезти на новую позицію, гдѣ и предполагали выстроить новый сарай. Но исполнить это не пришлось намъ.

2 Декабря.—Утромъ, въ 9 часовъ, пріѣхалъ къ намъ штабъ Сѣвскаго полка и сталъ занимать наши помѣщенія, причемъ все, что принадлежало къ землянкамъ, принимали по списку, какъ-то: двери, окна, печки и все, что было при фанзахъ. Они, въ свою очередь, должны были все сдать намъ, что было на позиціи, гдѣ мы ихъ смѣнимъ. Въ 2 часа пополудни мы выступили въ походъ. Солдаты несли на себѣ всѣ вещи, валеные сапоги, ватныя одѣяла и по одному пучку гаоляна для варки чаю и обогрѣванія себя на первыхъ порахъ, пока не привезутъ гаолянъ на лошадяхъ. Послѣ

мѣсячнаго отдыха солдатики шли очень бодро и весело. Но подъ конецъ всетаки совсѣмъ пріустали, хотя разстояніе было всего верстъ въ 20. Когда пришли на мѣсто и стали смѣняться, сдѣлалось уже совершенно темно. За этой смѣной такъ и прошла вся ночь. Одни выходили изъ окоповъ, а наши залѣзали въ нихъ и становились въ порядкѣ.

3 Декабря.—Утромъ, когда разсвѣло, мы стали разставлять лошадей за деревней. Деревня оказалась совершенно уничтоженной, уцѣлѣла только одна фанза для полковой канцеляріи да кумирня. Мы, ординарцы, заняли землянку безъ дверей и безъ печки, потому что Сѣвскій полкъ, уходя, все разрушилъ. Лошадей поставили подъ закрытіемъ стѣны и, кромѣ того, въ оврагѣ, такъ что лошади были укрыты отъ снарядовъ, но не отъ холода, ибо стояли прямо подъ открытымъ небомъ.

4 Декабря.—Весь день я проходилъ съ командиромъ полка по редутамъ, для ознакомленія съ позиціей и расположеніемъ на ней частей нашего полка: гдѣ какая рота заняла окопы, и гдѣ какія находятся землянки. Часовъ въ 5 вечера японская артиллерія обстрѣляла нашу позицію, но вреда никому не причинила, такъ какъ давала большой перелетъ.

5 Декабря.—Днемъ японская батарея все время стрѣляла по деревнѣ Сахепу, рядомъ съ нашей позиціей, гдѣ стоялъ Мценскій полкъ. Къ намъ тоже попало нѣсколько шимозъ, но съ перелетомъ на рѣку Шахе, которая была за нашей позиціей въ 500 шагахъ. Ночью была ружейная перестрѣлка: охотники имѣли стычку съ противникомъ, но потерь не было и все обошлось благополучно.

6 Декабря.—День праздника Св. Николая Угодника и у насъ ротный праздникъ 14 и 16 ротъ. Прибылъ полковой священникъ отслужить обѣдню и молебенъ. Послѣ молебна корпусный командиръ съ начальникомъ дивизіи и адъютантомъ прибыли на позицію, съ ними и все наше начальство, и всѣ отправились на ротный праздникъ. Я тоже пошелъ, такъ какъ всегда ходилъ съ полковникомъ. Пришли въ редутъ № 9, гдѣ стоялъ 4 баталіонъ. Стали въ глубокомъ и широкомъ оврагѣ, за Высокой сопкой, и священникъ отслужилъ здѣсь обѣдню, послѣ которой всѣ присутствовавшіе стали подходить къ кресту. Военный фотографъ снялъ

группу со всѣхъ. По окончаніи богослуженія начальство пошло въ землянку батаміоннаго командира подполковника Ф., гдѣ пробыли не больше часу, выпили и закусили тамъ, а я зашелъ къ фельдфебелямъ и тоже выпилъ и закусилъ съ ними. Послѣ этого всѣ вышли и пошли окопами въ деревню Сахепу, гдѣ стоялъ Мценскій полкъ. Обошли редуты и вышли съ другой стороны позиціи, на рѣку Шахе. Идемъ потихоньку домой и слышимъ—играетъ хоръ музыкантовъ нашего полка: было приказано играть музыкантамъ ради праздника. И только лишь кто-то изъ насъ проговорилъ „какъ бы японецъ не разыгралъ орудіями лучше",—какъ вдругъ начали раздаваться орудійные выстрѣлы и по всему нашему расположенію посыпались снаряды. Всѣ войска полегли въ окопахъ, мы тоже присѣли за обрывистой сопкой, и изъ-за нея намъ видно было, какъ рвались снаряды то вправо, то влѣво, то назади, то впереди насъ. А потомъ непріятель вдругъ навелъ орудія на нашу фанзу, гдѣ была канцелярія и квартировалъ генералъ Б. и нашъ полковникъ. Всю фанзу моментально разбили, и наше начальство говорило: хорошо, что мы здѣсь стоимъ, а не въ фанзѣ, а то бы насъ тамъ всѣхъ поколошматили; хотя тамъ и долженъ быть кто-нибудь, да, можетъ быть, Богъ спасетъ какимъ нибудь чудомъ. Такъ оно и вышло: кромѣ часоваго, тамъ въ это время никого не было, потому что, когда заиграла музыка, то всѣ поспѣшили къ ней, чтобы ближе послушать ее. Оставались тамъ только 3 лошади телефонщиковъ и изъ нихъ одну убило, да такъ её разорвало, что половину туловища ея нашли выброшеннымъ черезъ стѣну. Часоваго, стоявшаго у знамени, засыпало землею, но онъ, опомнившись, сползъ въ землянку, гдѣ было знамя, и просидѣлъ въ ней все это страшное время. Когда врагъ прекратилъ стрѣльбу, начальство пошло дальше окопами, и такъ дошли до рѣки Шахе, гдѣ стояли наши орудія. Командиръ 6 сибирскаго корпуса приказалъ всѣмъ батареямъ открыть огонь по японской позиціи. И тогда поднялся громъ отъ нашихъ орудійныхъ выстрѣловъ, земля стонала и дрожала отъ ударовъ; и тутъ мы, кажется, здорово поколотили врага, такъ что онъ не могъ даже отвѣчать на нашъ огонь и послѣ этого три дня молчалъ, пока не оправился.

10 Декабря.—Сегодня съ утра стали ожидать прибытія командующаго 3-й арміей генерала барона К. Часовъ въ 11 попріѣз-

жали всѣ наши генералы и начальники штабовъ для встрѣчи его, и ждали съ нашей стороны, но онъ пріѣхалъ со стороны деревни Сахепу и пошелъ осматривать Мценскій Полкъ. Конечно, всѣ тотчасъ же узнали объ этомъ по телефону и пошли туда. Когда командующій осмотрѣлъ мценцевъ и пришелъ къ нашему полку, полковникъ отрапортовалъ ему о благополучіи полка, и онъ поздоровался съ нимъ, а потомъ, увидавъ меня, стоявшаго сзади съ орденомъ Св. Георгія и съ медалями, подошелъ ко мнѣ, поздоровался со мной и спросилъ, какъ я заслужилъ крестъ. Я отвѣтилъ, что крестъ получилъ за отличіе 3-го Октября, когда обнаружилъ сильную непріятельскую засаду и спасъ полкъ отъ большихъ потерь. Командиръ полка подтвердилъ мои слова, и тогда онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: „Молодецъ! желаю тебѣ всѣ степени Георгія получить“. Затѣмъ командующій осмотрѣлъ нашъ полкъ, говорилъ съ нѣкоторыми солдатами, и потомъ мы его проводили пѣшкомъ за рѣку Шахе, гдѣ онъ сѣлъ верхомъ на лошадь и уѣхалъ въ слѣдующій корпусъ.

11 Декабря.—Сегодня прибыла партія запасныхъ для пополненія рядовъ въ ротахъ на мѣсто убитыхъ. Имъ сдѣлали разбивку по ротамъ, сколько въ какой не хватало, и замѣстили ими недостающіе ряды.

12 Декабря.—День прошелъ спокойно, но ночью была сильная перестрѣлка нашихъ охотниковъ съ японскими. У насъ одного убили и двухъ легко ранили.

13 Декабря.—Днемъ, послѣ обѣда, японская артиллерія обстрѣливала наши позиціи и одинъ снарядъ разорвался около землянки 4 взвода 12 роты. Одного унтеръ офицера убило въ голову, а другому все тѣло отъ пояса къ низу сорвало и онъ скоро умеръ; разбило также нѣсколько винтовокъ, стоявшихъ возлѣ землянки въ козлахъ.

14 Декабря.—Сегодня была прекрасная погода и я дѣлалъ проѣздку лошадямъ. Лошади стали было худѣть, такъ какъ имъ давали мало корму, всего по 2 снопа чумизной соломы и по 2 котелка гаоляноваго зерна. У насъ за утесомъ всегда варятъ чай солдаты и для костра носятъ изъ полей гаолянъ съ головками. Я сталъ обрѣзывать головки съ зернами и давать лошадямъ и отъ этого онѣ скоро поправились.

15 Декабря.—Утромъ, часовъ въ 10, я вышелъ къ кострамъ нарѣзать головокъ гаоляну для лошадей. Смотрю, нашъ командиръ полка и командиръ 2-й бригады идутъ возлѣ утеса и о чемъ-то разговариваютъ. Когда они подошли ближе, я скомандовалъ „встать, смирно!“ тѣмъ солдатамъ, которые сидѣли и варили здѣсь чай.

Генералъ этотъ, какъ оказалось, былъ присланъ на смѣну нашему генералу Б. и вся наша бригада должна была смѣниться, но полкъ нашъ не соглашался уйти съ позицій и желалъ простоять здѣсь весь мѣсяцъ, Мценскій же полкъ согласился, потому что мценцы не получали обѣда изъ кухни, а варили въ котелкахъ въ окопахъ. Имъ нельзя было подвозить кухни, такъ какъ японцы сейчасъ же разбивали ихъ, по причинѣ болѣе открытой позиціи полка.

16 Декабря.—Сегодня пріѣхалъ начальникъ дивизіи, добрый такой старичекъ, всегда ходитъ съ палкой, а когда взбирается на гору, то подпирается ею. Обошли съ нимъ позиціи и объявили Мценскому полку, что завтра ночью ихъ полкъ смѣнитъ Куликовскій а они пойдутъ въ резервъ на отдыхъ.

Потомъ сталъ онъ прощаться съ начальствомъ, а я стоялъ за полковникомъ, и онъ мнѣ тоже подалъ руку и говоритъ: „ну, и ты прощай, Георгіевскій кавалеръ. Я,—говоритъ,—считаю героевъ лучше губернаторовъ и надѣюсь, что ты сможешь въ нужное время замѣнить офицера“.

17 Декабря.—Съ утра открылась стрѣльба съ японскихъ батарей; сперва обстрѣливали Путиловскую сопку, а затѣмъ стали бросать снаряды до дер. Кудядзя, гдѣ стоялъ нашъ обозъ 1-го разряда. Три шимозы попали въ самую деревню, не причинивъ, однако, никакого вреда.

18 Декабря.—Сегодня наши батареи выпустили нѣсколько снарядовъ и замолчали; японцы на эти выстрѣлы не отвѣтили.

19 Декабря.—Послѣ уборки лошадей напились чаю, позавтракали и я усѣлся писать письма; нѣкоторыя уже написалъ и сталъ укладывать въ конверты, какъ вдругъ земля вздрогнула и около нашей землянки съ оглушительнымъ трескомъ разорвался снарядъ. Я выскочилъ посмотрѣть, что случилось, и вижу, что снарядъ разорвался на томъ мѣстѣ, гдѣ солдаты передъ тѣмъ варили себѣ чай. Солдатъ уже не было, и только двое изъ нихъ валялись не-

вдалекѣ отъ мѣста разрыва. Подбѣжавъ къ нимъ, я увидалъ, что они были живы и ихъ, повидимому, только оглушило взрывомъ. Одновременно со мной подбѣжали еще нѣсколько человѣкъ, и мы унесли ихъ къ себѣ въ землянку, гдѣ они скоро очнулись. Когда снарядъ разорвался, то землей ихъ отбросило въ сторону, отчего они немного ушиблись и порядочно таки испугались.

20 Декабря.—Утромъ былъ морозъ и сильный вѣтеръ, подымавшій большую пыль. Послѣ уборки и завтрака я хотѣлъ отправить письма, и только что я собрался идти въ канцелярію, какъ вдругъ прибѣгаетъ деньщикъ командира полка и говоритъ: „скорѣй къ барину идите". Я наскоро одѣлся и побѣжалъ къ полковнику. Онъ и говоритъ мнѣ:—„Поздравляю тебя съ производствомъ въ зауряд-прапорщики. Но смотри, будь поосторожнѣй, не лѣзь зря и не попадайся японцамъ! А теперь сходи и позови ко мнѣ начальника охотничьей команды". Я пошелъ туда, гдѣ стояли охотники, приблизительно верстахъ въ полутора отъ насъ. Спустившись пониже въ лощину и идя скорыми шагами, я сталъ уже подходить къ фанзѣ начальника охотничьей команды и только что хотѣлъ свернуть съ дороги, на которой стояла кухня и солдаты бѣжали за обѣдомъ, какъ въ эту минуту возлѣ кухни упала шимоза. Всѣ солдаты попадали, лошади убѣжали, а котелъ съ задними колесами, сорвавшись отъ крутого и быстраго поворота, опрокинулся и упалъ на землю. Ужасъ и страхъ овладѣли мною: я думалъ, что всѣхъ перебило, но не успѣлъ еще хорошенько придти въ себя, какъ всѣ встали и бросились въ окопы. Раненыхъ оказалось только двое, и то легко, и одной лошади оторвало кончикъ уха; мнѣ одинъ осколокъ попалъ въ ножну шашки и отбилъ кусокъ ножны, а другой попалъ въ обшлагъ лѣваго рукава и чуть задѣлъ рубашку, и больше ничего. Я вбѣжалъ въ фанзу, доложилъ поручику О., что его проситъ къ себѣ командиръ полка, и мы вмѣстѣ пошли обратно. По дорогѣ я невольно подумалъ, долго ли человѣку до смерти? Сегодня командиръ полка произвелъ меня въ прапорщики и сегодня же смерть чуть было не произвела меня въ покойники.

21 Декабря.—Возилъ на почту телеграммы и, сдавая ихъ, сдалъ и свои письма. Сегодня же былъ приказъ о моемъ производствѣ. Слава Богу! Вотъ и дослужился! Жалованье, суточныя и

столовыя—всего буду получать 103 р. въ мѣсяцъ. Къ вечеру японцы сильно обстрѣливали Путиловскую сопку, а наши батареи въ отвѣтъ японскимъ стрѣляли по Троухайской сопкѣ.

22 Декабря.—Согодня день очень солнечный и теплый. На позиціяхъ молчали и наши, и японцы.

23 Декабря.—Съ утра я получилъ приказаніе отъ командира полка передать свою обязанность старшаго ординарца другому унтеръ-офицеру, а также сдать и все состоящее у меня по описи имущество. Въ 2 часа дня была сильная стрѣльба съ обѣихъ сторонъ. Ночью японцы освѣщали наши позиціи прожекторомъ съ Хоутхайской сопки, но стрѣльбы не было.

24 Декабря.—Съ утра было приказано всѣмъ намъ быть наготовѣ къ встрѣчѣ противника, такъ какъ, по слухамъ, японцы предполагали сдѣлать на насъ наступленіе подъ праздникъ Рождества Христова. Вечеромъ приказали придти Кромскому полку къ намъ на помощь. Они пришли, и ихъ послали на передовую позицію. Въ это время охотники подняли тревогу и началась стрѣльба. Я по приказанію полковника передалъ двумъ ротамъ распоряженіе усилить редутъ № 9 и пошелъ впередъ, гдѣ была стрѣльба. Отошелъ съ версту и слышу, кто-то шелеститъ въ гаолянѣ; затѣмъ, смотрю—вышли на дорогу двое людей и идутъ прямо на меня. Кто-то изъ нихъ говоритъ: „только смотри, не бѣжать!“ Я пригнулся къ землѣ и вижу, что они взяли ружья на руки. Я узналъ въ нихъ русскихъ солдатъ и закричалъ, зачѣмъ взяли на изготовку? Въ этотъ моментъ одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ и пуля просвистѣла мимо меня. Я подбѣжалъ къ нимъ, а они чуть было штыками не закололи меня.—„Какого полка? Почему вы здѣсь?“—„Кромского. Мы заблудились, потеряли своихъ товарищей и не можемъ найти ихъ“,—но они не заблудились, а просто убѣжали назадъ, когда услыхали стрѣльбу впереди. Я ихъ вернулъ и привелъ въ полкъ, и когда ихъ спросили, почему они выстрѣлили въ меня, они сказали, что думали, что идетъ японецъ. Всю ночь до утра мы простояли въ окопахъ, но японцы не наступали, а только постреляли немного.

25 Декабря.—Утромъ мы увидали, что на Хоутхайской сопкѣ у японцевъ стоитъ флагъ и японцы кричатъ по русски „Ура“. Нѣкоторые изъ насъ по случаю праздника вернулись на заднюю

линію. Я зашелъ поздравить съ праздникомъ командира полка. Онъ спрашиваетъ меня, почему я не надѣваю офицерскую форму. „Ты,—говоритъ,—получилъ 100 рублей на обмундировку?“ „Нѣтъ еще, не получалъ“.—Тогда онъ далъ мнѣ 25 рублей и велѣлъ ѣхать въ Мукденъ купить все, что нужно, а когда получу аммуничныя, то долженъ буду возвратить ему занятыя деньги обратно. Я, взявъ деньги, выбралъ вѣстового и поѣхалъ съ нимъ въ Мукденъ, но по случаю праздника всѣ русскія лавки были заперты и я остался ночевать въ городѣ.

26 Декабря.—Сегодня лавки тоже были заперты. Тогда я пошелъ по городу погулять, чтобы ознакомиться съ Мукденомъ и посмотрѣть, какія у китайцевъ лавки, но ничего порядочнаго не видалъ. Отъ встрѣченнаго мною одного георгіевскаго кавалера я узналъ, что Портъ-Артуръ взятъ японцами, но это хранилось въ секретѣ и не велѣно было никому говорить объ этомъ, пока не получится подтвержденіе извѣстія изъ Россіи. Вернувшись съ прогулки, я поѣхалъ обратно въ полкъ. Было часовъ 6 вечера. По дорогѣ я заѣхалъ въ дер. Татарзятунь, гдѣ была наша канцелярія и стоялъ обозъ 1-го разряда, чтобы получить, если есть, письма. Тамъ я заѣхалъ къ полковому адъютанту. Въ это время у него была пирушка и я былъ приглашенъ на нее, но я скоро отдѣлался и уѣхалъ на позицію.

27 Декабря.—Сегодня полученъ приказъ по дивизіи о зачисленіи меня на должность помощника начальника конно-охотничьей команды, и къ вечеру же я вступилъ въ должность. Когда стемнѣло, я съ 1-й полусотней охотниковъ пошелъ на развѣдку. Благодаря Бога, ничего не случилось, хотя, какъ оказалось, японцы стояли недалеко отъ насъ, но стрѣльбы не открывали. Въ 12 часовъ ночи насъ смѣнилъ начальникъ нашей охотничьей команды со 2-й полусотней.

28 Декабря.—Съ утра ѣздилъ на станцію Суетунь, чтобы повидать тамъ своихъ товарищей, бывшихъ сослуживцевъ 51-го Драгунскаго полка, желая показать имъ, что я успѣлъ уже получить георгіевскій крестъ и чинъ заурядъ-прапорщика, но никого тамъ не засталъ, такъ какъ полкъ ушелъ въ набѣгъ съ генераломъ М. въ тылъ японцамъ къ гор. Инкоу. Вечеромъ я пошелъ съ полусотней въ сторожевое охраненіе, разставилъ посты въ окопахъ

Смоленскаго дивизіона и на китайскихъ могилахъ, выслалъ секретъ къ Большому дереву, стоявшему немного впереди, а самъ вернулся къ заставѣ, къ остальнымъ солдатамъ. Не прошло 5 минутъ, какъ ко мнѣ бѣгутъ мои секреты и говорятъ, что идетъ много японцевъ. Я скомандовалъ «въ ружье», взялъ съ собою тѣхъ, которые убѣжали изъ секрета и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ они видѣли японцевъ. Но ихъ не оказалось тамъ.

29 Декабря.—Разнесся слухъ, что отрядъ М. много японцевъ забралъ въ плѣнъ, сжегъ ихъ склады, попортилъ линію желѣзной дороги и отбилъ орудія и обозы, однимъ словомъ, солдаты стали толковать, что скоро будетъ миръ, потому что у японцевъ уже ничего нѣтъ, ни съѣстныхъ прапасовъ, ни одежды.—Днемъ была артиллерійская стрѣльба, но безъ вреда. Моя смѣна съ 12 ч. ночи до утра прошла благополучно.

30 Декабря.—Сегодня послѣ обѣда, взявъ съ собою три человѣка и подзорную трубу, я пошелъ разсмотрѣть днемъ, гдѣ стоятъ японскіе посты. Такимъ образомъ, я дошелъ почти до того мѣста, гдѣ многіе указывали, что здѣсь находится японская засада. Я осторожно сталъ подаваться впередъ и вдругъ на меня посыпались пули. Я спрятался въ канаву. Было еще свѣтло. Я взялъ пучекъ гаоляну, надѣлъ на него папаху и высунулъ изъ канавы. Моментально же посыпались пули въ папаху. Тогда я выждалъ темноты и, подъ ея покровомъ, благополучно вернулся въ команду. На развѣдку ходилъ съ 12 часовъ ночи до утра, отстоялъ благополучно.

31 Декабря.—День былъ хорошій, теплый; было солнечно и со стороны японцевъ покойно. Къ ночи мы стали готовиться къ встрѣчѣ японцевъ и Новаго Года. По этому послѣднему случаю собрались компаніей, выпили немного и закусили. Сегодня съ вечера идти въ развѣдку нужно было моему командиру, но по случаю новаго года онъ предложилъ мнѣ идти съ первой смѣной, а онъ ужъ смѣнитъ меня со второй. Я взялъ свою полусотню и отправился въ поле. Разставилъ посты, секреты, обошелъ всѣ линіи своихъ постовъ и съ остальными сѣлъ въ заставѣ. Въ $11^1/_2$ час. вечера наши войска запѣли «Боже Царя Храни» и намъ въ тишинѣ ночи было хорошо слышно это пѣніе. Вдругъ слышимъ, японцы стали кричать что-то непонятное и затѣмъ закричали:

«Банзай! Банзай!»... Наши уже кончили пѣніе, а японцы все еще продолжаютъ кричать, и вышло какъ-то очень смѣшно, хотя и непонятно. Когда они перестали кричать, я взялъ двухъ хорошихъ охотниковъ и пошелъ по тому направленію, гдѣ были слышны ихъ крики. Ночь была туманная, былъ иней и морозъ и немного снѣгу. Когда я далеко прошелъ отъ своихъ постовъ, тогда оставилъ на дорогѣ одного охотника для наблюденія за пройденнымъ путемъ и охраны его отъ охвата, а съ другимъ направился дальше. Отойдя еще большое разстояніе, я, чтобы не попасть въ ловушку, оставилъ тутъ и другого охотника, а самъ пошелъ или, вѣрнѣе, поползъ дальше. Снѣгъ отъ мороза сильно скрипѣлъ и я такимъ образомъ доползъ до тѣхъ окоповъ, гдѣ у насъ японцы осенью взяли 24 орудія. Окопы эти были глубокіе, и я, пройдя еще немного впередъ окопомъ, остановился и сталъ прислушиваться къ звукамъ ночи. Слышу гдѣ-то раздается какой-то подозрительный скрипъ. Желая узнать, что это такое, я взобрался на валъ и высунулся было изъ окопа, но не успѣлъ я еще и разглядѣть что либо, какъ по мнѣ раздался выстрѣлъ и пуля просвистала мимо меня. Я соскочилъ въ окопъ, упалъ, зацѣпился за что то и, словно въ чаду отъ охватившаго меня страха, закричалъ во всю мочь «Ура! Ура!» и стремглавъ бросился бѣжать. Въ это время японецъ схватилъ меня за полу шинели; я шашкой успѣлъ ударить въ его сторону и, при этомъ, отхватилъ кусокъ полы своей шинели, благодаря чему и спасъ свою жизнь. Вырвавшись такимъ образомъ изъ рукъ японца, я опять пустился бѣжать, а оставленный мною охотникъ, слыша мои крики «ура», самъ тоже началъ во все горло орать «Ура, Ура». Добѣжавъ такимъ образомъ до своихъ товарищей, мы открыли перестрѣлку, во время которой у насъ убили одного солдата Ѳедорова и ранили двухъ. Но всетаки мы не отступили, а выждали присланную намъ поддержку и тогда прогнали японцевъ назадъ.

1 Января 1905 года.—День новаго года прошелъ благополучно. Японцы на Хоутхайской сопкѣ опять выкинули свои флаги и кричали «Банзай», а ночью освѣщали наши позиціи прожекторомъ. Наша конная команда смѣнилась нашей же, вновь сформированной пѣшей охотничьей командой, состоящей изъ ста человѣкъ, которые и заняли наши мѣста.

2 Января.—Съ утра началась сильная артиллерійская стрѣльба. У насъ убило одну лошадь и двухъ ранило. Къ вечеру прекратили стрѣльбу, а мы лошадей перевели въ болѣе безопасное мѣсто.

Ночью была тревога. На передовой линіи завязалась небольшая перестрѣлка, но безъ жертвъ съ нашей стороны, а къ утру полкъ нашъ смѣнился и мы пошли въ резервъ, въ деревню Юсонь-Тунь. Пѣшая охотничья команда наша осталась на позиціи.

3 Января.—Утромъ, какъ только стало свѣтло, мы были уже на ногахъ и пошли въ дер. Татарзятунь, находившуюся на полпути до деревни Юсонь-Тунь. Здѣсь мы сдѣлали привалъ, сняли съ лошадей тяжелые вьюки, сложили ихъ въ одно мѣсто и, оставивъ при нихъ дневальныхъ съ 5 больными лошадьми, поѣхали съ остальными въ дер. Тхоусянтунь, гдѣ должно было быть наше конное ученье. Пріѣхавъ на мѣсто, мы остановились на большой колонной дорогѣ и стали ждать временно назначеннаго къ намъ для обученія правильному конному строю подъесаула С. 10 Оренбургскаго казачьяго полка. Онъ не заставилъ насъ долго ждать и скоро пріѣхалъ. Поздоровался, показалъ кое-какіе кавалерійскіе пріемы манежной ѣзды и отпустилъ, приказавъ завтра къ 9 часамъ собраться опять на этомъ же мѣстѣ. Мы поѣхали назадъ, забрали наши вьюки и затѣмъ отправились въ дер. Юсонь-Тунь. Тамъ мы нашли готовыя землянки, но очень холодныя и почти всѣ безъ дверей, безъ оконъ и съ разломанными печками. Нашъ солдатъ, когда уходитъ съ какого нибудь мѣста, то считаетъ почему-то своею обязанностью все перепортить и переломать, какъ будто-бы, оставляетъ это мѣсто не своимъ же товарищамъ, а непріятелю.— Для лошадей мы заняли конюшни, устроенныя въ глиняныхъ стѣнахъ нашего двора, а сами помѣстились въ землянкахъ, т. е. охотники и я, поручикъ же нашъ поселился въ ближайшей фанзѣ въ деревнѣ. Вечеромъ пришелъ полкъ и у меня въ землянкѣ помѣстились еще два прапорщика Ч. и З. Первую ночь отъ холода еле пережили, но зато было покойно и тихо.

4 Января.—Утромъ въ $8^1/_2$ часовъ я скомандовалъ всѣмъ идти на конюшню, снять всѣ вьюки и подсѣдлать лошадей. Все это было скоро исполнено; я вывелъ эскадронъ со двора, построилъ въ эскадронномъ порядкѣ и провѣрилъ, правильно ли осѣдланы

кони, а также нѣтъ ли больныхъ лошадей. Осмотрѣвъ все и сдѣлавъ разсчетъ по порядку, по взводамъ, по два,—для влѣзанія и слѣзанія,—и по отдѣленіямъ, я послалъ доложить командующему эскадрономъ поручику О., что эскадронъ готовъ. Онъ пришелъ, поздоровался и мы, сѣвъ верхомъ, поѣхали на мѣсто нашего ученія. Тамъ мы производили ученіе по 1 и по 2 и дѣлали повороты отдѣленіями по всѣмъ направленіямъ и кавалерійскимъ правиламъ, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ настоящіе кавалеристы, но всетаки довольно хорошо.—Ночь прошла тихо.

5 Января.—Утромъ, какъ и вчера, поѣхали на ученье. Къ намъ пріѣхалъ нашъ эскадронный командиръ подъесаулъ С. Черезъ $^1/_2$ часа нашего занятія, къ намъ подошелъ командиръ нашего 6-го корпуса со своимъ адьютантомъ и свитой. Такъ какъ наше ученье производилось возлѣ деревни Тхоусяньтунь, гдѣ стоялъ штабъ корпуса, то генералъ, гуляя, и подошелъ посмотрѣть на наше ученье. Поздоровавшись съ нами, онъ сказалъ, что намъ нужно догнать въ ученьи охотниковъ всѣхъ прочихъ охотничьихъ командъ, которые начали занятія еще съ Декабря прошлаго года. Завѣдывающій командою поручикъ О. и я сказали ему, что постараемся подтянуть нашихъ молодцовъ, такъ какъ я настоящій кавалеристъ. Тогда генералъ произнесъ: „Да! мнѣ говорилъ вашъ полковникъ Н. о васъ; — и протянулъ мнѣ руку, сказавъ: „Пожалуйста, позаймитесь поусерднѣе, я буду вамъ очень благодаренъ“. и, простившись, ушелъ къ себѣ въ штабъ, а мы послѣ ученія уѣхали домой. Послѣ обѣда я подалъ рапортъ о зачисленіи ко мнѣ въ качествѣ казенной прислуги рядового Бурилова, который хотя уже и былъ при мнѣ, но безъ зачисленія до сего времени. Ночь прошла весело: играли въ карты, и я выигралъ 38 рублей.

6 Января.—Сегодня по случаю праздника у насъ было богослуженіе. На немъ присутствовалъ весь полкъ съ офицерами. Во время литургіи къ намъ подошли начальникъ дивизіи и бригадный командиръ. По окончаніи богослуженія генералы со всѣми поздоровались и поздравили съ праздникомъ, послѣ чего начальникъ дивизіи объявилъ всѣмъ, что наша 72 дивизія выступаетъ въ общій резервъ главнокомандующаго и будетъ отдыхать впредь до распоряженія. По случаю праздника на эскадронное ученіе не ѣздили,

а вечеромъ устроили маленькую выпивку и играли въ карты. Спать легли въ 4 часа ночи.

7 и 8 Января. — Вчера и сегодня дни проводили однообразно: то-же эскадронное ученіе, уборка и кормежка лошадей и прочее.

9 Января.—Утромъ—ученіе, а вечеромъ къ намъ пріѣзжалъ прапорщикъ Л. и разсказалъ о стычкѣ ихъ съ японцами. Дѣло было такъ: охотничья команда Борисоглѣбскаго полка съ двумя офицерами захотѣли проползти до того мѣста, гдѣ стояли японскіе посты и гдѣ меня японцы подъ новый годъ чуть было не захватили за полу шинели. Они тоже хотѣли поступить такъ же, какъ и я тогда, и надѣялись на болѣе лучшій исходъ, но вышло иначе. Къ одному офицеру пріѣхалъ въ гости братъ. Ну, конечно, не обошлось безъ выпивки, и въ головѣ у всѣхъ кружилось. Когда офицеръ проводилъ своего брата, то надумалъ съ другимъ офицеромъ той же охотничьей команды напасть врасплохъ на японцевъ и захватить въ плѣнъ часоваго, а, если удастся, то снять и весь постъ. Сказано—сдѣлано. Взявъ команду, двинулись въ путь. По дорогѣ разставили часовыхъ и съ частью команды пошли впередъ. По всей вѣроятности, шли не обращая вниманія на серьезную опасность и безъ особеннаго соблюденія мѣръ предосторожности, почему и были замѣчены противникомъ около тѣхъ окоповъ, гдѣ чуть было меня не поймали. Японцы открыли по нимъ огонь, и съ первыхъ же выстрѣловъ оба офицера пали убитыми вмѣстѣ съ нѣсколькими своими охотниками. Команда, видя что офицеры убиты, въ паническомъ страхѣ обратилась въ бѣгство, не попытавшись даже унести трупы своихъ начальниковъ и товарищей. На эту тревогу подоспѣла пѣшая команда нашего Кирсановскаго полка, которая должна была смѣнить Борисоглѣбскую на 2-ой смѣнѣ. Къ тому же времени японцы прекратили перестрѣлку, и наши охотники со всѣми предосторожностями пробрались впередъ и къ утру успѣли подползти къ погибшимъ героямъ и благополучно вынести трупы ихъ. Одинъ изъ офицеровъ былъ убитъ на мѣстѣ моментально, но другой, раненый нѣсколькими пулями въ ногу и руку, проползъ до окоповъ, гдѣ и спрятался въ нихъ. Его нашли уже мертвымъ въ сидячемъ положеніи, держащимъ въ рукѣ револьверъ. Предполагаютъ, что онъ могъ бы быть спасенъ, если бы былъ

вскорѣ найденъ, но отъ потери крови онъ лишился сознанія и въ такомъ положеніи замерзъ.

10 Января.—Утромъ былъ сильный вѣтеръ и снѣгъ, но, не смотря на это, въ 9 часовъ утра мы выѣхали на ученье. При заѣздахъ по взводно на право кругомъ, лѣвый флангъ быстрымъ аллюромъ налетѣлъ на занесенную снѣгомъ канаву и штукъ 6 лошадей упали въ нее. Одна лошадь такъ неудачно упала на бокъ, что перебила ногу рядовому Д. пополамъ, а другая вывихнула ногу себѣ въ путовомъ суставѣ. Остальныя отдѣлались легкими ушибами. Раненаго сейчасъ же отправили въ госпиталь, да и сами мы скоро окончили ученье и поѣхали къ себѣ въ дер. Юсонь-Тунь. Ночью слышалась артиллерійская пальба на правомъ флангѣ, почему мы предположили, что генералъ Г. перешелъ въ наступленіе.

11 Января. — Сегодняшній день ничѣмъ не отличался отъ вчерашняго: тѣ же занятія, та же уборка и то же ученіе. Впрочемъ, есть и новость. Среди солдатъ распространился слухъ, будто генералъ Г. со своей арміей на правомъ флангѣ наголову разбилъ японцевъ, захватилъ массу оружія, боевыхъ снарядовъ, фуража и проч. и взялъ очень много въ плѣнъ. Говорятъ, что японцы стали даже просить мира и пощады у русскихъ, потому что у нихъ ничего не осталось для продолженія войны, ни оружія, ни патроновъ, ни снарядовъ, ни фуража, ни одежды, словомъ совершенно растрепаны и разбиты. Многіе этимъ слухамъ не придавали значенія, но были и такіе, которые глубоко вѣрили всѣмъ этимъ извѣстіямъ. Сегодня я получилъ 100 р. на обмундировку.

12 Января.—Съ утра, какъ и всегда, было конное ученье. Послѣ обѣда я дѣлалъ ученье спѣшеннымъ охотникамъ по конному для лучшаго пониманія и усвоенія конныхъ построеній. Слухи о томъ, что японцы просятъ мира среди солдатъ, усиливаются, а одинъ предугадчикъ увѣрялъ даже, что миръ будетъ заключенъ къ 20 Янв. с. г., и что если его предсказаніе не сбудется, то онъ согласенъ простоятъ извѣстный срокъ подъ ружьемъ съ полной выкладкой, и такихъ угадчиковъ было не мало. Сегодня я писалъ письма и послалъ роднымъ деньги. Ночь прошла спокойно.

13, 14 и 15 Января.—Всѣ эти дни прошли однообразно. Кромѣ коннаго ученья, принялись изучать еще и сигнализацію флагами. Разговоры о мирѣ усиливаются съ быстротой молніи.

Сегодня, 15 Января, на наше ученье приходили командиръ корпуса, начальники дивизій, бригадные командиры и командиры полковъ, нашего и Мценскаго, и смотрѣли на наши занятія. Они признали, что команда наша успѣла догнать своими пріемами прочія команды, которыя начали учится за мѣсяцъ раньше, за что и похвалили насъ. Послѣ занятій осматривали лошадей и сѣдла и прочее снаряженіе и говорили, что выдано на каждую конноохотничью команду для покупки лошадей и проч. снаряженія по 15000 р. а всетаки и лошадки плохенькія, и снаряженіе никуда негодно.

16 Января.—Ночью былъ полученъ приказъ нашей бригадѣ выступить на правый флангъ, въ армію генерала Г. Нашъ полкъ утромъ же собрался и ушелъ въ дер. Тасядепу, верстъ на 25 отъ насъ, а мы остались на мѣстѣ заниматься дальнѣйшимъ обученіемъ. Сегодня мы занятій не производили по случаю выступленія полка въ походъ. Вмѣстѣ съ полкомъ было взято изъ конной команды 16 человѣкъ охотниковъ для несенія ординарческой службы. Послѣ обѣда занимались сигнализаціей флагами.

17 Января.—День прошелъ, какъ всегда. Изученіе сигнализаціи флагами подвигается впередъ очень туго. Послѣ занятій я случайно зашелъ въ землянку, гдѣ стояли солдаты нашего полка, и увидалъ тамъ массу разбросанныхъ боевыхъ патроновъ. Я зашелъ въ другую, и тамъ оказалось то же самое. Тогда я велѣлъ своимъ охотникамъ обыскать всѣ землянки и собрать разбросанные въ нихъ патроны, которыхъ, такимъ образомъ, набралось болѣе 30 тысячъ. Мы ихъ нагрузили на арбу и отправили въ полкъ, за что я получилъ благодарность отъ командира полка.

Нашихъ охотниковъ и лошадей перевели на довольствіе въ Борисоглѣбскій полкъ, и мы должны были все получать изъ Борисоглѣбскаго обоза 2-го разряда, который стоялъ въ дер. Татарзятунь. Я натурой получалъ только хлѣбъ, а все остальное покупалъ на свои деньги вмѣстѣ съ поручикомъ О. Ночью была слышна сильная артиллерійская и ружейная стрѣльба возлѣ Путиловской сопки и дер. Сахепу.

18 Января.—Сегодня коннаго ученья не было и нашъ эскадронный командиръ С. былъ у насъ въ гостяхъ. Тутъ же собрались начальники командъ Епифановскаго и Мценскаго полковъ и мы съ

поручикомъ О. хорошо кутнули, немного поиграли въ макао, и я проигралъ 12 руб. Потомъ всѣ они собрались и поѣхали въ Бай-тапу, а я пошелъ въ свою землянку и легъ спать. Но только что я раздѣлся и уже легъ на свою постель, какъ невдалекѣ раздались 3 ружейныхъ выстрѣла, потомъ еще нѣсколько и что то пронеслось мимо моей землянки. Я моментально вскочилъ на ноги, быстро одѣлся и выбѣжалъ изъ землянки. Смотрю, стая собакъ убѣгаетъ отъ выстрѣловъ и гдѣ-то,—не вижу, а только слышу—свистки трррть, трррть, и крикъ: „Что вы дѣлаете? Вы убить меня хотите!“ Тутъ я увидалъ скачущихъ ко мнѣ офицера и ординарца. Я быстро вернулся въ землянку, наскоро набросилъ пальто и, надѣвъ шашку, выскочилъ узнать въ чемъ дѣло. Замѣтивъ меня, офицеръ подскочилъ ко мнѣ и сталъ кричать пьянымъ голосомъ: „Что вы здѣсь людей убивать, что-ли, вздумали!? Я васъ подъ судъ отдамъ!...“ Я сперва было опѣшилъ, но потомъ вижу, что налѣтѣвшій на меня поручикъ сильно пьянъ, и лѣзетъ на меня съ конемъ, а самъ чуть не падаетъ. Тогда я обратился къ нему съ вопросомъ:—„Господинъ поручикъ! кто вы такой? и куда вы должны ѣхать?“—„Я ѣду съ порученіемъ къ генералу Л. а вы меня хотѣли убить! вы измѣнникъ! я васъ застрѣлю!“ И онъ началъ копаться рукою возлѣ кобура съ револьверомъ. Эти слова взорвали меня. Я моментально схватилъ его коня подъ уздцы и такъ круто повернулъ на лѣво, что поручикъ какъ снопъ полетѣлъ на землю. Я въ то же время крикнулъ—„охотники ко мнѣ“!—и снялъ съ него револьверъ и шашку. Тогда, видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, поручикъ сталъ просить меня, чтобы я поговорилъ съ нимъ одинъ на одинъ. Но я въ отвѣтъ сказалъ, что дамъ ему 6 человѣкъ охотниковъ и его вмѣстѣ съ ординарцемъ отправлю къ генералу Л., такъ какъ онъ самъ заявилъ первоначально, что ѣдетъ къ нему съ порученіемъ. Тутъ поручикъ еще болѣе смягчился, хмѣль повидимому сталъ улетучиваться изъ головы и онъ сдѣлался очень вѣжливъ и сталъ опять просить дать ему поговорить со мною наединѣ. Я пригласилъ его въ свою землянку, и тогда онъ обратился ко мнѣ со словами: „Господинъ прапорщикъ! я очень виноватъ передъ вами въ томъ, что позволилъ себѣ оскорбить васъ. Простите меня великодушно, и пусть этотъ инцидентъ останется между нами. Ни къ какому Л. я не ѣду, и сказалъ

вамъ это такъ, съ горяча. А теперь позвольте въ знакъ дружбы выпить по маленькой и забудемте объ этомъ случаѣ, невольно познакомившемъ насъ другъ съ другомъ при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ",—и сказавъ это, онъ приказалъ своему ординарцу принести коньяку и закуски.

Когда коньякъ и закуска были на столѣ, мы устроили такую мировую, что онъ еле-еле залѣзъ на лошадь и поѣхалъ въ Байтапу. Послѣ его отъѣзда я узналъ, какъ все это случилось. Въ нашей мѣстности развелось очень много бродячихъ собакъ, которыхъ, послѣ ухода полка, стало еще больше, такъ какъ полкъ оставилъ послѣ себя массу разныхъ отбросовъ, въ особенности около кухонъ. Наши охотники и вздумали открыть по собакамъ огонь и надѣлали такой скандалъ съ офицеромъ. Конечно, я наказалъ стрѣлявшихъ по собакамъ и 4-хъ изъ нихъ, болѣе виновныхъ, поставилъ подъ ружье. Часовъ въ 11 ночи пріѣхалъ поручикъ О. и былъ очень доволенъ моимъ поступкомъ и долго смѣялся надъ тѣмъ офицеромъ, которому навѣрно было не до смѣху.

19 Января.—Съ утра ѣздили на занятія и дѣлали уже полное эскадронное ученіе, спѣшивались обыкновеннымъ порядкомъ и усиленно, для боевой обороны, пускали въ карьеръ, т. е. въ атаку, причемъ у насъ двое охотниковъ упали, но благополучно, не причинивъ себѣ серьезныхъ ушибовъ, и только упустили коней. Послѣ обѣда дѣлали передаточную почту: сигнализировали флагами на разстояніи 2-хъ верстъ, но еще очень непонятно, такъ какъ плохо выучились.

20 Января.—Сегодня, послѣ эскадроннаго ученія, къ намъ присоединили еще 3 эскадрона и составили такимъ образомъ кавалерійскій полкъ. Къ намъ пріѣхалъ подполковникъ К. 10 Оренбургскаго казачьяго полка для производства полкового ученія. Онъ сталъ командовать, но первыя же движенія оказались очень плохи. Онъ приказалъ намъ подтянуться и, простившись и распустивъ насъ по домамъ, уѣхалъ къ себѣ.

Послѣ обѣда я съ поручикомъ О. ѣздили въ дер. Байтапу за жалованьемъ. Я получилъ 66 р. 56 к.

21 Января.—Съ утра мы поѣхали на эскадронное ученье, гдѣ занимались только одинъ часъ, а затѣмъ изъ насъ по вчерашнему составили полкъ. Нужно признаться, что если бы кто-нибудь со сто-

роны глядѣлъ на наше ученье, то ему и въ голову не пришло бы назвать насъ полкомъ, а развѣ только какою-то конною ордою, потому что при поворотахъ или при заѣздахъ у насъ все путалось и сбивалось въ самую безпорядочную толпу.

Долго насъ гоняли, но, наконецъ, распустили, и мы съ пѣснями поѣхали по дорогѣ къ дер. Юсоньтунь.

Лошади были сильно уморены, и потому мы ихъ поставили неразсѣдланными, а черезъ 2 часа, когда онѣ совсѣмъ высохли, мы ихъ разсѣдлали и, напоивъ, дали гаоляноваго зерна. Сами мы уже пообѣдали и принялись за сигнализацію флагами. Вечеромъ къ намъ пріѣзжали въ гости 2 эскадронныхъ командира; одинъ былъ нашъ подъесаулъ С., а другой М., оба 10 Оренбургскаго казачьяго полка. Всѣ вмѣстѣ хорошо кутнули и играли въ карты. Ночь прошла почти безъ сна.

22, 23, 24 и 25 Января.— Всѣ эти дни я водилъ команду на занятія одинъ, такъ какъ мой завѣдывающій командой не выходилъ ни на какія занятія. Солдаты теперь стали говорить, что миръ будетъ 1 Февраля, потому что 20 Января по какой то неизвѣстной причинѣ не состоялся.

26, 27, 28 Января.—Сегодня, отпустивъ команду съ эскадроннаго ученья подъ начальствомъ вахмистровъ, мы, по приглашенію эскадронныхъ командировъ, поѣхали къ нимъ въ гости, гдѣ и прогуляли до поздней ночи. Время прошло весело: выпивали по казачьи, закусывали по драгунски и играли въ карты, какъ охотники. Казаки проводили насъ затѣмъ до нашей дер. Юсоньтунь.

Спать пришлось немного. Скоро меня разбудили и я было всталъ и хотѣлъ уже готовиться ѣхать на ученье, какъ вдругъ мнѣ подали записку отъ эскадроннаго командира: онъ писалъ, что 27 и 28 Января ученья не будетъ. Тогда я легъ на другой бокъ и снова уснулъ и проспалъ до 2-хъ часовъ дня, когда меня разбудили, и я пошелъ на занятіе съ флагами.

29 Января.—Намъ приказано, какъ можно усерднѣе заняться сигнализаціей. Послѣ обѣда мы сигнализировали флагами, а вечеромъ зажженными фонарями. Прошелъ слухъ, что скоро будутъ экзамены всѣмъ сигнальщикамъ и той командѣ, которая будетъ хорошо и скоро передавать и понимать сигнальныя депеши, будетъ выдано въ награду 100 р. Подъ вліяніемъ этого слуха наши охот-

ники принялись усерднѣе заниматься изученіемъ сигналовъ. Сегодня сигнальную линію съ флагами разставили на двѣ версты, но выходило плохо; когда же вечеромъ стали сигнализировать фонариками, то результаты получились лучше: сигнальные огни далеко видны, и сигналы дѣлались разборчивѣй. Ночь у насъ прошла благополучно, но съ позицій доносилась артиллерійская и ружейная стрѣльба.

30 Января.—Послѣ обѣда разставляли сигнальныя линіи отъ дер. Юсоньтунь до дер. Байтапу. Депеши получались правильно. Вечеромъ фонарями спрашивали своего эскадроннаго командира, какія завтра будутъ занятія, и получили отъ него отвѣтъ сигналами же, что завтра кавалерійскаго ученья не будетъ, а будутъ испытанія сигнальщикамъ, для чего собраться къ 9 часамъ утра въ дер. Тхоусянтунь, гдѣ находится штабъ 6 Сибирскаго корпуса.

31 Января.—Утромъ сдѣлали репетицію своимъ сигнальщикамъ и затѣмъ отправились на экзамены. На испытаніи оказалось, что не всѣ хорошо передаютъ депеши, но зато были и такіе охотники, которые очень хорошо могли сигнализировать. По окончаніи испытанія намъ сказали, что назначенныя призовыя вознагражденія выдадутъ тогда, когда люди докажутъ на дѣлѣ пользу своихъ знаній, а пока приказали подзаняться получше. Видя, что обѣщаніе не исполняется, солдаты начали роптать, что это обманъ, что наши деньги навѣрно зажилили, пропили, а намъ только приказывали: работай, трудись день и ночь на пользу высшаго начальства,—и такъ плохо стали заниматься, что и тѣ, кто хорошо передавалъ депеши, перестали заниматься и не хотѣли исправиться.

1, 2, 3 Февраля.—Первые два дня отдыхали, а на третій на ученьи производили усиленное спѣшиваніе и дѣлали примѣрную оборону отъ наступленія врага. Когда скомандовали—цѣпь впередъ и ложись!—у кого-то произошелъ нечаянный выстрѣлъ. Къ счастью, все обошлось благополучно, и пуля никого не задѣла, но было только очень странно, что пуля пролетѣла около уха многихъ лицъ. Напр., послѣ выстрѣла я чувствовалъ и говорилъ другимъ, что пуля пролетѣла мимо меня, около самаго уха, а другой, стоявшій противъ меня, увѣрялъ, что пуля пролетѣла мимо его головы, а третій, находившійся сбоку меня, тоже заявлялъ, что онъ ясно слышалъ свистъ пули около его уха. Въ общемъ оказалось, что пуля пролетѣла возлѣ каждаго уха. Это случилось вѣроятно потому, что,

при внезапномъ выстрѣлѣ, этой непрошенной гостьѣ поклонились почти всѣ.

4, 5, 6 и 7 Февраля.—Дни тянутся до того однообразно, что и описывать нечего. Успѣхи охотниковъ стали много хуже, и они совершенно не хотятъ стараться.

Вчера, 6 Февраля, получилъ посылку изъ Москвы; прислали табаку, конфектъ, спичекъ и т. п.

Сегодня я занимался съ охотниками возлѣ моей землянки, вдругъ—къ намъ подъѣзжаетъ неизвѣстный человѣкъ, въ полушубкѣ и съ краснымъ крестомъ на рукавѣ. Сперва я принялъ его за доктора. Подъѣхавъ, онъ поздоровался и спросилъ, гдѣ находится квартира ген. Стесселя? Я сказалъ, что Стессель въ Портъ-Артурѣ а здѣсь такого нѣтъ.—„Виноватъ, говоритъ,—я ошибся, я хотѣлъ сказать, гдѣ квартира генерала Линевича?“—Тогда я указалъ направленіе, по которому ему слѣдовало ѣхать, и онъ поѣхалъ. Послѣ его отъѣзда я сталъ тревожиться: ужъ не японскій ли это шпіонъ!—мелькнуло у меня въ головѣ, и я сейчасъ же послалъ 6 человѣкъ охотниковъ догнать и привести его обратно. Охотники полетѣли и за 1 или $1^1/_2$ версты нагнали его и привели къ намъ. Еще издали я видѣлъ, какъ они возвращались къ намъ, и мнѣ показалось очень страннымъ, что мои охотники ѣхали кучей впереди, а шпіонъ ѣхалъ сзади совершенно свободно. Когда они подъѣхали къ намъ, я сильно пробралъ за это старшаго, указавъ ему, что если бы они напали на ловкаго шпіона, то онъ однимъ револьверомъ могъ бы свободно убить ихъ нѣсколько человѣкъ, остальные бы разбѣжались, и шпіонъ благополучно улизнулъ бы у нихъ изъ рукъ. Осмотрѣвъ незнакомца, я не могъ рѣшить одинъ ничего, и потому отвелъ его къ завѣдывающему, который былъ боленъ и никуда не выходилъ. Тамъ незнакомецъ объяснилъ намъ, что онъ доброволецъ санитарнаго отряда, и былъ въ Мукденѣ и ѣдетъ въ 1-ю армію въ подвижной госпиталь. При этомъ онъ показалъ намъ письма, писанныя въ Мукденѣ и адресованныя въ 1-ю армію, бѣлье, которое онъ везъ туда, и отпускной билетъ. Тогда мы убѣдились, что это свой человѣкъ, и, извинившись за причиненное безпокойство, отпустили его.—Сегодня съ передовой линіи слышится сильная артиллерійская и ружейная пальба. За послѣднее время она часто слышалась, но все маленькая, а теперь повидимому происходило что то серьезное.

8 Февраля.—Сегодня по случаю моихъ имянинъ занятій не было. Ко мнѣ пріѣхали нѣкоторые офицеры нашихъ охотничьихъ командъ, немного подвыпили и играли въ карты. Съ позицій, по вчерашнему, доносились звуки артиллерійской и ружейной перестрѣлки.

9 Февраля.—Съ утра, по обыкновенію, было конное ученіе, а послѣ обѣда занятія съ флагами. Сегодня я выслалъ 100 руб. въ москву на имя сестры.

10 Февраля. — Сегодня нашимъ эскадронамъ былъ окончательный экзаменъ коннаго ученія, и нашъ эскадронъ отличился лучше всѣхъ, за что я съ поручикомъ получили благодарность отъ корпуснаго командира. Послѣ обѣда я получилъ 100 рублей военно-подъемныхъ и 21 р. 75 к. суточныхъ. Въ отдаленіи перестрѣлка всю ночь не унималось.

11 и 12 Февраля.—Эти два дня занятій не было; мы чинились, мылись, исправляли амуницію, словомъ—все приводили въ порядокъ. Сегодня пришелъ съ праваго фланга нашъ полкъ и занялъ старыя землянки. Въ мою землянку собралось 5 человѣкъ зауряд-прапорщиковъ, и много было тутъ разговора о военныхъ дѣлахъ минувшаго и настоящаго и выпивки за счастливое будущее. Всѣ прапорщики у меня же и переночевали.

13 Февраля.—Съ утра дуетъ сильный вѣтеръ изъ за Байкала со снѣгомъ, отчего весь день было очень холодно. Солдаты говорятъ, что это „дуетъ русскій вѣтерокъ".

14 Февраля.—Утромъ получили приказъ немедленно выступить на помощь на лѣвый флангъ, такъ какъ тамъ съ 10 Февраля идетъ ожесточенный бой. Въ 11 часовъ дня мы уже выступили въ походъ и шли форсированнымъ маршемъ до 12 ч. ночи. По дорогѣ намъ нигдѣ не попалось ни одной деревни, которая не была бы разрушена и сожжена мародерами, и поэтому пришлось ночевать въ ущельѣ, между горъ, подъ открытымъ небомъ. Никто, конечно, не могъ какъ слѣдуетъ отдохнуть и всѣ кое-какъ подремали до утра. Такъ какъ предказанія о мирѣ не исполнились, то солдаты перешли къ другой крайности и стали говорить, что нашъ русскій бѣлый царь не принялъ японскихъ уполномоченныхъ и велѣлъ казнить всѣхъ, кромѣ одного, котораго и отпустилъ обратно къ „Японскому Микадѣ" для того, чтобы тотъ передалъ ему, какъ Россія отвѣчаетъ на предложеніе о мирѣ. Пока мы не возьмемъ

„Японію и Токію“, до тѣхъ поръ объ мирѣ чтобъ никто не смѣлъ и заикаться. А съ позиціи, словно въ подтвержденіе этихъ словъ, доносился громъ отъ орудійной перестрѣлки и по небу, подобно вспышкамъ зарницы, пробѣгали отблески отъ орудійнаго огня.

15 Февраля.—Было еще темно, когда мы поднялись на ноги и тронулись въ путь. Съ каждымъ шагомъ, съ каждой пройденной верстой, все слышнѣе и слышнѣе доносилась трескотня ружейной перестрѣлки и адскій грохотъ орудійныхъ снарядовъ. Порою, точно громовые удары, раздавались артиллерійскіе залпы и на минуту заглушали собою ружейную трескотню. Съ приближеніемъ къ позиціи, мы стали встрѣчать массу раненыхъ, которыхъ несли и везли въ полевые госпиталя. Намъ приказано было перейти еще одинъ перевалъ на лѣво, къ дер. Подзявы, и занять позицію, на которой было уже много выбитыхъ изъ строя. Мы прибыли туда на закатѣ солнца и сейчасъ же послали пѣхоту въ бой. Мы, конные охотники, пока остались ночевать подъ высокой сопкой; какъ прошла эта ночь, не трудно догадаться. Спать было совершенно невозможно, и мы всю ночь провели на ногахъ, а громъ отъ орудійныхъ залповъ, безпрерывная трескотня винтовокъ, гулъ, ревъ и вой летящихъ снарядовъ и свистъ отъ ихъ разрывовъ сливались въ какой-то адскій хаосъ. Все это было въ одно и то же время и торжественно, и страшно, и ужасно! Каждый взрывъ снаряда уноситъ десятки человѣческихъ жизней, а ихъ ежеминутно разрывалась масса. И сколько въ эти минуты гибло жизней людей молодыхъ, полныхъ силъ и здоровья, жаждавшихъ этой самой жизни!.. Какой нибудь ничтожный осколокъ снаряда—и шедшіе въ бой съ надеждою остаться живыми и, вернувшись на родину, разсказывать о всѣхъ этихъ ужасахъ, и о геройской смерти погибшихъ, падаютъ бездыханными на трупы своихъ же товарищей съ тѣмъ, что-бы черезъ минуту быть самимъ заваленными новыми и новыми убитыми..... И не замѣтна будетъ славная смерть этихъ героевъ, положившихъ жизнь свою за дорогую имъ родину, и только дома, гдѣ они оставили свою семью, своихъ женъ, дѣтей, только тамъ пожалѣютъ ихъ, будутъ плакать и вспоминать о нихъ...

16 Февраля.—Утромъ мой командиръ заболѣлъ и сдалъ мнѣ свою команду охотниковъ. Мнѣ приказали смѣнить казаковъ 8 Сибирскаго казачьяго полка и занять всѣ летучіе посты почтовыхъ

станцій возлѣ самой позиціи. Боже мой, какой былъ тутъ ужасъ!.. Раненыхъ несли безостановочно, и они непрерывно кричали, стонали, и все это сливалось въ какой то мучительный вой... Трупы же убитыхъ бойцовъ сбрасывались внизъ по крутому склону высокой сопки, и они, стремглавъ падая, по много разъ перевертывались въ воздухѣ пока, наконецъ, не достигали до дна ущелья, гдѣ и наваливались другъ на друга въ огромную и даже грандіозную кучу.

Я пошелъ доложить полковнику 10 Вост. Сиб. Стр. полка, что мы заняли летучую почту, и тамъ на позиціи увидѣлъ громады мертвыхъ тѣлъ, валявшихся и на горѣ, и подъ горой, и въ оврагахъ. Волосъ дыбомъ подымался, глядя на эту картину! А ночью что было!!... Солдаты по гребнямъ горъ камнями отбивали нападеніе японцевъ, кололи ихъ штыками, били прикладами, а они, какъ муравьи, лѣзли на верхъ, схватывались съ нашими солдатами и, сцѣпившись, вмѣстѣ сваливались внизъ съ горы. Массы убитыхъ японцевъ валялись кругомъ, какъ дрова безпорядочными кучами.

17 Февраля.—Сегодня было то же самое, что и вчера: тѣ же стоны, тѣ же ужасы. Подойдетъ подкрѣпленіе, отобьетъ немного назадъ японцевъ, оставивъ и своихъ съ половину мертвыми, а они—глядишь—опять лѣзутъ и лѣзутъ неустрашимо на верхъ...

18 Февраля.—Сегодня на меня возложили новую обязанность: слѣдить, чтобы боевые патроны всегда были въ достаточномъ количествѣ. Въ эту ночь опять патроновъ не хватило, а завѣдывающаго патронами убили, и пришлось отбиваться камнями и прикладами. Не знаю, какъ я справлюсь съ двумя дѣлами: и за 6 постами нужно зорко слѣдить, а тутъ еще и патроны на шею навязали. Днемъ я поѣхалъ по позиціямъ разузнать, много ли патроновъ осталось, и въ дорогѣ у меня ранили лошадь въ копыто; она упала, а я полетѣлъ въ глубокій оврагъ, въ которомъ была масса труповъ нашихъ солдатъ. Я еле-еле выкарабкался изъ него. Осмотрѣвъ ящики съ патронами, я убѣдился, что патроновъ осталось очень мало, но за то кругомъ валялась масса труповъ убитыхъ солдатъ, и я распорядился собирать патроны съ убитыхъ. Они лежали во всевозможныхъ позахъ, кто внизъ, кто вверхъ лицомъ, кто на боку, словомъ какъ попало, другъ на другѣ, цѣлыми кучами, въ томъ окоченѣломъ состояніи, въ какомъ они были

спущены съ вершины сопки. Днемъ ихъ конечно убирали и хоронили въ одной общей могилѣ и подъ однимъ крестомъ.

Сегодня весь день шелъ сильный и ожесточенный бой, а съ наступленіемъ ночи онъ еще болѣе усилился. Наши отбили пять бѣшенныхъ атакъ непріятеля, при чемъ японцы понесли громадный уронъ, и къ утру бой началъ слабѣть.

19 Февраля.—Сегодня на разсвѣтѣ японцы перестали лѣзть напроломъ на наши позиціи и ограничились только стрѣльбою издали, да обстрѣливали весь день артиллерійскимъ огнемъ. Ихъ снаряды стали поражать черезъ позицію и бить по нашей батареѣ и по деревнѣ Подзядзы, гдѣ разбило снарядомъ землянку штаба нашего корпуса, но, слава Богу, никого тамъ не убило.

Послѣ этого приказано было саперамъ сдѣлать землянку за сопкой, гдѣ опасность была меньше. Ночью опять былъ такой же ожесточенный бой.

20 Февраля.—Утромъ бой затихъ совсѣмъ, и мы всѣ обрадовались, что побѣдили врага и прогнали его обратно, почему всѣ стали кричать „Ура! Ура! наша взяла!". Противникъ отступилъ, и я вмѣстѣ съ другими пошелъ посмотрѣть японскія позиціи. И, Боже мой, какую же картину мы увидѣли! Безъ ужаса вспомнить невозможно! Въ лощинахъ, въ окопахъ, на косогорахъ и на сопкахъ столько было навалено убитыхъ японцевъ, что буквально нельзя было никуда ступить ногою, чтобы не наступить на чей-либо трупъ.

Тутъ наши солдаты много набрали оружія и вещей. Я тоже принесъ 3 винтовки, шашку, бинокль, котелокъ и баклагу съ виномъ. Когда мы возвращались обратно, то натолкнулись на ранена̀го японца; онъ былъ еле живой и мы стали его поднимать, но когда онъ открылъ глаза и увидалъ, что его берутъ русскіе, то началъ кусаться зубами, визжать, кричать и не давался намъ; насилу мы дотащили его къ себѣ.

День былъ не такъ страшенъ, ходили подбирать убитыхъ и зарывали ихъ. Послѣ обѣда хотѣли перейти въ наступленіе, но почему то не перешли. Стояли всю ночь на старой позиціи.

21 Февраля.—Съ утра и до вечера было тихо. Изрѣдка раздавались орудійные выстрѣлы, и всѣ думали, что противникъ не въ силахъ болѣе бороться съ нами, и потому японцы ушли и мы скоро погонимъ ихъ назадъ къ Лаояну.

Но не такъ вышло, какъ мы предполагали. Къ вечеру пришелъ приказъ, чтобы ночью кахъ можно скорѣе отступить на Мукденскія Императорскія Могилы, потому что врагъ обошелъ насъ съ праваго фланга и идетъ на Мукденъ, чтобы отрѣзать намъ путь отступленія. О, Господи, что тутъ было тогда! Никто не вѣритъ, говорятъ, что это ошибка, и что вѣрнѣе всего, что надо наступать, а не отступать; но когда мы дождались ночи, то убѣдились, что дѣйствительно надо поскорѣй уходить. Всюду запылали громадными кострами склады запасовъ фуража и провіанта, и въ багровомъ свѣтѣ ихъ зарева солдаты съ ожесточеніемъ стали уничтожать свои землянки. Мнѣ приказано было собрать патроны и представить ихъ въ складъ 5-го корпуса, для чего мнѣ прислали 10 арбъ. Пока мы ихъ нагружали, стало уже темно, а когда тронулись въ путь, то одна изъ арбъ попала въ оврагъ и опрокинулась, лошадь убилась, а помогать было нѣкому, и я такъ и оставилъ эту арбу съ китайцемъ въ оврагѣ. Потомъ я получилъ распоряженіе остаться на старомъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли съ охотниками въ послѣднее время, и ждать, пока не пройдутъ всѣ войска, и только тогда слѣдовать за ними въ аръергардѣ и прикрывать ихъ отступленіе. Начали проходить войска, но очень медленно, и всѣ думали, что будетъ перемѣна приказанія. Меня послалъ генералъ Б. провѣрить и узнать, всѣ ли войска ушли съ позицій внизъ. Пока я обходилъ эти проклятыя сопки и горы, то войска уже спустились съ нихъ и ни одного русскаго солдата не оставалось на верху, и только я одинъ переползывалъ съ одной сопки на другую. И такъ мнѣ стало жутко, что я одинъ очутился среди тысячи труповъ, нашихъ братьевъ, что отъ одной этой мысли у меня морозъ по кожѣ пробѣгалъ и такъ и казалось, что вотъ-вотъ японцы схватятъ меня; или вдругъ чудилось, что мертвецы шевелятся, подымаются и идутъ; то вдругъ слышался душу надрывающій стонъ раненыхъ..... Просто не понимаю, что дѣлалось тогда со мною, какой-то кошмаръ на яву видѣлъ я, и громадныхъ нравственныхъ усилій стоило мнѣ проползсти всѣ эти ужасныя мѣста. Но за то, когда я сталъ спускаться съ горы, то вѣроятно отъ поспѣшности оборвался и полетѣлъ кувыркомъ внизъ. Славу Богу, нигдѣ не попалъ на камень, и по снѣгу какъ на саняхъ скатился до самаго низу и даже не ушибся; потомъ добрался до

лошадей, собралъ свои посты и поѣхалъ съ ними по направленію къ войскамъ. Тутъ уже и наши склады загорѣлись, и мы тогда поняли, что дѣло безповоротно проиграно и врагъ нашъ сталъ побѣдителемъ. Солдаты начали тащить изъ склада, что только хотѣли: сухари, сахаръ, табакъ, а также и водку, которой была непочатая бочка; но изъ-за водки многіе не раненные, но опьянѣвшіе, въ руки потомъ японцамъ попались.

Такъ мы шли всю ночь, безъ отдыха, до деревни Шихуйченъ, гдѣ сдѣлали привалъ.

22 и 23 Февраля. — Утромъ, на разсвѣтѣ, мы подошли къ деревнѣ, гдѣ были интендантскіе склады. Сдѣлали привалъ, покормили лошадей. Корма тутъ не жалѣли. Кругомъ валялись по землѣ гаоляновое зерно, чумиза, крупа, рисъ, сухари, консервы, табакъ, папиросы, спички, словомъ—бери чего хочешь, если только не лѣнь нести, а то все равно черезъ часъ все будетъ сожжено. И тутъ наши солдаты набрали всего, насколько только силы хватило, но не надолго, и мало по малу по дорогѣ все повыбрасывали, такъ какъ въ походѣ каждый лишній фунтъ составляетъ большую тяжесть. Не долго пробыли мы въ этой деревнѣ и двинулись дальше, а вслѣдъ за нашимъ уходомъ запылали и подожженые нами склады и вся деревня.

Такъ мы продолжали двигаться двое сутокъ, безъ отдыха, дѣлая лишь кое гдѣ небольшіе привалы, и только пройдя деревню Хуй-хе, мы остановились поздно вечеромъ на отдыхъ бивакомъ. Хотя отдыхъ этотъ и былъ плохъ, потому что было сыро и нельзя было уходить изъ рядовъ, тѣмъ не менѣе нѣсколько солдатъ запрятались за полевые борозды и спали тамъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Я нашелъ какую то большую пещеру въ землѣ, оказавшуюся маленькой баней, и мы, 5 человѣкъ, настлавъ на полъ гаоляну, переночевали на немъ точно на перинахъ; было мягко и тепло, хотя воздухъ, какъ вообще въ баняхъ, былъ и не особенно хорошъ, тѣмъ не менѣе наша ночевка всѣмъ понравилась.

24 Февраля.—Утромъ мы поднялись, напились чаю, поѣли консервовъ, накормили и напоили лошадей и стали разсуждать о томъ, что насъ ожидаетъ сегодня. Собралась здѣсь почти вся 1-я армія, всѣ сбились въ кучу, стояли зря, какъ вдругъ поднялась

тревога и стали говорить, что японцы въ 2-хъ верстахъ отъ насъ и наступаютъ съ большою скоростью. О, Господи! что только было тогда! Скомандовали—двигаться дальше. Всѣ обозы и артиллерія пошли впередъ, а пѣхота за ними, двумъ же охотничьимъ командамъ, въ томъ числѣ и нашей, приказано было перейти рѣку Хуй-хе и задержать противника, пока не пройдутъ наши войска и артиллерія. Мы вскорѣ были за рѣкой Хуй-хе и уже прошли нѣсколько вправо, къ деревнѣ, какъ къ намъ прискакалъ казакъ и донесъ, что рядомъ, въ сосѣдней деревнѣ, подошли 2 полка японской пѣхоты и одинъ полкъ кавалеріи. Не входя въ деревню, мы остановились подъ ея прикрытіемъ и выслали развѣдчиковъ осмотрѣть, дѣйствительно ли тамъ находятся японцы и много ли ихъ.

Какъ разъ съ той стороны дулъ чрезвычайно сильный вѣтеръ, такъ что изъ за пыли невозможно было держать глаза открытыми. Спустя немного, къ намъ подъѣхалъ разъѣздъ казаковъ и сообщилъ, что японцы хотятъ окружить нашу деревню съ западной стороны и дѣлаютъ уже перебѣжки. Я скомандовалъ поставить лошадей за деревней, за берегомъ рѣки Хуй-хе, и сталъ готовиться къ встрѣчѣ противника. Ко мнѣ подъѣхалъ командиръ конноохотничьей команды Тарусскаго полка штабсъ-капитанъ В. и спросилъ, гдѣ нашъ старшій офицеръ поручикъ О., на что я отвѣтилъ, что онъ уѣхалъ къ генералу съ докладомъ объ обходѣ японцами этой деревни и еще не возвратился. — „Тогда мы съ вами,—сказалъ штабсъ-капитанъ,—должны защищать Царицынскій полкъ, пока онъ не пройдетъ со своимъ обозомъ". Я выбѣжалъ изъ деревни и вижу — впереди бѣгутъ японцы, а позади ихъ стоитъ уже горная артиллерія и готовится обстрѣливать дорогу, по которой должны идти части Царицынскаго полка. Я скорѣй вернулся назадъ, и мы всѣ, штабсъ-капитанъ В. и еще одинъ зауряд-прапорщикъ, вмѣстѣ съ командой забѣжали за деревню и залегли въ китайскихъ могилахъ, откуда и начали обстрѣливать японцевъ. Японцы, открывъ по насъ огонь, продолжали наступать перебѣжками, и то ихъ вовсе нѣтъ, то какъ изъ земли вылѣзутъ и бѣгутъ на насъ. Потомъ видимъ, что японцы идутъ уже колоннами, да еще и кавалерія ихъ скачетъ на другой конецъ деревни. Мы сдѣлали еще нѣсколько залповъ и бросились къ лошадямъ за деревню, а тамъ коноводы уже кричатъ и машутъ намъ

рукамп:—„скорѣй! скорѣй! а то отобьютъ японцы!!“ И дѣйствительно, кавалерія ихъ быстро двигалась впередъ, но мы не растерялись и дали по ней нѣсколько залповъ, чѣмъ принудили ее спрятаться за деревню. Воспользовавшись этимъ временемъ, мы быстро сѣли на коней и ускакали за рѣку и ущелье, за высокую сопку.

Слава Богу, что наши войска успѣли пройти, потому что сами то мы—уберемся, раненыхъ у насъ было всего человѣкъ 5, да одинъ куда то пропалъ вмѣстѣ съ лошадью; вѣроятно его или убили, или отрѣзали и захватили въ плѣнъ, когда онъ ѣздилъ на развѣдки.

Но оставляя деревню, мы потеряли дорогу, по которой ушли наши полки, а по настоящей дорогѣ ѣхать было невозможно, такъ какъ она была уже занята японцами.

Тогда мы взяли себѣ въ проводники китайца, и онъ насъ повелъ по такимъ горамъ, что не только ѣхать на лошадяхъ, но даже и въ поводу вести ихъ было трудно, а къ тому же, на вершинахъ горъ, вѣтеръ былъ до того рѣзкій и сильный, что сбивалъ съ ногъ и засыпалъ глаза пескомъ.

Къ вечеру мы перевалили самый опасный перевалъ и нагнали наши войска. Обѣда у насъ не было и для лошадей корма тоже; но у насъ были консервы и сухари, и мы стали ѣсть консервы, а сухари отдали лошадямъ. Сдѣлавъ большой привалъ, поѣхали дальше, и всюду встрѣчали насъ пожары нашихъ богатыхъ запасовъ. Такимъ образомъ, часовъ около 11 ночи, мы добрались до бивака, и хотя никто не раскидывалъ палатокъ, но, кто могъ, ложился прямо на холодную землю и засыпалъ мертвымъ сномъ. Нѣкоторые хотѣли сварить чаю, но не оказалось ни капли воды, такъ что даже бѣдныхъ лошадей нечѣмъ было напоить. Войска было много, всѣ шли по одной дорогѣ и отдыхали почти на одномъ мѣстѣ, и потому передовыя войска моментально выпивали всю воду и позади идущимъ полкамъ уже ничего не доставалось.

25 Февраля.—Утромъ чуть свѣтъ меня позвали къ генералу Б. и онъ приказалъ мнѣ взять человѣкъ 30 охотниковъ и, вернувшись назадъ, къ японцамъ, разсмотрѣть, гдѣ они находятся, такъ какъ говорятъ, что они очень близко отъ насъ, всего верстахъ въ двухъ. Я взялъ охотниковъ и выѣхалъ на первую гору, но японцевъ оттуда не видалъ. Я переѣхалъ еще одинъ большой пе-

ревалъ, высмотрѣлъ насколько возможно было всю мѣстность и разставилъ посты для наблюденій, но японцевъ пока не было видно. Вдругъ слышу, гдѣ-то пошла частая стрѣльба, точно изъ пулеметовъ. Мы поскакали впередъ, но нигдѣ стрѣляющихъ не видѣли, и тогда я послалъ донесеніе генералу Б., что японцевъ не видно и гдѣ-то за переваломъ на югъ идетъ сильная перестрѣлка. Сами же мы остались наблюдать дальше.

Вдругъ видимъ, недалеко отъ насъ, изъ ущелья скачутъ наши солдаты на обозныхъ лошадяхъ, нѣкоторые бѣгутъ пѣшкомъ, побросавъ винтовки, и всѣ съ испуганными лицами и кричатъ:—Кавалерія!.. Японская кавалерія окружила насъ!... Мы тотчасъ же бросились туда и, за одной горою, видимъ—стоитъ обозъ какого-то полка, повозки и патронныя двуколки его горятъ пламенемъ, а около суетятся человѣкъ 10 японскихъ кавалеристовъ. Тутъ же въ сторонѣ бродятъ и брошенные солдатами быки, которыхъ гнали при обозѣ.

Когда мы подскакали къ обозу, то захватившіе его японскіе кавалеристы, видя, что имъ не справиться съ нами,—ускакали. Оказалось, что этотъ обозъ, отставъ отъ своихъ и заблудившись ночью въ горахъ, остановился въ ущельѣ на ночлегъ. Всю ночь жгли костры и полагали, что японцы далеко. Но японцы шли по пятамъ, и одинъ изъ ихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ напалъ на него. Не разобравъ дѣйствительной силы непріятеля, наши быстро раскидали головни костровъ по обозу, чтобы сжечь его, и сами бросились на утекъ. Обозъ загорѣлся, загорѣлись и патронныя двуколки, и отъ этого началась такая трескотня, точно стрѣльба изъ пулеметовъ.

Я приказалъ 3-мъ нашимъ охотникамъ гнать быковъ въ нашъ полкъ, и былъ очень доволенъ своею удачею, какъ вдругъ, смотрю, ко мнѣ на помощь спѣшитъ полуэскадронъ нашей команды съ поручикомъ О.; но лишь только онъ подъѣхалъ къ намъ, какъ примчался ординарецъ съ крикомъ: „скорѣй, скорѣй уѣзжайте, а то насъ съ запада японцы обступаютъ и скоро отрѣжутъ отступленіе“!.. Пока я собиралъ съ постовъ охотниковъ, О. со своей командой ускакалъ уже, неизвѣстно куда. Я приказалъ гнавшимъ скотъ бросить его и присоединиться къ командѣ, послѣ чего мы всѣ и поѣхали туда, гдѣ стоялъ нашъ полкъ, но его тамъ уже не застали: онъ тоже ушелъ куда-то вмѣстѣ съ обозомъ.

Съ горы видно было все поле, покрытое отступающими войсками, и всѣ шли какими то безпорядочными кучами, и кого ни спроси, никто ничего не зналъ, не только что о чужомъ полкѣ, но и свои то роты растеряли, и всѣ старались только поскорѣе уходить, уходить и уходить.

Собравъ свою команду, я поспѣшилъ туда, куда двигалась громадная сѣрая масса отступающихъ войскъ. Проѣхавъ впередъ версты три, я увидалъ необыкновенное и ужасное зрѣлище — панику отступавшихъ, среди пожаровъ, обозовъ и войскъ. Въ паническомъ страхѣ всѣ зачѣмъ-то бѣгали, суетились, кричали, орали, бранились, молились, одни запрягали повозки, другіе выпрягали ихъ, словомъ, происходилъ какой-то хаосъ безсмысленной сутолоки движенія. Иные, стараясь спасти что-нибудь изъ необходимыхъ вещей, спѣшно накладывали ихъ въ запряженную повозку; другіе, желая спасти только себя, торопливо обрывали и обрѣзывали постромки, выпрягали изъ повозокъ лошадей и удирали на нихъ, тутъ же бросая свое оружіе. Иной солдатъ, сидя на повозкѣ, немилосердно погонялъ лошадей и, для облегченія ихъ, выкидывалъ по дорогѣ нагруженныя на повозку вещи. Въ одномъ мѣстѣ разбивали посылки, присланныя изъ Россіи солдатамъ и офицерамъ, выбирали изъ нихъ вещи, какія получше, водку, колбасу и проч. съѣстные припасы, а ненужное все бросали на землю. Нѣкоторые пьяные солдаты кричатъ: „эй, народъ! подходи, бери чего надо!..“ Но никто не обращаетъ на эти крики вниманія и каждый спѣшитъ только бѣжать и бѣжать подальше отъ японцевъ. Чтобы не видѣть этихъ безобразій, я вмѣстѣ съ охотниками поѣхалъ дальше, но всюду было то же самое, и всюду горѣли громадные интендантскіе склады. Тамъ безъ сѣдока несется по полю осѣдланная лошадь, тамъ скачетъ лошадь въ хомутѣ, тамъ опять мчится съ мотающимся подъ брюхомъ сѣдломъ, тамъ, глядишь, навьюченный оселъ лежитъ въ оврагѣ вверхъ ногами, въ другомъ мѣстѣ попадаются 2 распряженныя лазаретныя линейки съ ранеными, которые охаютъ, стонутъ, кричатъ отъ боли и безсилія, потому что кучера выпрягли лошадей и ускакали на нихъ неизвѣстно куда. Доктора и сестры милосердія, спасая свою жизнь, тоже ушли и оставили ихъ на произволъ судьбы. Смотрю, въ одномъ мѣстѣ куча пьяныхъ солдатъ обступила двухъ сестеръ милосердія, и кричатъ, что это

японскіе шпіоны, и начали обыскивать ихъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ нибудь бумагъ.. Я подскакалъ къ нимъ и приказалъ имъ оставить сестеръ въ покоѣ, и хотя трудно что нибудь сдѣлать съ пьяной толпой, но, къ счастью, они меня послушались и я вывелъ сестрицъ на мандаринскую дорогу. Какъ ихъ звали—я не помню, хотя онѣ и называли мнѣ себя, но въ то время не до того было. Желая объѣхать эту безпорядочную массу, я поѣхалъ впередъ, но объѣхать было не такъ то легко, такъ какъ она была безконечна, и повозки двигались въ одинъ рядъ, а гдѣ въ два и даже въ три одна за другою безъ малѣйшаго интервала. И если у кого нибудь ломалась повозка или почему либо останавливалась лошадь, то ее моментально убирали въ сторону отъ дороги, и тогда уже не было никакой возможности опять въѣхать въ ряды, а нужно было ждать, пока вся движущаяся масса пройдетъ впередъ. Тогда солдаты садились верхомъ на лошадей, если только онѣ могли еще волочить ноги, и удирали по полю, бросая повозки на мѣстѣ, съ чѣмъ бы онѣ ни были. Проѣхавъ дальше, смотрю, стоитъ толпа обозныхъ и строевыхъ солдатъ, которые окружили трехъ штатскихъ. Оказалось, что это ѣхалъ маркитантъ со своимъ товаромъ; тутъ у него было много коньяку, водки, рому, ликеровъ и проч. дорогихъ винъ и закусокъ, а лошади, выбившись изъ силъ, стали и не могли тронуться съ мѣста. Тогда маркитантъ подозвалъ солдатъ и говоритъ имъ: „бери, пей, душа мой, пусть японецъ не доставался, душа мой!“ И солдаты не заставили себя просить и моментально расхватали всѣ спиртные напитки, такъ что нѣкоторымъ даже не хватило. Тогда тѣ, которымъ не досталось ничего, набросились съ криками на другія повозки маркитантовъ: „Давай все, что у тебя есть!“ и даже поколотили его за то, что онъ неохотно отдавалъ остальное. Напившись водки, солдаты перешли въ драку, а нѣкоторые начали даже стрѣлять, изъ за чего въ другихъ мѣстахъ подумали, что это наступаютъ японцы, и паника еще болѣе усилилась. Я поѣхалъ влѣво, поближе къ желѣзной дорогѣ, думая найти гдѣ нибудь свой полкъ.

Около двухъ часовъ пополудни мы остановились, дали корму конямъ и, закусивъ сами имѣющимися у насъ консервами, стали продолжать прерванный путь, предварительно выславъ направо и налѣво нѣсколько человѣкъ, чтобы разузнать, гдѣ находится нашъ

полкъ, или, по крайней мѣрѣ, по какой дорогѣ онъ прошелъ. Мои охотники поѣхали по назначенію, а мы на время остались на мѣстѣ, чтобы выждать ихъ возвращенія. Но изъ 16 человѣкъ ко мнѣ вернулись только двое, а 14 пропали неизвѣстно гдѣ. Дѣлать было нечего, поѣхали дальше безъ нихъ. Повернувъ къ желѣзной дорогѣ, мы услыхали ежеминутные жалобные тревожные свистки паровоза. Оказалось, что ѣхало два поѣзда съ ранеными, одинъ за другимъ, и очень медленно. На нихъ налѣзла масса солдатъ, и въ вагоны, и на вагоны, и на площадки, и на ступеньки, и даже на буферахъ, словомъ — кто гдѣ могъ, тамъ и цѣплялся, да еще кричатъ: такой-то полкъ, сюда! Шумъ и крикъ сливались во что-то невообразимое. Тутъ я увидалъ одного нашего солдата и отъ него узналъ, что полкъ пошелъ на Телинъ. До Телина было не очень ужъ далеко, но я все-таки не направился туда, такъ какъ лошади сильно устали и мы ночью не могли найти дороги, а потому заѣхали переночевать въ одну большую деревню, вродѣ мѣстечка, называвшуюся Илъ. Тутъ мы и заночевали въ оврагѣ около деревни. Здѣсь же стояли обозы разныхъ корпусовъ и обозъ съ понтонными лодками и мостомъ. Всю ночь мы не могли заснуть отъ холода и жгли костры подъ берегомъ въ оврагѣ, кипятили себѣ чай и грѣлись сами, и такъ, съ грѣхомъ пополамъ, провели эту ночь.

26 Февраля.—Утромъ, чуть свѣтъ, я объявилъ командѣ, что мы идемъ на Телинъ, и приказалъ готовить лошадей. Напоивъ ихъ, мы отправились въ путь. Невдалекѣ въ оврагѣ мы увидѣли лежащей молодую красивую и большую лошадь въ хомутѣ; она была до того измучена, что мы не могли поднять ее на ноги и такъ тамъ и оставили ее. Пріѣхавъ въ Телинъ, мы не нашли нашего полка, хотя кое гдѣ и попадались наши солдатики и стоялъ обозъ съ кухнями нашего полка, но никто не видалъ, что-бы нашъ полкъ проходилъ впередъ. Тогда я заключилъ, что полкъ долженъ быть назади, повернулъ охотниковъ и поѣхалъ назадъ, разставивъ своихъ людей цѣпью, въ надеждѣ гдѣ нибудь наткнуться на него. Проѣхавъ верстъ 5, я услышалъ гдѣ-то далеко артиллерійскую пальбу. Потомъ вижу, въ кучѣ обоза въ полевомъ экипажѣ ѣдутъ нашъ корпусный командиръ и начальникъ штаба съ адъютантомъ, и всѣ дремлютъ, такъ какъ было еще рано, часовъ 10 утра. Ѣду дальше, смотрю—ѣдутъ 4 патронныя двуколки

Мценскаго полка и на одной изъ нихъ сидитъ командующій полкомъ полковникъ М. Увидавъ меня, онъ спросилъ, не встрѣчался ли мнѣ гдѣ нибудь его полкъ.—„Я,—говоритъ,—заболѣлъ, а теперь и догнать полкъ не могу".—Я, конечно, отвѣтилъ, что не видалъ, и въ свою очередь спросилъ, не попадался ли имъ нашъ полкъ. Онъ сказалъ, что нашъ полкъ не далеко и долженъ быть тамъ, гдѣ идетъ бой. Узнавъ это, я рысью поспѣшилъ туда, и вижу, идетъ какая то батарея и обозъ. На одно изъ орудій забрался какой то пѣхотный поручикъ, не знаю какого полка, такъ какъ на погонахъ не было №№, но петлички и околышъ—красные. Вдругъ, откуда ни возьмись, изъ за меня выскочилъ какой-то артиллерійскій генералъ и закричалъ на этого поручика:—вы кто такой? Откуда? почему залѣзли на орудіе? Ранены, что ли?—Тотъ отвѣтилъ, что не раненъ, а усталъ и ищетъ свой полкъ. Генералъ ужасно разсердился и еще пуще набросился на него:—„Да какъ вы смѣли на орудіе забираться! Когда вы не ранены, то вонъ отсюда! Ишь, роту потерялъ, такъ и на орудіе забрался! Стрѣлять, говоритъ, буду! Что за безпорядки?!"—Поручикъ соскочилъ и давай Богъ ноги!. Дальше я не знаю, чѣмъ все это кончилось, такъ какъ я поскакалъ на звуки выстрѣловъ и скоро былъ на мѣстѣ, гдѣ нашелъ свой полкъ и даже всю 72 дивизію. Тутъ же былъ и Мценскій полкъ, который розыскивалъ встрѣтившійся мнѣ полковникъ М. на патронныхъ двуколкахъ. Оказалось, что онъ не полкъ искалъ, а самъ убѣжалъ отъ боя, который тутъ дѣйствительно шелъ и на которомъ присутствовалъ даже самъ генералъ Куропаткинъ и распоряжался нашей 72 дивизіей. Японцы хотѣли сбить нашихъ и захватить обозъ, но это имъ не удавалось. Командиръ нашего полка полковникъ Н. неустрашимо леталъ все время по всей линіи, и Богъ миловалъ, онъ не былъ даже раненъ, а между тѣмъ нашихъ тамъ легло не мало. Меня съ командой въ 18 человѣкъ охотниковъ и 2-хъ ординарцевъ выслали на развѣдки правѣе желѣзной дороги, что-бы слѣдить за тѣмъ, гдѣ собираются японцы, и тутъ у меня ранили одного ординарца и двухъ охотниковъ. Генералъ Куропаткинъ самъ смотрѣлъ на дорогу, по которой шелъ всякій сбродъ: обозы, лошади, ослы, солдаты всѣхъ сортовъ, между ними были и такіе, которые тащили за плечами огромные узлы разнаго хламу и безъ винтовокъ. Это случалось, когда солдаты на-

бирали разныхъ вещей изъ обоза или ограбивъ китайцевъ; и такъ какъ все это нести было тяжело, то они, жалѣя бросать узелъ съ награбленнымъ добромъ, бросали сперва пантронташъ съ патронами и патронныя сумки, а затѣмъ, такъ какъ идти все таки было тяжело, бросали уже и винтовки, а штыкъ затыкали за поясъ, и такъ шли дальше. Неся ношу и слыша выстрѣлы, имъ мерещился обходъ японцевъ, и тогда, побросавъ свои сокровища, они удирали безъ оглядки, но, опомнившись, имъ стыдно было бѣжать со штыкомъ безъ винтовки и они бросали и штыкъ, а взамѣнъ брали палку. Когда нѣтъ никого, такой бѣглецъ идетъ и палочкой подпирается, и ему легче идти, а если кто новый попадается навстрѣчу, то онъ начинаетъ хромать, будто-бы раненъ въ ногу, и упирается на палку, какъ на костыль. Такими судьбами они пробирались даже до Харбина, откуда ихъ высылали по этапу въ свои части, и начиналась опять та же исторія.

Нашъ полкъ и нѣсколько сборныхъ ротъ дрались до ночи и простояли всю ночь, отбивая атаки японцевъ.

27 Февраля.—Сегодня мы отступили назадъ и влѣво, въ огромныя сопки, овраги и ущелья, гдѣ тоже по пути были схватки съ японцами. Тутъ къ намъ присоединились два баталіона Мценскаго полка и Тарусскій и Куликовскій полки нашей дивизіи. Мы заняли вершины сопокъ, а въ лощину были посланы на развѣдки одинъ эскадронъ драгунъ 52 Нѣжинскаго полка и 1 сотня казаковъ. Моя часть охотничьей команды тоже была послана на развѣдки. Всю ночь мы слѣдили, куда направлялись японцы, а они все передвигались направо къ желѣзной дорогѣ.

Не мало мы наголодались тутъ, такъ какъ сухари всѣ вышли, мяса нѣтъ, кухни не подходятъ, и для лошадей фуража не было и купить его въ горахъ негдѣ было. Жителей тутъ очень мало, да и тѣ совершенно раззорены и ихъ выгоняли въ Телинъ. На наше счастье намъ удалось взять у проходившаго обоза 26 мѣшковъ сухарей, когда я ѣздилъ къ одному нашему бывшему въ засадѣ баталіону, чтобы знать, куда нужно будетъ ѣхать на случай если бы пришлось давать знать объ отступленіи. Могло случиться, что никто изъ насъ не зналъ бы дороги къ баталіону и онъ могъ быть отрѣзанъ непріятелемъ. Этими сухарями мы отчасти подкрѣпили свои силы; всѣ сухари были раздѣлены на весь полкъ и на

роту досталось меньше двухъ мѣшковъ, но для лошадей ничего нельзя было добыть. Тогда мы стали щипать съ сопокъ сухую траву возлѣ кустиковъ и ею кормили ихъ. Хорошо бы было во время ночнаго холода подкрѣпиться горячимъ чаемъ, но огня нигдѣ разводить было нельзя, чтобы не открыть себя непріятелю.

28 Февраля.—Утромъ, еще до разсвѣта, нашъ полкъ передвинулся вправо, на встрѣчу къ японцамъ, и занялъ позицію. Меня послалъ командиръ полка высмотрѣть, гдѣ хотятъ наступать японцы и въ какомъ направленіи идутъ.

Я взялъ съ собою 8 человѣкъ хорошихъ охотниковъ и, переѣхавъ 2 большихъ хребта, по долинѣ доѣхалъ къ деревнѣ Суетунь, гдѣ увидалъ, что японцы на одной сопкѣ устанавливаютъ свою батарею, а пѣхота ихъ идетъ колоннами и поднимается на высоты сопокъ. Наша батарея обстрѣливала непріятеля, но неудачно. Намъ со стороны видно было, какъ японцы обманывали нашихъ артиллеристовъ. Дѣло было такимъ образомъ: наблюдатели артиллеристы, видя что апонцы находятся на сопкѣ, указывали, куда наводить орудія; на самомъ же дѣлѣ тамъ было только нѣсколько человѣкъ японцевъ, которые, совсѣмъ въ сторонѣ отъ своихъ войскъ, то пробѣгали по сопкѣ внизъ, то вновь поднявшись, спускались опять; сильная же пѣхота ихъ шла безо всякаго вреда низомъ подъ нашими выстрѣлами, и наши, поддаваясь обману, зря обстрѣливали свободную сопку. Мы было проскочили впередъ, но японцы открыли по насъ огонь, и тогда мы повернули и пошли по лощинѣ назадъ. Но тутъ мценцы, не узнавъ насъ и принявъ насъ за японцевъ, дали по насъ залпъ, и только благодаря тому, что былъ глубокій оврагъ, въ который мы успѣли спуститься, намъ удалось спастись отъ русскихъ пуль. Отсюда мы послали къ мценцамъ одного охотника съ предупрежденіемъ, что это ѣдутъ свои, и тогда они прекратили стрѣльбу. Вернувшись, я доложилъ, что японцы находятся тамъ то. Тогда наши батареи начали попадать удачнѣе и порядкомъ положили непріятеля. По возвращеніи, охотники стали готовить въ оврагѣ обѣдъ въ котелкахъ; у одного охотника нашелся маленькій запасъ сушеной капусты, а у другихъ консервы, и изо всего этого они для меня приготовили очень вкусный обѣдъ. Я предложилъ командиру полка и адъютанту покушать нашего обѣда, чему они очень были рады, но только они сѣли обѣдать, какъ

невдалекѣ отъ насъ что то прожужжало и шлепнулось. Мы сперва не поняли, что это такое, но вскорѣ ударилась невдалекѣ и 2-я шимоза и разорвалась, къ счастію, съ перелетомъ. Тогда мы поняли, что непріятель открылъ огонь по насъ съ той батареи, которую я замѣтилъ при началѣ ея установки. Немедленно было послано донесеніе корпусному командиру, что японцы поставили орудія и снаряды ихъ достигаютъ до насъ. Ординарецъ поѣхалъ въ Телинъ но корпуснаго штаба не нашелъ тамъ и вернулся обратно ни съ чѣмъ. Тогда послали 3-хъ ординарцевъ съ донесеніями объ одномъ и томъ же, и они кое какъ розыскали его и получили приказъ, чтобы мы ночью незамѣтно отступили. Ординарцы, привезшіе приказъ, говорили, что видѣли часть нашей охотничьей команды съ поручикомъ О. въ деревнѣ къ сѣверу за Телиномъ. Мнѣ приказано было, до ухода нашего полка съ позиціи, строго наблюдать за движеніемъ непріятеля, и я съ командой простоялъ незамѣтно всю ночь. Когда стало разсвѣтать, мы увидали японцевъ очень близко отъ насъ. Они открыли по насъ огонь, на который и мы тоже отвѣтили. За это время полкъ нашъ успѣлъ отступить къ Телину и за нами былъ присланъ казакъ съ приказаніемъ, немедленно же отступить вслѣдъ за полкомъ.

1 Марта.—Утромъ, по дорогѣ къ Телину, я нагналъ нашъ полкъ. Впереди ѣхалъ начальникъ дивизіи. Я скомандовалъ — „Смирно!". Онъ поздоровался и сказалъ: „Большое спасибо, молодцы, за славную сторожевую службу!" — и, подавъ мнѣ руку, спросилъ:—„что же у васъ мало охотниковъ?"—Я доложилъ ему, что со мною 22 человѣка. Но тутъ полковникъ отвѣтилъ за меня, что съ 25 февраля бо̀льшая часть команды съ завѣдывающимъ гдѣ-то пропала, а я съ маленькой командой справлялся за всѣхъ и вездѣ очень хорошо. Тогда генералъ еще разъ подалъ мнѣ руку и поблагодарилъ меня.

Въ Телинѣ еще были цѣлы склады и запасы. Мы поѣхали туда, набрали корму лошадямъ, консервовъ, сахару, сухарей, рису, однимъ словомъ, что кому было угодно; потомъ подошелъ весь полкъ и тоже набралъ запасовъ, и вскорѣ послѣ этого всѣ эти склады запылали. О, Господи, какая была трескотня! Горѣли большія скирды чумизы, гаоляну, жмыхи, крупа, мука, сухари, соленой рыбы около 100 бочекъ, всего и не перечтешь. Патроны—и

тѣ были сожжены. Сперва хотѣли было здѣсь держаться и дальше непріятеля не пускать, но потомъ почему-то передумали, и намъ приказано было перейти черезъ большой мостъ. Вскорѣ же послѣ нашего перехода этотъ мостъ взорвали. Взрывъ былъ ужасный и его слыхали на далекое разстояніе.

Пройдя за мостомъ верстъ 6, мы нашли нашего завѣдывающаго командой въ деревнѣ, съ обозомъ и санитарными линейками. Съ нимъ было 63 человѣка охотниковъ съ разными пойманными чужими лошадьми, хотя своихъ четырехъ не было: ушли куда то.

Ну, слава Богу! теперь легче будетъ намъ всѣмъ вмѣстѣ, но все таки завѣдывающаго сильно пробиралъ командиръ полка, говоря:—„корпусному командиру доложу, подъ судъ пойдете! Какъ вы смѣли пропадать шесть дней!?"—„Я,—оправдывался завѣдывающій,—все искалъ полкъ и не могъ найти его".—Здѣсь мы сдѣлали небольшой привалъ и пошли дальше; шли до поздней ночи, а за нами громовыми раскатами взрывались желѣзные мосты. На ночь остановились въ деревнѣ Чилчигову, гдѣ кое-какъ и переночевали до разсвѣта.

2 Марта.—Утромъ, чуть свѣтъ, мы уже были въ пути и шли, какъ самые задніе, въ арьергардѣ. За нами все рвали и сжигали: мосты, сторожевыя будки, желѣзнодорожныя станціи.... Ночью остановились на одномъ мѣстѣ въ ущельяхъ и выбрали позицію. Тутъ мы простояли 3 и 4 Марта, думая встрѣтиться съ японцами, но не пришлось ихъ видѣть. У насъ прошелъ слухъ, что будто японцы пошли обходомъ на Харбинъ.

5 Марта.—Утромъ снялись съ позиціи и пошли назадъ къ Гунжалину и Сапенги. Долго мы шли. Обѣда нынче тоже не было: уже 8 дней не видали кухонь и варимъ въ котелкахъ, что придется. Прошли рѣку и около города Коуяджана сдѣлали привалъ. Тутъ купили кое чего, сварили обѣдъ и чай. Въ этомъ городѣ есть много китайцевъ христіанъ—католиковъ. Они носятъ крестики и даже показывали намъ иконы на полотнѣ; одна изъ нихъ была Рождество Христово, а другая Вербное Воскресенье. Послѣ отдыха мы опять шли до ночи и остановились возлѣ 3 фанзъ; съ версту отъ насъ было еще 4 фанзы, это была дер. Тойминза. Мы расположились было въ оврагѣ, но командиръ полка приказалъ

перевести насъ впередъ къ противнику. Тамъ оказалась глубокая лощина съ кустарниками, что было для насъ очень кстати, такъ какъ мы привязали къ нему своихъ лошадей и такъ простояли всю ночь. Прошла она покойно, и было только холодно.

6 Марта.—Утромъ, часомъ въ 9, мы снялись съ бивака и начали отступать. Пройдя верстъ 6, мы остановились, такъ какъ намъ было приказано задерживать наступленіе противника, пока всѣ войска не отойдутъ подальше. У насъ было 8 орудій, нашъ полкъ и 2 баталіона Мценскаго полка.

Часовъ въ 5 позиція была занята и устроена. Вскорѣ кто то донесъ генералу Б., что японцы очень близко и приближаются въ количествѣ 6 эскадроновъ. Тогда мнѣ приказали ѣхать на развѣдки и капитанъ генеральнаго штаба далъ мнѣ схему. Я взялъ 38 чел. конныхъ охотниковъ и поѣхалъ къ дер. Синдагову, гдѣ мы только что оставили нашъ бивакъ. Тамъ мнѣ сказали, что японцы находятся верстахъ въ 5 отъ насъ. Я подумалъ, что если они за 5 верстъ, то это ничего: мы ихъ не допустимъ къ себѣ; но не прошло и нѣсколькихъ минутъ послѣ моего размышленія, какъ по насъ откуда-то открыли огонь, да не за 5 верстъ, а версты за три.—Мои охотники вдругъ повернули назадъ и давай бѣжать!... Я началъ было кричать: „куда вы?! куда вы?!“ но они, точно бѣшеные, улепетываютъ отъ меня, такъ что со мной осталось только 7 человѣкъ.

Впереди насъ былъ довольно глубокій и широкій оврагъ. Мы скорѣй спустились туда и стали стрѣлять по деревушкѣ, которая была недалеко впереди передъ оврагомъ. Видя, что не всѣ убѣжали, но часть осталась и открыла огонь по японцамъ, мои охотники понемногу опомнились и вернулись ко мнѣ. Всѣ мы спѣшились, засѣли въ оврагѣ и залпами стали бить по деревушкѣ. Смотрю, японцы начали выскакивать изъ нея, то по одному, то кучками. Я сейчасъ же послалъ донесеніе, что японцы выгнаны, хотя и не всѣ еще, и просилъ дать мнѣ взводъ пѣхоты. Но мнѣ прислали цѣлую роту подъ командою капитана Г. Еще до прибытія роты мы успѣли уже выгнать японцевъ и занять эту деревню. Всѣ расположились въ оврагѣ, и капитанъ Г. вдругъ доноситъ, что 6 эскадроновъ японцевъ атакуютъ насъ и выдержать атаки нельзя. Не зная ничего о его донесеніи, я тоже донесъ,

что „японцы изъ деревни выбиты и я занялъ эту деревню. Японской кавалерiи видѣлъ всего 4 разъѣзда по 6 и по 8 человѣкъ. Они собрались и двинулись къ желѣзной дорогѣ. Я слѣжу за ихъ движенiемъ". Пославъ это донесенiе, я разставилъ посты и самъ съ тремя охотниками поѣхалъ къ желѣзной дорогѣ. Было уже темно. Проѣхавъ немного, слышу кто-то кричитъ по русски недалеко позади насъ, т. е. съ нашей стороны. Я крикнулъ:—„что тебѣ надо?" Тотъ переспрашиваетъ—„а кто вы будете?"—Я отвѣтилъ:—„русскiе, а ты кто?"—„Я казакъ 10 Оренбургскаго полка, 5-й сотни, заблудился, ѣздилъ съ донесенiемъ къ Генералу Б." Ну, думаю, свой, если знаетъ какъ зовутъ нашего генерала, и говорю ему:—„подъѣзжай ко мнѣ и на всякiй случай держи винтовку въ правой рукѣ. Ѣдемъ къ желѣзной дорогѣ, а потомъ я укажу тебѣ, куда надо ѣхать къ твоей сотнѣ". Онъ было поѣхалъ, но когда я направился на югъ, къ японской сторонѣ, то казакъ нашъ вдругъ повернулъ коня и далъ тягу. Такъ какъ ночь была темная и я не разговаривалъ изъ нежеланiя обнаружить себя противнику, то онъ принялъ насъ за японцевъ. Увидя, что онъ поскакалъ отъ насъ, мы въ свою очередь приняли его за переодѣтаго японца и рѣшили поймать его. Скоро мы стали настигать его; онъ на лету кричалъ и три раза выстрѣлилъ въ насъ, но въ потьмахъ ни въ кого не попалъ, и тутъ же слетѣлъ кубаремъ въ канаву вмѣстѣ съ лошадью и закричалъ: „ой! ой! ой!".... Ничего не зная, что съ нимъ, мы подъѣхали къ канавѣ, а онъ кричитъ оттуда:—„У меня мать, жена, дѣти! Отпустите душу на покаянiе!... Пожалѣйте!"... Мы его взяли и привели къ себѣ на заставу, а оттуда отпустили въ его сотню, указавъ ему дорогу. Вся ночь прошла въ сильномъ нервномъ напряженiи.

7 Марта.—На разсвѣтѣ мы замѣтили японскiе разъѣзды, подбиравшiеся къ намъ оврагомъ. Мы во время встрѣтили ихъ огнемъ и прогнали на югъ. Я написалъ донесенiе обо всемъ происходившемъ ночью и о появленiи японскаго разъѣзда, и къ намъ прислали еще двѣ охотничьихъ команды Кромскаго и Епифановскаго полковъ. Мы съ епифановцами поѣхали къ той деревнѣ, гдѣ собирались японскiе разъѣзды и хотѣли незамѣтно охватить ихъ и взять въ плѣнъ, но проклятые китайцы сидѣли на крышахъ и, замѣтивъ наше приближенiе, вѣроятно доне-

сли о томъ японцамъ, и японцы изъ за этого успѣли ускользнуть, и за деревней, по оврагу, пробраться до желѣзной дороги. Мы заѣхали въ деревню, гдѣ только что стояли японцы, и тамъ нашли свареный и выброшенный на землю рисъ, который японцы приготовили было себѣ на завтракъ, и одинъ воткнутый возлѣ огня штыкъ. Объѣзжая деревню Синдагову, мы сорвали въ ней японскій флагъ, бѣлое полотно съ краснымъ кругомъ, означавшимъ, что деревня эта занята японцами.

Вскорѣ японскіе разъѣзды стали показываться около желѣзной дороги. Тогда мы вернулись къ себѣ на заставу. Я взялъ своего вѣстового и 2-хъ охотниковъ Кромскаго полка; прапорщикъ тоже взялъ 3-хъ охотниковъ, и мы всѣ опять поѣхали къ желѣзной дорогѣ. Было часовъ 12 дня. Ничего не подозрѣвая, мы ѣхали свободно; но лишь только мы подъѣхали къ дорогѣ на болѣе близкое разстояніе, какъ изъ желѣзнодорожной выемки по насъ раздались ружейные выстрѣлы. Мы, конечно, кто какъ могъ, бросились обратно въ лощину. За нами жужжа и свистя летѣли пули, но ранили только одну лошадь. Тогда мы возвратились къ своей заставѣ и, взявъ со собою большее число охотниковъ, вернулись обратно къ желѣзной дорогѣ, выбили японцевъ изъ засады и прогнали ихъ на югъ. Ночью наши посты особенно внимательно наблюдали за непріятелемъ и не дали японцамъ высмотрѣть наши арьергардныя силы, которыхъ было слишкомъ мало; и хотя китайцы съ нашей стороны быть можетъ и перебѣгали къ японцамъ, но вѣроятно не могли подробно объяснить, какія у насъ войска и гдѣ они стоятъ.

8 Марта.—Утромъ все было спокойно. Японцы неоднократно пытались со всѣхъ сторонъ разузнать наши арьергардныя силы, но мы ихъ не допускали близко. Я написалъ и послалъ донесеніе о благополучномъ и удачномъ отраженіи японскихъ разъѣздовъ бригадному командиру и командиру нашего полка.

Такимъ образомъ, все обстояло у насъ благополучно, и одно лишь было плохо, что мы нѣсколько дней не получали изъ кухонь горячей пищи. Наши кухни шли впереди насъ верстъ за 20 или за 30, съ обозомъ, изъ опасенія, чтобы врагъ не захватилъ ихъ, какъ это случилось въ другихъ полкахъ. Пріобрѣсти что нибудь отъ китайцевъ тоже нельзя было ни за какія деньги, такъ какъ мы отъ

6*

самаго Мукдена шли все время въ арьергардѣ, и у китайцевъ къ нашему приходу уже ничего не оставалось: все отчасти покупали, отчасти же грабили впереди идущія войска. Забирали все: куръ, свиней, яйца и дажеословъ, муловъ и лошадей. Куръ, свиней и пр. съѣдали, а на ослахъ, мулахъ и лошадяхъ удирали поскорѣй въ Харбинъ. Дорогою ихъ продавали или бросали за негодностью и набирали новыхъ. Встрѣчается, напр., китаецъ съ арбой, въ которую впряжены 2—3 лошади или мула, безразлично; солдаты, если не было вблизи офицера, тотчасъ выпрягали ихъ и ѣхали, какъ на своихъ, къ Харбину. Бывало такъ, что пѣхотинецъ, не зная ухода за лошадью, навьючивалъ на нее массу всякаго хлама, и притомъ обматывалъ вокругъ разными веревками и такъ туго ихъ закручивалъ,—да еще самъ поверхъ садился,—что лошадь черезъ сутки гибла, а онъ бралъ у китайцевъ другую и съ ней продѣлывалъ то же самое. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока солдатъ не стали ловить и отправлять въ комендантскую, а комендантъ, набравъ ихъ цѣлыми партіями, отправлялъ по своимъ частямъ. Я потому упомянулъ объ этихъ продѣлкахъ, что мнѣ пришлось покупать съѣстные припасы, и я ничего не могъ купить. Разъ прислали мнѣ 10 руб. на фуражъ и довольствіе, и кое какъ мнѣ удалось купить свинью на мясо солдатамъ, но они всѣ были недовольны этимъ и говорили:—„дайте намъ лучше деньги на руки, а мы ужъ сами все купимъ, какъ для лошадей, такъ и для себя". Но я, зная, что они не купятъ, а если что найдутъ у китайцевъ, то возьмутъ у нихъ насильно даромъ, а мнѣ скажутъ, что купили, въ этихъ просьбахъ отказывалъ. Когда иногда узнаешь объ этомъ и начнешь ихъ пробирать, то они говорятъ, что китаецъ не хотѣлъ брать съ нихъ денегъ и далъ имъ все это „съ благодарностью". Конечно, все это была неправда, но по разсказамъ всегда выходило именно такъ. На самомъ же дѣлѣ—идутъ въ деревню, которая поближе, розыскивать якобы японцевъ, выгоняютъ китайцевъ изъ фанзъ и берутъ все, что имъ надо, послѣ чего уходятъ. Если же китаецъ начнетъ противиться или упрекать, то его же и приколятъ, говоря, что онъ хунхузъ, шпіонъ и проч.

Вечеромъ я получилъ предписаніе отъ генерала Б. и благодарность за хорошія развѣдки и задержаніе противника. Намъ приказано было продержаться еще какъ нибудь одну ночь, такъ

какъ завтра въ 6 ч. утра арьергардъ будетъ продолжать отступленіе, и намъ велѣно отступить черезъ 3 часа послѣ ихъ выхода, т. е. въ 9 ч., и незамѣтно двигаться по большой колонной дорогѣ поближе къ желѣзнодорожному полотну.

9 Марта.—Ночь прошла благополучно, безъ большихъ тревогъ. Японскіе разъѣзды то и дѣло появлялись на горизонтѣ и разъѣзжали около деревень Ладогову и Сандогову, но на разсвѣтѣ скрылись за переваломъ. Часовъ въ 7 ушла наша рота, которая была прислана къ намъ на помощь, а часамъ къ 9 прибылъ къ намъ на смѣну 5-й эскадронъ 52 драгунскаго Нѣжинскаго полка. Они заняли наши посты, а мы поѣхали догонять свой полкъ.

Когда мы выѣхали на большую дорогу, по которой прошли почти всѣ наши арміи, то ужасно было смотрѣть на нее: на каждомъ шагу лежали дохлыя лошади, быки, ослы, мулы, которые безъ воды, безъ правильнаго ухода и отъ страшнаго изнуренія падали, какъ мухи. Мы доѣхали до станціи жел. дороги. Подожженная нашими войсками, она вся была объята пламенемъ. Тамъ мы ничего не нашли, кромѣ бобовыхъ жмыховъ. Мы взяли по одному кругу на каждую лошадь и поѣхали дальше. Проѣхавъ возлѣ полотна жел. дороги верстъ пять, сдѣлали привалъ въ дер. Элдехеза, гдѣ сварили чай и обѣдъ и накормили лошадей. Послѣ обѣда, напоивъ лошадей, стали продолжать прерванный путь. Дорога сама указывала, куда ушли наши войска, такъ какъ почти на каждой верстѣ лежала какая нибудь падаль, то лошадь, то оселъ, то мулъ, а также и рогатая скотина. По этой дорогѣ дошли мы до деревни Ченгондзя, гдѣ была расположена бивакомъ наша бригада.

10 Марта.—Утромъ, на разсвѣтѣ, мы тронулись въ походъ вмѣстѣ съ полкомъ. Спустя нѣкоторое время, намъ приказано было разставить маяки до гор. Каоляна, для указанія двигающимся вслѣдъ за нами войскамъ надлежащей дороги при ея развѣтвленіяхъ. Я разставилъ маяки и поѣхалъ къ городу, гдѣ вмѣстѣ съ капитаномъ К. выбралъ и намѣтилъ, кому какую фанзу занимать: генераламъ, полковникамъ, штабамъ и по одной фанзѣ для офицеровъ на каждый баталіонъ. Послѣ этого разбили всю мѣстность на бивачные участки. Вскорѣ стали прибывать части и занимать назначенныя имъ мѣста для бивака. Мы съ завѣдывающимъ помѣсти-

лись въ фанзѣ, а команда возлѣ полка въ кустарничкахъ. Весь день и вся ночь прошли благополучно.

11 Марта.—Сегодня у насъ дневка. Послали за кухнями, которыхъ навѣрно никто не видалъ съ 23 Февраля. Тутъ стали появляться и нѣкоторые, потерявшіеся при отступленіи офицеры, и множество нижнихъ чиновъ. Ихъ пригоняли по этапу со ст. Гунджулинъ и другихъ пунктовъ. Къ вечеру пріѣхалъ казначей выдавать жалованье, суточныя и столовыя, которыя не выдавали съ Января мѣсяца. Многіе, какъ и я, думали, что получимъ много денегъ, но наши ожиданія не оправдались: оказалось, что денегъ не было, такъ какъ денежный ящикъ корпуснаго казначейства былъ взятъ японцами при отступленіи отъ Мукдена; изъ Россіи еще не успѣли выслать, ну и выдавали поэтому на самое необходимое по немногу. Но все-таки дневка была веселая: разжились водочкой и закуской, выпивали и говорили о пережитыхъ дняхъ и о родинѣ. Одному солдату всыпали 50 розогъ за мародерство, хотя не очень сильно, а больше для примѣра другимъ. Сегодня же явился мой деньщикъ, который также пропадалъ со вьюкомъ неизвѣстно гдѣ съ 23 Февраля. Его прислали тоже по этапу, но благодаря тому, что онъ ничего не растратилъ, а еще и пріобрѣлъ, ему ничего не было: онъ привелъ одну лошадь, бѣжавшую изъ подъ Мукдена. Благодаря тому, что явился мой вьюкъ, я перемѣнилъ бѣлье, почистился и вымылся.

12 Марта.—Утромъ получили приказъ отступить на сѣверъ и, занявъ позицію, укрѣпить ее и держаться на ней до тѣхъ поръ, пока не пройдутъ части, которыя были сзади и охраняли насъ. Слуховъ теперь цѣлая тьма: одни говорятъ, что японскія силы подходятъ съ юго-востока, другіе—что непріятель уже подошелъ къ Харбину, третьи—что онъ уже занялъ Гиринъ, четвертые—что балтійская эскадра разбила японскій флотъ, а есть и такіе, которые утверждаютъ, что японцамъ нельзя уже дальше двигаться, такъ какъ русскіе все уничтожаютъ при отступленіи; вѣрнѣе же всего, что никто ничего не знаетъ.

Мы скоро собрались и отправились по назначенію. Конно-охотничья команда пошла немного на югъ, разузнала, что японцевъ нѣтъ, и, вернувшись въ полкъ, заняла сторожевое охраненіе версты на двѣ къ югу отъ полка. Разставили посты и, для связи, разъѣзды. Ночь была очень холодная, но всѣ ночевали на боевой линіи.

13 и 14 Марта.—Два дня простояли мы еще на этихъ позиціяхъ. Днемъ посылали разъѣзды къ югу, чтобы слѣдить за противникомъ. Я самъ ѣздилъ съ 30 охотниками и узналъ, что японцы находятся около угольныхъ копей, верстахъ въ 25 отъ насъ; вечеромъ, вернувшись, я доложилъ объ этомъ бригадному командиру, за что онъ поблагодарилъ меня. Ночью опять мы охраняли полкъ сторожевыми постами, но ничего не замѣтили, кромѣ идущихъ и ѣдущихъ въ нашу сторону китайцевъ со своимъ скарбомъ. Это была вѣрная примѣта, что японцы тоже надвигаются вслѣдъ за нами къ сѣверу.

15 Марта.—Съ утра очень много шло и ѣхало китайцевъ и китаянокъ съ дѣтишками, которые гнали передъ собою домашній скотъ: свиней, ословъ, муловъ и пр. Часовъ въ 9 намъ было приказано отступать на сѣверъ къ городу Мамакай. Полкъ и артиллерія скоро собрались и ушли. Черезъ 2 часа послѣ нихъ и мы снялись съ постовъ и пошли въ арьергардѣ, охраняя свои части отъ непріятеля. Такимъ образомъ, мы дошли до деревни Соупангой, гдѣ и переночевали на бивакахъ. Ночью было холодно, а къ утру пошелъ снѣжокъ, хотя и не большой, но за то насъ сильно донималъ очень холодный сѣверный вѣтеръ.

16 Марта.—Утромъ рано снялись съ бивака и стали отступать къ Мамакаю. Днемъ было солнце, снѣгъ растаялъ и стало тяжело идти, потому что образовалась скользкая и липкая грязь. Вечеромъ пришли къ Мамакаю. Тутъ было уже много войскъ другой дивизіи; они заняли мѣста для бивака съ южной стороны, а намъ пришлось еще пройти городъ и стать съ западной стороны. Къ ночи мы кое-какъ устроились. Ночевать было очень плохо: шелъ сильный снѣгъ съ вѣтромъ, морозъ крѣпчалъ, такъ что даже во дворѣ лошади не могли стоять спокойно. Мы спали въ крупорушечномъ сараѣ, гдѣ ужасно воняло бобовымъ масломъ и чеснокомъ.

17 Марта.—Утромъ снялись съ бивака и пошли къ Гунджулину, но онъ былъ еще очень далеко отъ насъ. Говорятъ, что тамъ устраиваютъ хорошія укрѣпленія, на которыхъ мы должны будемъ сразиться съ врагомъ и защитить городъ Харбинъ.

Мы перешли рѣку Худжехе; тутъ намъ приказано было остановиться и пропустить мимо себя обозы и штабы разныхъ корпусовъ, почему мы и простояли здѣсь около 4-хъ часовъ.

Мимо насъ проѣхалъ командиръ нашего корпуса со своей свитой и сотней казаковъ и конно-охотничьей командой. Раньше онъ ѣздилъ съ обозомъ, но между Мукденомъ и Телиномъ японцы отбили почти весь обозъ и онъ спасся какимъ-то чудомъ въ лазаретной линейкѣ, и послѣ этого взялъ себѣ для охраны сотню казаковъ. Подъѣхавъ къ намъ, генералъ поздоровался, потомъ подошелъ къ одному охотнику и спросилъ его: — „Сколько у тебя патроновъ?“ — „180, Ваше Высокопревосходительство!“; затѣмъ подошелъ еще къ нѣкоторымъ съ тѣмъ же вопросомъ, и тѣ отвѣтили то же, что и 1-й, а одинъ сказалъ, что у него 50 патроновъ. — „Почему такъ мало?“ — Охотникъ объяснилъ, что разстрѣлялъ ихъ по японцамъ. „Ого, значитъ молодецъ!“ — похвалилъ генералъ и отошелъ къ дорогѣ, гдѣ въ это время проходилъ обозъ Борисоглѣбскаго полка. Замѣтивъ какого-то конюха, который ѣхалъ съ вещами вродѣ санитарныхъ, онъ остановилъ его. „Ты какого полка?“ — „Борисоглѣбскаго В. В. Пр.“ — „Сколько повозокъ у насъ?“ — „3 шт. В. В. Пр.“ — „А сколько у тебя патроновъ?“ — „У меня нѣтъ патроновъ, В. В. Пр.“ — „А гдѣ же ты ихъ всѣ растерялъ?“ — „Дорогою, В. В. Пр. Все потеряно, даже винтовку и то потерялъ“. — „А за плечами у тебя какая же?“ — „Это, В. В. Пр., мнѣ другую дали“. — „Какъ же это такъ случилось? Гдѣ?“ — „Да въ тотъ самый день, когда В. В. Превосходительство съ нами двое сутокъ изъ подъ Мукдена утекали“. — „Молчать, дуракъ! не разсуждай!... Позвать завѣдывающаго обозомъ!“ — „Я здѣсь, Ваше Высоко-Пр—ство“, — высунувшись впередъ, отозвался съ толстымъ брюшкомъ штабсъ-капитанъ, повидимому притомъ немного подгулявшій. — „Вы завѣдываете обозомъ?... Я бы вамъ совѣтывалъ поступить въ роту, а то у васъ зауряд-прапорщики ротами командуютъ, а вы съ тремя повозками ѣздите! Гдѣ у васъ денежный ящикъ?“ — Штабсъ-капитанъ замялся, но ему на помощь явился тотъ же обозный конюхъ, говоря: — „Нашъ денежный ящикъ и обозъ вмѣстѣ съ вашимъ обозомъ, денежнымъ ящикомъ и вашей большой коляской японецъ отбилъ, такъ что у него все и осталось, когда вы поѣхали въ лазаретной линейкѣ“. — Тутъ ужъ всѣ присутствующіе офицеры тихонько захихикали, а корпусный генералъ не на шутку разсердился и приказалъ: — „пошлите этого дурака въ строй. Пусть тамъ его дурь вытрусятъ изъ головы!“, — и самъ сѣлъ на лошадь и

уѣхалъ дальше. Послѣ его отъѣзда всѣ долго хохотали надъ умнымъ отвѣтомъ глупаго малаго.

Вскорѣ послѣ этого мы и сами двинулись дальше и прошли еще верстъ 20, и остановились бивакомъ около дер. Сенпентунь. Солдаты разбили палатки, а мы стали во дворѣ и заняли фанзу. Ночью пошелъ снѣгъ и дождь.

18, 19 и 20 Марта.—Три дня простояли на одномъ мѣстѣ. За это время къ намъ прибыло еще нѣсколько отсталыхъ, ушедшихъ, однако, чуть не до самаго Харбина. Къ намъ ихъ доставили по этапу. У каждаго изъ нихъ было по вьюку всякаго хлама, награбленнаго у китайцевъ. Кое-что поотобрали отъ нихъ и роздали другимъ, что подходило къ одеждѣ, а остальное отдали бѣднымъ китайцамъ дер. Сенпентунь. Такъ какъ мы службы не несли, то я воспользовался свободнымъ временемъ и написалъ 5 писемъ въ Россію и послалъ 10 руб. своей крестницѣ. Въ общемъ время прошло незамѣтно и весело.

21 Марта.—Утромъ получили приказъ сняться съ бивака и вернуться назадъ за городъ Мамакай, такъ какъ японцы отстали очень далеко отъ насъ, верстъ на 60. Скоро мы собрались и пошли въ обратный путь, хотя сильно не хотѣлось этого. Сразу же появились заболѣвающіе и отсталые, т. е. слабые, которые между тѣмъ при отступленіи отъ Мукдена все время бѣжали впереди насъ на нѣсколько верстъ. Мнѣ приказали разставить по дорогѣ маяки. Я уѣхалъ, а мой завѣдывающій командой заболѣлъ волосянымъ ревматизмомъ и остался въ госпиталѣ при обозѣ 2 разряда. Когда мы дошли до гор. Мамакая, то было уже темно, и я думалъ, что здѣсь будемъ ночевать, но мы прошли еще версты 3 и только тогда остановились около деревни Сеохетунь, гдѣ и расположились на ночлегъ бивакомъ.

22 Марта.—Утромъ всѣ быстро поднялись, такъ какъ изъ-за холода ночью никто не могъ спать, да къ тому же еще и съ лошадьми было много безпокойства. Мы поставили ихъ во дворѣ, огороженномъ пучками гаоляна и къ этимъ пучкамъ привязали лошадей, но пѣхотные солдаты брали эти пучки себѣ на костры и весь его уничтожили, изъ-за чего нашимъ охотникамъ пришлось держать лошадей въ рукахъ.

Часамъ къ 10 полкъ выстроился въ походную колонну и двинулся въ путь. Никто изъ насъ не зналъ, куда мы идемъ. Оказа-

залось, что мы шли къ деревнѣ Подзелинъ, сильно разбросанной, такъ что фанза отъ фанзы стояла на 500—600 шаговъ одна отъ другой. Часамъ къ 12 мы пришли къ этой деревнѣ и распредѣлили фанзы ея по нѣсколько штукъ на каждый баталіонъ. Мы заняли одинъ дворъ съ двумя фанзами; къ намъ помѣстили и музыкантовъ. И тутъ намъ объявили, что мы будемъ стоять здѣсь на отдыхѣ нѣкоторое время.

23 Марта.—Сегодня всѣ устраивались, какъ кому было удобнѣе, мылись, купались и приводили какъ себя, такъ и лошадей и оружіе въ порядокъ.

Узнавъ, что мы на отдыхѣ, къ намъ послѣ обѣда пріѣхалъ нашъ завѣдывающій командой поручикъ О., вылѣчившійся отъ волосяного ревматизма, и полковой казначей для выдачи жалованія и суточныхъ. Я тоже получилъ много денегъ, за Февраль и за Мартъ жалованье, суточныя и дровяныя. Сегодня я получилъ 17 писемъ и очень былъ радъ, что они не пропали въ Мукденѣ. Много было въ нихъ пріятнаго, было и печальнаго немного, но всѣ они показались мнѣ очень радостными.

24 Марта.—Проспалъ я сегодня такъ, какъ ни разу не спалъ за всю кампанію: до 9 часовъ! Раздѣтымъ, на тепломъ канѣ, спалось такъ хорошо и сладко, что просыпаться просто грѣхъ было. Но проснуться всетаки было необходимо, потому что мнѣ нужно было послать домой и деньги и письма. Часа въ 2 къ намъ пріѣхали три китайскихъ мандарина, т. е. офицера, изъ нихъ одинъ подполковникъ. Они были въ гостяхъ у нашихъ офицеровъ и пригласили всѣхъ насъ къ себѣ въ деревню Чанди-опя, находящуюся недалеко отъ насъ. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ изъявили согласіе. Командиръ полка разрѣшилъ взять съ собою полковую музыку и 30 человѣкъ охотниковъ. Мы скоро собрались и поѣхали. Когда мы стали подъѣзжать къ деревнѣ, то увидали, что тамъ были развѣшаны русскіе и китайскіе флаги, а у воротъ шпалерами стояли китайскіе солдаты и нѣкоторые изъ нихъ играли на какихъ то длиннѣйшихъ трубахъ въ 2—3 арш. длины. Когда мы подъѣхали къ нимъ, они всѣ стали кланяться намъ и что то вскрикивали, потомъ ввели насъ въ какую то большую крѣпость, внутри которой стояли покоемъ три фанзы. Когда мы вошли въ фанзу, то увидали, что полы въ ней застланы циновками, а

каны коврами, а на нихъ установлены четыре маленькіе столика и на каждомъ столикѣ красовалось по бутылкѣ вонючей ханши (китайская водка) и лежали конфекты, пряники, вареныя яйца, цвѣточный хорошій чай и посуда всевозможныхъ сортовъ и формъ. Въ фанзѣ находилось нѣсколько китайскихъ офицеровъ и всѣ они намъ представились; послѣ нихъ—смотримъ, идутъ изъ другой половины фанзы женщины и тоже кланяются каждому изъ насъ: сперва берутъ подъ козырекъ, котораго у нихъ, конечно, не могло быть, а затѣмъ подаютъ руку, и такъ всѣ 7 женщинъ, послѣ чего всѣ онѣ и удалились на свою половину.

Пили мы, кто что хотѣлъ; водки пили мало, потому что хотя она была и лучшаго качества, но всетаки вонючая; чай былъ, дѣйствительно, хорошъ, сахаръ китайскій. Музыка играла на дворѣ, и много китайцевъ изъ ближайшихъ деревень пришло послушать её. Потомъ заставили мы нѣкоторыхъ солдатъ плясать и пѣть пѣсни, за что китайскій *Татаде-Капитанъ*, т. е. большой или, вѣрнѣе, старшій офицеръ, вынесъ нашимъ музыкантамъ на блюдечкѣ 10 руб. Тогда мы въ свою очередь дали 15 руб. китайскимъ солдатамъ. Послѣ этого всѣ простились и уѣхали обратно. Китайскіе офицеры провожали насъ верхами, а съ ними человѣкъ сто пѣшихъ китайскихъ солдатъ съ флагами и четырьмя іерихонскими трубами, на которыхъ играли все время. Но игра ихъ не могла никому понравиться, такъ какъ напоминала собою нестройный ревъ нѣсколькихъ ословъ. По дорогѣ намъ было нужно проѣзжать черезъ одну китайскую деревню; когда мы къ ней подъѣхали, то къ намъ выбѣжало нѣсколько плачущихъ китайцевъ, упали передъ нами на колѣни и что то говорили китайскимъ офицерамъ. Въ это же время мы увидали съ другой стороны деревни бѣгущихъ русскихъ солдатъ. Насъ это заинтересовало, и мы обратились къ переводчику за разъясненіемъ; оказалось, что наши солдаты грабили ихъ. Посланные нами охотники живо ихъ поймали и привели къ намъ. Это были солдаты Епифанскаго полка. Пока ихъ ловили, мы въѣхали въ деревню и увидали, что въ фанзѣ все было перевернуто вверхъ дномъ, а на дворѣ лежали куриныя головки и между ними даже двѣ гусиныя. Солдаты пришли въ деревню, взяли кое что изъ одежды, наловили куръ, забрали яйца, не забыли также и двухъ гусынь вмѣстѣ съ ихъ

полунасиженными яйцами. Курамъ и гусямъ моментально поотрубали головы и потащили къ себѣ, а яйца забрали въ сумку, предполагая сдѣлать изъ нихъ яичницу.

Когда мародеровъ привели къ намъ, то куры и гуси были уже на половину ощипаны, а въ одномъ разбитомъ гусиномъ яйцѣ виднѣлся на половину сформировавшійся гусенокъ. Одинъ изъ грабителей, сильно перепугавшійся, даже винтовку бросилъ, когда наши охотники ловили его. Мы сложились и хотѣли уплатить китайцамъ за ихъ убытки, но они денегъ не приняли, по всей вѣроятности китайскіе офицеры не велѣли принимать имъ.

Странно было то, что когда нѣкоторые наши офицеры побили этихъ грабителей и сказали, что они пойдутъ подъ судъ, китайцы упали на колѣни и просили простить ихъ, и даже согласились взять деньги. Намъ очень было неловко отъ всего этого, и невольно казалось, что всѣ китайцы, а въ особенности офицеры думаютъ: ну, нечего сказать, хороши русскіе солдаты! а еще христіане!

Простивъ по настоянію китайцевъ мародеровъ солдатъ и прогнавъ ихъ въ загривокъ изъ деревни, мы продолжали путь, и всѣ доѣхали до нашей стоянки, гдѣ китайскіе офицеры простились съ нами и уѣхали къ себѣ со своими солдатами.

25 Марта.—Сегодня утромъ, по случаю праздника Благовѣщенья, прибылъ на своемъ „Могучемъ“ нашъ полковой священникъ и отслужилъ обѣдню. Я также былъ у обѣдни. Послѣ обѣдни заготовили списокъ отличившихся въ бою подъ Мукденомъ и Телиномъ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ стычкахъ. Меня записали на 3 степень Георгія за 6, 7 и 8 Марта. Отличія мои въ Декабрѣ, Январѣ и Февралѣ какъ-то пропали. Правда, дѣла еще было много впереди, война не кончена, успѣю еще отличиться, но все же и обидно было. Сегодня же былъ полученъ приказъ изъ штаба корпуса, чтобы всѣ команды корпуса собрались къ 4 час. дня къ деревнѣ Лянимяу. Приказъ былъ быстро исполненъ, и мы всѣ прибыли въ эту деревню. Отсюда мы, подъ общей командой есаула С., выѣхали на развѣдки на правый флангъ, въ Монголію, на рѣку Ляохе, гдѣ, по донесеніямъ, собирается будто-бы масса хунхузовъ подъ начальствомъ японскихъ офицеровъ и намѣревается насъ обойти. Вотъ мы и должны были развѣдать эту мѣстность. Мнѣ было поручено

выступить впередъ на 5 верстъ и осмотрѣть квартиры для командъ въ большой деревнѣ Каньдіофань. Я взялъ свой разъѣздъ и поѣхалъ рысью, т. е. перемѣннымъ аллюромъ. Доѣхавъ до деревни, я выбралъ нѣсколько фанзъ и дворовъ для лошадей, но тутъ подскакалъ ординарецъ отъ С. и передалъ, что отрядъ здѣсь не будетъ ночевать, а поѣдетъ дальше. Я собралъ своихъ квартирьеровъ и мы поѣхали по указанію ординарца къ дер. Коллулай, гдѣ, выставивъ со всѣхъ сторонъ сторожевое охраненіе, переночевали.

26 Марта.—Утромъ рано сняли посты и поѣхали дальше. Мнѣ сказалъ есаулъ С., чтобы я остался въ арьергардѣ и снялъ по дорогѣ схему и записалъ названія всѣхъ ближайшихъ къ дорогѣ деревень. Я все это исполнилъ, и мы, продолжая путь въ юго-западномъ направленіи, пріѣхали въ дер. Калядзяй, гдѣ и остановились на ночлегъ. Я былъ въ арьергардномъ охраненіи. Ночь прошла благополучно, хотя никто не спалъ до самаго утра, такъ какъ мы имѣли дѣло съ хунхузами, которые во всякое время могли внезапно напасть на насъ.

27 Марта.—Утромъ я снялъ нѣкоторые посты, которые на день считалъ лишними, такъ какъ мѣстность была безъ деревьевъ, вездѣ открытая, ровная, и далеко было все видно. Къ вечеру меня смѣнила команда Тарусскаго полка; я забралъ своихъ охотниковъ и поѣхалъ къ начальнику отряда, гдѣ былъ и нашъ завѣдывающій командой. Тамъ образовался резервъ главныхъ нашихъ силъ и штабъ нашего отряднаго начальника. Нѣкоторыя команды были высланы впередъ, въ летучій разъѣздъ, для обнаруженія хунхузовъ или японцевъ. Ночью я отдыхалъ хорошо, лошади были разсѣдланы и люди спали раздѣвшись.

28 Марта.—Утромъ начальникъ отряда приказалъ смѣнить тѣ разъѣзды, которые были около рѣки Ляохе, верстъ за 15 отъ этой деревни. Бросили жребій, кому ѣхать, и онъ достался нашей командѣ. Мы должны были идти на самое опасное мѣсто, на югъ, туда, гдѣ, какъ говорятъ, хунхузы переправляются черезъ рѣку Ляохе, въ деревню Эрхотунь. Нашъ поручикъ хотѣлъ, кажется, заболѣть, да ужъ было поздно и совѣстно. Команду разбили на два полуэскадрона и онъ, какъ старшій, послалъ меня въ болѣе опасное мѣсто, говоря:—„вы кавалеристъ и хорошо знаете кавалерій-

скую службу, поѣзжайте, пожалуйста, туда, а я, тѣмъ болѣе больной, буду въ такомъ-то мѣстѣ; если что случится, я, по донесенію, немедленно же помогу вамъ",—и онъ поручилъ мнѣ отыскать то мѣсто, гдѣ хунхузы переправляются черезъ рѣку Ляохе въ Монголію. Я выѣхалъ со всѣми предосторожностями, взявъ съ собою 16 рядовъ, т. е. 32 человѣка охотниковъ. По дорогѣ я записывалъ всѣ деревни на схемѣ себѣ въ книжку, заѣзжалъ въ нихъ и спрашивалъ нѣтъ ли хунхузовъ. Пріѣхавъ въ одну деревню, я спросилъ стараго китайца:—„Ходя! Чеко шима минза пуза", т. е. товарищъ! какъ зовутъ эту деревню?—Онъ сказалъ „Пуцегову". Ходя! хунхузъ Пуцегову ю? мію? т. е., хунхузы въ Пуцегову есть? нѣтъ?—Онъ понялъ меня и отвѣтилъ: „Ю, ю; талехо талехо Эрхотунь Ченчегову тата ю, лянга байго", т. е. есть, есть, далеко далеко въ Эрхотунѣ и Ченчегову много есть, до 200 чел.". Но когда къ намъ подошли молодые китайцы, то на тотъ же вопросъ они отвѣтили—міюла, міюла т. е. нѣтъ, нѣтъ. И тотъ же старикъ при нихъ не рѣшился повторить своихъ словъ и повторялъ вслѣдъ за другими—„мію, мію".

Я повернулъ коня и поѣхалъ дальше. По дорогѣ попались еще двѣ деревни, и всѣ были Пуцегову. Встрѣчные китайцы съ любопытствомъ смотрѣли на насъ. Проѣхавъ еще около 3 верстъ, мы увидали большую китайскую крѣпость, а въ ней виднѣлось четыре фанзы. Я, думая, что это Эрхотунь, подъѣхалъ къ ней съ вѣстовымъ, чтобы спросить, какъ зовутъ эту деревню, но смотрю, ворота заперты, а черезъ высокія стѣны торчитъ много китайскихъ головъ. Я спросилъ, какъ зовутъ эту деревню, на что мнѣ отвѣтили „путунда, путунда",—и изъ за стѣнъ показалось еще болѣе китайскихъ головъ. Я спросилъ: „ходя, хунхузъ мію?"—Они что-то косо на меня посмотрѣли и говорятъ: „Мію путунда". Въ это же время я замѣтилъ изъ бойницы стволъ ружья. Пока я переговаривался, охотники ушли впередъ, и я поѣхалъ догонять ихъ; но лишь только я повернулъ къ нимъ, какъ по насъ посыпались выстрѣлы; мои охотники бросились было бѣжать, но я во время успѣлъ удержать ихъ, скомандовавъ—на право кругомъ къ кумирнѣ, маршъ! къ пѣшему строю готовсь!—Всѣ моментально спѣшились и, поставивъ лошадей за кумирней, бросились къ стѣнамъ. Въ это время стрѣльба усилилась, но вреда намъ не наносила, такъ

какъ мы стояли вплотную у стѣнъ. Тѣмъ не менѣе у насъ уже былъ одинъ раненый, его ранили въ ногу съ первыми выстрѣлами, и я оставилъ его съ лошадьми. Мы тоже открыли огонь залпами и пошла перепалка. Хунхузы осмѣлѣли и стали было показываться на стѣнахъ, но мы какъ дали залпъ, они моментально и попрятались за стѣны, и только изъ бойницъ наугадъ стрѣляютъ по насъ. Я закричалъ: бей во всю! Нѣкоторые изъ охотниковъ повидимому струсили и говорятъ, то тотъ, то другой: „я поѣду за помощью“,—а я говорю—не надо, и крикнулъ: „ребята! Взять во что-бы то ни стало крѣпость!“—Одинъ молодецъ охотникъ бросился на стѣну и увидалъ, что хунхузы за нею бѣгутъ и прячутся уже за другую стѣну. Тогда онъ прыгнулъ внутрь крѣпости и отворилъ намъ ворота, которыя были изнутри подперты бревномъ, и мы ворвались въ крѣпость. Но ко второй стѣнѣ насъ не допускали, сильно отстрѣливаясь изъ оконъ и угловыхъ бойницъ. Вдругъ видимъ, изъ одной бойницы торчитъ стволъ ружья очень необыкновенной толщины. Я бросился къ этой бойницѣ, а за мной еще два охотника, Сергѣевъ, который первымъ перепрыгнулъ черезъ стѣну, и ефрейторъ Толкачевъ, храбрые солдаты. Я подпрыгнулъ и, ухватившись за стволъ ружья, хотѣлъ выдернуть его изъ бойницы, но въ этотъ моментъ изъ него раздался выстрѣлъ и самъ стрѣлявшій убѣжалъ. Тогда Толкачевъ и Сергѣевъ подняли меня на рукахъ и я вытащилъ это гигантское ружье изъ бойницы. Въ это время съ другого угла дали по насъ нѣсколько выстрѣловъ. Меня Богъ миловалъ, но Толкачеву попали въ грудь на вылетъ. Его подобрали охотники и хотѣли было уходить, но я наскоро разсмотрѣлъ въ дверную щелку, что хунхузы куда то бѣгутъ назадъ, за фанзы, и крикнулъ своимъ охотникамъ, чтобы часть ихъ забѣжала за стѣну къ заднему выходу. Они бросились туда, а хунхузы уже выскакивали черезъ окна и выбѣгали потайными ходами, и тутъ опять поднялась съ ними горячая перестрѣлка. Я поставилъ нѣсколькихъ охотниковъ за углами, чтобы имъ можно было незамѣтно стрѣлять по бѣгущимъ, а съ остальными бросился въ середину. Тогда хунхузы уже окончательно кинулись на утекъ, кто какъ могъ: кто прыгалъ черезъ стѣны, а кто убѣгалъ черезъ потайной ходъ. Сергѣевъ подлѣзъ подъ ворота второй стѣны и открылъ намъ ихъ. Мы вбѣжали во дворъ, по угламъ котораго стояли бойницы,

и кинулись къ нимъ. Бойницы были съ подмостками и на нихъ лежало по 2 и по 3 трупа хунхузовъ. Остальные, бросивъ свое оружіе, убѣжали. Тутъ мы взяли 16 большихъ ружей, 6 шт. охотничьихъ дробовиковъ, 8 японскихъ ружей стараго образца, съ мѣдными красными пулями, и 2 ружья какой то непонятной системы; 4 очень тяжелыхъ тесака и 12 шт. шестовъ съ острыми кинжалами на концахъ, вродѣ пикъ; ящикъ пороху и много патроновъ большого калибра, 16 кожанныхъ сумокъ съ зарядными припасами, 11 патронташей вродѣ бурскихъ и во дворѣ около 80 лошадей, 14 арбъ, 18 хорошихъ муловъ, 16 шт. рогатаго скота и нѣсколько ословъ. По двору были разбросаны карты, домино, кости и прочія принадлежности для игръ; въ фанзѣ, на столахъ, нашли разставленными всевозможныя сладости и закуски и было много ханши (водки). Пока мы разсматривали кое-что, во дворѣ бывшіе по угламъ въ это время часовые закричали: ѣдутъ! ѣдутъ!—но неизвѣстно кто. Я скомандовалъ всѣмъ приготовиться, думая, что это хунхузы или японцы, такъ какъ издалека не разберешь, да и темновато становилось, было уже около 7 часовъ вечера. Но, оказалось, что это подъѣхала къ намъ конно-охотничья команда Куликовскаго полка изъ 36 чел. съ однимъ офицеромъ. Пріѣхавъ къ намъ, офицеръ объяснилъ, что онъ шелъ смѣнять разъѣздъ Кромской охотничьей команды, но, услыхавъ перестрѣлку, поспѣшилъ къ намъ на помощь. Но все уже было кончено, и мы съ нимъ стали разсматривать во дворѣ разныя вещи, какъ вдругъ опять слышимъ крики: ѣдутъ! ѣдутъ!—Мы выскочили, думая, что на этотъ разъ вернулись хунхузы, но оказалось, что это была команда, составлявшая летучій разъѣздъ Епифановскаго полка, который мы должны были смѣнить. Услыхавъ перестрѣлку, разъѣздъ самъ явился на помощь къ намъ. По дорогѣ сюда онъ видѣлъ безпорядочную конную орду, подъѣзжавшую было къ этой деревнѣ, но при видѣ его всѣ бросились на югъ къ непріятельской сторонѣ.

Посовѣтывавшись всѣ вмѣстѣ, мы рѣшили взять съ собою оружіе, пики и проч. вооруженіе, а также порохъ и другіе огнестрѣльные припасы, отбитые у хунхузовъ, запречь двѣ арбы, одну для раненыхъ, а другую для оружія, и все это, вмѣстѣ съ четырьмя плѣнными хунхузами, отправить подъ конвоемъ къ начальнику отряда въ дер. Каледзяй, а съ остальными охотниками окру-

жить деревню и утромъ обыскать ее получше. Но опасаясь быть окруженными въ свою очередь той ордой, которую видѣлъ Епифановскій разъѣздъ и которая въ любое время могла вернуться значительно усиленной, мы рѣшили на ночь отступить къ дер. Пуцегову, т. е. версты за $3^1/_2$ отсюда, и уже оттуда наблюдать за этой деревней. Мы такъ и сдѣлали, и расположились на ночь, предварительно выставивъ сторожевые посты. Ночью было видно, что у китайской крѣпости появлялись какіе то огоньки, вродѣ фонариковъ, которые двигались взадъ и впередъ. Но ночью мы не рѣшились наступать, потому что силы наши, и безъ того небольшія, еще убавились, такъ какъ нѣсколько человѣкъ пришлось отправить въ конвой съ ранеными, плѣнными и оружіемъ, да, кромѣ того, нужно было держать охрану, и мы рѣшили отложить все дѣло до утра.

29 Марта.—Утромъ, лишь только стало свѣтать, мы, всѣ три команды, собрались и поѣхали къ крѣпости, чтобы сдѣлать тамъ подробный обыскъ. Когда мы приблизились, то увидали на крѣпостной стѣнѣ стоящаго хунхуза. Замѣтивъ насъ, онъ моментально скрылся, а черезъ нѣсколько минутъ изъ-за крѣпости поскакало 6 хунхузовъ по направленію къ югу. Когда мы окружили крѣпость и вошли во дворъ, то тамъ почти ничего не нашли изъ оставленнаго нами наканунѣ. Хунхузы за ночь почти все перевезли неизвѣстно куда. Мы долго обыскивали и нашли только нѣсколько зарядныхъ сумокъ и патронташей, два свистка и въ обмазанной глиной корзинѣ порохъ и еще кое-какой хламъ. Солдаты при обыскѣ стали рыться въ разномъ мусорѣ и нечаянно подожгли одну фанзу. Мы хотѣли было потушить огонь, но побоялись, потому что кое гдѣ были маленькіе взрывы. Собравъ всю команду, мы вернулись въ дер. Пуцегову, чтобы посовѣтоваться, какъ намъ донести теперь о томъ, что мы все ночью прозѣвали и упустили изъ рукъ. Въ это время раздался сильный взрывъ, а за нимъ немедленно и еще два взрыва. Выскакивая, мы думали, что это стрѣляетъ японская батарея, незамѣтно подъѣхавшая къ намъ, когда мы отходили къ Пуцегову. Но когда мы взглянули по направленію къ крѣпости, то увидали надъ нею высокіе столбы всевозможной пыли, дыма и пламени. Повидимому былъ взорванъ пороховой погребъ. Пожаръ, начавшійся при нашемъ отъѣздѣ, распространился по крѣпости и дошелъ до пороховаго погреба. Узнавъ причину взрыва,

мы хотѣли вернуться въ фанзы, но въ это время замѣтили несущуюся къ намъ съ сѣвера какую то кавалерію, около сотни. Мы было скомандовали въ ружье и занять мѣста для встрѣчи непріятеля, предполагая, что это объѣхалъ насъ противникъ и появился у насъ съ тыла. Но когда кавалерія приблизилась, то мы увидали, что это летятъ къ намъ наши, и дѣйствительно, оказалось, что это прибылъ нашъ начальникъ отряда со своей сотней. По пріѣздѣ его. мы опять поѣхали къ крѣпости осмотрѣть, что тамъ случилось. Оказалось, что подъ одной фанзой былъ пороховой погребъ, который своимъ взрывомъ уничтожилъ ее до основанія и даже задѣлъ половину и другой фанзы, сбивъ все на сторону. Начальнѣкъ отряда приказалъ закопать трупы убитыхъ хунхузовъ и очень жалѣлъ, что нѣтъ ни одного плѣннаго, такъ какъ тѣ 4 хунхуза, которыхъ мы отправили къ нему ночью, по дорогѣ хотѣли совершить побѣгъ и бросились съ моста въ воду. Въ нихъ конечно посыпались выстрѣлы, а такъ какъ они были связаны между собою косами, то стали тонуть, и всѣ потонули. Оружіе доставили въ цѣлости, а изъ 14 лошадей двухъ самыхъ лучшихъ упустили. Начальникъ отряда благодарилъ меня за распорядительность и храбрость и велѣлъ ѣхать въ дер. Эрхотунь, чтобы выслѣдить, нѣтъ ли и тамъ такой же шайки хунхузовъ или какихъ нибудь японскихъ разъѣздовъ. Я немедленно собралъ своихъ охотниковъ, которыхъ осталось у меня 18 человѣкъ, и отправился въ путь. Къ дер. Эрхотунь мы прибыли поздно ночью; было очень темно, вступать въ деревню, не развѣдавши ее, было опасно, почему я и расположился на полѣ, въ лощинѣ, и всю ночь мы наблюдали за деревней, охранивъ себя постами и держа лошадей въ рукахъ; но все обошлось благополучно.

30 Марта.—Утромъ я послалъ два разъѣзда осмотрѣть деревни, которыя были недалеко отъ насъ, и только по возвращеніи разъѣздовъ мы, по всѣмъ правиламъ, въѣхали въ деревню Эрхотунь. Тутъ мы отыскали бродъ черезъ рѣку Ляохе, которымъ обыкновенно переправляются въ Монголію. Хунхузовъ и японцевъ не было видно, а большая часть китайцевъ, опасаясь наступленія, перебралась со своими семействами въ Монголію. Для ночлега я, изъ осторожности, опять выбралъ мѣсто въ полѣ и вечеромъ незамѣтно выѣхалъ изъ деревни.

31 Марта.—Утромъ я послалъ донесеніе начальнику отряда обо всемъ, что я могъ разузнать и что только китайцы переправляются черезъ рѣку Ляохе въ Монголію, но ни хунхузовъ, ни японцевъ не видно. Съ донесеніемъ я послалъ трехъ охотниковъ, такъ какъ мѣстность была опасная и втроемъ ѣхать было надежнѣе, чѣмъ одному. Со мною осталось 15 человѣкъ. На ночь я выбралъ новое мѣсто стоянки, немного подальше, чтобы китайцы не замѣтили насъ и не донесли японцамъ или хунхузамъ, что всегда можно было ожидать отъ нихъ. Ночь прошла хорошо, но мною приняты были всѣ мѣры предосторожности; курить свободно нельзя было, а пищу варили днемъ въ деревнѣ, въ фанзахъ.

1 Апрѣля.—Сегодня утромъ прибыли обратно мои молодцы, которыхъ я посылалъ съ донесеніемъ. Они привезли мнѣ приказъ вернуться назадъ къ отряду. Я собралъ охотниковъ и благополучно вернулся къ своей старой деревнѣ, гдѣ находился начальникъ отряда со своимъ штабомъ. По прибытіи туда я удостоился массы благодарностей отъ начальника отряда и другихъ офицеровъ и мнѣ былъ обѣщанъ крестъ 2-й степени.

2 Апрѣля.—Утромъ получили приказъ вернуться по своимъ полкамъ, такъ какъ наше мѣсто займетъ 51 драгунскій Черниговскій полкъ, и мы часовъ въ 7 уѣхали назадъ. По дорогѣ произошелъ такой случай. Я, взявъ съ собою 12 человѣкъ охотниковъ, поѣхалъ съ ними въ головномъ разъѣздѣ, и ѣхалъ въ разстояніи одной версты отъ всего отряда. Выѣхавъ изъ одной деревни, мы замѣтили, что въ сторонѣ, на бугоркѣ, стоятъ чьи то лошади и казаки и офицеръ-топографъ снимаетъ карту мѣстности. Когда они насъ замѣтили, то, принявъ насъ за японскій разъѣздъ, скорѣй сѣли на лошадей и моментально скрылись. Мы, въ свою очередь, признавъ ихъ за скрывающихся японцевъ, бросились вслѣдъ за ними въ погоню. Но когда доѣхали до того мѣста, гдѣ они снимали карту, то по оставленнымъ ими вещамъ узнали, что это были дѣйствительно наши казаки съ топографомъ, и вернулись на свою дорогу, а черезъ нѣкоторое время и топографъ съ казаками появились продолжать свое дѣло, узнавъ въ насъ русскій разъѣздъ. Когда же мы проѣхали еще верстъ 6, то услыхали уже, что гдѣ то кричатъ „Здравія желаемъ Ваше Высокопревосходительство“, и затѣмъ этотъ крикъ повторился, но гдѣ кричали—намъ изъ-за бугорка

не было видно. Выскочивъ изъ-за него, я увидѣлъ, что наши войска занимаютъ новыя позиціи, и командующій 2-й арміей генералъ К. объѣзжаетъ ихъ въ сопровожденіи своей свиты. Я тогда со своимъ разъѣздомъ пріостановился и, дождавшись отряда, присоединился къ своей командѣ, гдѣ передалъ поручику О., что близко находится командующій 2-й арміей. Тогда мы оправились, подтянулись и молодцовато прошли мимо генерала, какъ разъ стоявшаго у насъ на пути. Онъ поздоровался съ нами, похвалилъ за бравый видъ и за уничтоженіе хунхузовъ. Онъ уже зналъ, какъ была разбита эта шайка, и пожалъ руку поручику О. и мнѣ. Послѣ этого мы проѣхали дальше къ дер. Кандіофань и здѣсь сдѣлали привалъ, во время котораго сварили себѣ обѣдъ изъ курицъ, купивъ ихъ дорогою по 25 к. за штуку; пришлось по одной курицѣ на каждые два охотника. Послѣ трехчасоваго отдыха мы поѣхали дальше, въ штабъ 6 сибирскаго корпуса, куда и прибыли часовъ въ 8 вечера и помѣстились при полку въ нашей старой фанзѣ.

3 Апрѣля.—Утромъ меня позвали къ командиру полка, чтобы я лично объяснилъ ему, какъ я взялъ крѣпость хунхузовъ. Я все подробно объяснилъ, и онъ очень благодарилъ меня и сказалъ: „большая вамъ благодарность за 12 лошадей, которыя присланы вами, а также и за двѣ арбы; у насъ въ обозѣ много не хватаетъ лошадей и повозокъ, и это какъ съ неба свалилось. Теперь вы получите 2-ю степень Георгія; 3-я уже въ приказѣ отдана, да не рискуйте очень своею жизнью, а то Богъ знаетъ, что можетъ быть; могли вѣдь и васъ такъ же ранить или убить, какъ Толкачева".— Тогда я доложилъ ему, что меня хотятъ взять въ Монголію для тайной развѣдки на нѣсколько дней по приказанію корпуснаго командира. Предполагалось ѣхать съ подъесауломъ Г., который пожелалъ меня взять съ собою, какъ опытнаго развѣдчика, да кромѣ того, я былъ уже тамъ и знаю, гдѣ есть переправа черезъ рѣку Ляохе. Командиръ полка сказалъ, что мы завтра идемъ на передовую линію въ Сипингай и онъ меня не пуститъ, такъ какъ намъ самимъ нужно будетъ дѣлать развѣдки и вылазки, и написалъ записку генералу Б., чтобы меня не брали изъ полка. Послѣ этого я простился съ полковникомъ и написалъ реляцію отличившихся девяти человѣкъ. О себѣ упомянуть тоже не забылъ и подалъ списки черезъ есаула С. въ штабъ корпуса.

4 Апрѣля.—Утромъ было приказано нашей бригадѣ выступить въ 8 часовъ въ мѣстечко Сипингай, чтобы смѣнить тамъ первую стрѣлковую бригаду и занять ихъ позиціи.

Мы двинулись въ путь, а нашей конно-охотничьей командѣ было приказано выйти на 2 версты впередъ, въ авангардномъ порядкѣ, и на пересѣченіяхъ дорогъ оставлять маяки для указанія направленія, куда прошли впереди идущія войска.

Мы пошли дорогой, которая была хотя и дальше, но хорошая, а генералъ повелъ свою бригаду ближайшей. Пѣхота, обозы и кухни пошли вслѣдъ за нами. Часовъ въ 12 полилъ такой дождь, что черезъ 10 минутъ насилу вытаскивали ноги изъ грязи. Такимъ образомъ дошли до рѣки Шахедза и съ большимъ трудомъ переправились черезъ нее, такъ какъ вода послѣ дождя очень быстро прибывала и берега были такіе топкіе, что нѣкоторыя лошади попадали и завязли въ грязи, такъ что пришлось вытаскивать ихъ веревками. Артиллерія и обозы сдѣлали большой кругъ, чтобы переправиться черезъ мостъ. Такъ мы прошли Сипингай и остановились въ дер. Шооншоузо, гдѣ и смѣнили 19-й и 20-й стрѣлковые полки.

5 Апрѣля.—Съ утра лилъ дождь. Насъ послали въ разъѣзды по передовой линіи. Я ѣздилъ осмотрѣть впереди лежащую мѣстность и обратилъ вниманіе на то, что между нашимъ правымъ флангомъ и стрѣлковымъ лѣвымъ имѣется пустое пространство, никѣмъ не занятое. По возвращеніи, я доложилъ объ этомъ генералу Б., и тотъ приказалъ занять это мѣсто нашей командѣ.

Пока я ѣздилъ по позиціи и возвратился обратно, поручикъ О. успѣлъ уже заболѣть, и занимать опасный постъ съ командой пришлось мнѣ одному.

Былъ уже вечеръ и стало совершенно темно, почему я не успѣлъ разставить посты, и всю ночь пришлось разъѣзжать взадъ и впередъ, дѣлая разъѣзды то до нашего праваго фланга, то до стрѣлковаго лѣваго. Я раздѣлилъ команду на 4 разъѣзда и разъѣздъ за разъѣздомъ сновалъ взадъ и впередъ, чтобы какъ нибудь не пропустить непріятеля.

6, 7 и 8 Апрѣля.—Утромъ я занялъ пустое пространство между флангами дугообразной линіей сторожевыхъ охраненій на разстояніи пяти верстъ. Сдѣлалъ 3 заставы и отъ каждой заставы выставилъ посты. Ночью для связи высылалъ разъѣзды, а днемъ

на крышахъ фанзъ ставилъ часовыхъ для наблюденія за деревнями, занимаемыми нашими заставами и называвшимися однимъ именемъ Шоон-шоудзо. Такимъ образомъ, мы простояли тутъ до 9 Апрѣля безъ всякихъ приключеній. Японцы не показывались, и лишь изрѣдка бродили вокругъ мародеры разныхъ частей войскъ, стоявшихъ позади насъ въ резервѣ.

9 Апрѣля.—Сегодня, часовъ въ 11 дня, ко мнѣ прибѣгаютъ три китайца, падаютъ на колѣни и говорятъ:—„Салдуза чушка кантрами, тоу тоуза карапчи, пилюля давайла лянго ма лая, капитанъ Шанго!“ т. е., солдаты свинью убили, картошки украли, подзатыльниковъ надавали, на двухъ лошадяхъ прибыли, начальникъ хорошій!—и просили меня заступиться за нихъ. Я сѣлъ на коня и съ тремя охотниками поѣхалъ съ ними въ ихъ деревню Сей-тан-га, находящуюся сзади отъ насъ въ $1^1/_2$ верстахъ.

По дорогѣ мы увидали двухъ нагруженныхъ мѣшками лошадей и идущихъ рядомъ съ ними четырехъ солдатъ. Когда ихъ задержали, я осмотрѣль мѣшки и въ нихъ оказались три убитыхъ поросенка, двѣ курицы, мѣшокъ чумизы и мѣшокъ картошки. Они сказали, что все это они купили у китайцевъ, а китайцы твердятъ одно и то же: „карапчи пилюли давайла“, т. е. украли и били. Но, кромѣ этого, китаецъ указывалъ еще на свой халатъ и на солдатъ, говоря „карапчи, карапчи“.... Я осмотрѣлъ остальные мѣшки съ чумизой и нашелъ въ нихъ два халата, штаны и платокъ. Вытащивъ ихъ изъ мѣшка, я спросилъ солдатъ:—„А это зачѣмъ? Тоже кашу варить?“ — „Никакъ нѣтъ, это китайцы намъ такъ дали, а мы продадимъ китайцамъ же въ другомъ мѣстѣ, потому что деньги на Пасху намъ нужны, вотъ они и подарили“....—„Врешь, говорю,—они тогда не пришли бы ко мнѣ жаловаться“.—Тогда одинъ изъ нихъ началъ было объяснять:—„насъ батарейный командиръ послалъ для праздника приготовить“.... Но его перебилъ другой: — „нечего путать командира, вѣдь мы ушли тайкомъ, онъ ничего не знаетъ. Мы лучше уплотимъ сколько стоитъ“.—„Ну, говорю, платите!“ — Китайцы утверждаютъ, что все это стоитъ 20 рублей, а у солдатъ было всего 15 руб., тогда я взялъ эти 15 руб. и отдалъ китайцамъ въ уплату за свиней, а картошку, чумизу и халаты возвратилъ имъ обратно и солдатъ отпустилъ; это были солдаты 10 артиллерійской бригады

5 батареи. Доносить на нихъ я не сталъ и поѣхалъ въ свою деревню. По дорогѣ смотрю, въ сосѣднюю деревню пріѣхали солдаты на 2-хъ парныхъ подводахъ и 30 лошадяхъ верхомъ и забираютъ чумизу, гаолянъ, горохъ, словомъ все, что ни попадало подъ руку. Но оказалось, что когда они все, что надо было, забрали, то китайцу дали на подпись готовый счетъ на 68 рублей; китаецъ, ничего не понимая, подписалъ, а они ему вмѣсто 68 р. дали 3 руб. и уѣхали. Тогда китайцы подбѣжали ко мнѣ, плачутъ, кланяются и, показывая на солдатъ, объясняютъ въ чемъ дѣло. Я ихъ остановилъ и потребовалъ объясненія. Но старшій фейерверкеръ С. заявляетъ, что онъ уплатилъ сполна 68 рублей, китаецъ же говоритъ, что получилъ только 3 рубля. Тогда я собралъ 5 человѣкъ китайцевъ и давъ имъ 6-ть человѣкъ охотниковъ въ конвойные, всѣхъ послалъ къ батарейному командиру, куда они должны были вести фуражъ. Видя, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, мародеры стали просить прощенья и у меня, и у китайцевъ и уплатили имъ недоданныя 65 руб.

Это была только одна изъ многихъ мошенническихъ продѣлокъ нашихъ солдатъ, но, къ сожалѣнію, не всѣ они ловились подобнымъ образомъ.

Ночь прошла благополучно безъ всякихъ тревогъ, а китайцы, въ благодарность за оказанную имъ помощь, прислали моимъ охотникамъ куръ и яицъ.

10 Апрѣля.—Часовъ въ 12 дня ко мнѣ прибѣжали китайцы и кричатъ: — „капитанъ Шанго! Салдаза пушанго карапчи!“ И одинъ изъ нихъ показалъ мнѣ свою избитую физіономію съ размазаной по ней кровью. Всѣ они пальцами указывали на южную сторону. Изъ китайскихъ словъ я понялъ, что солдаты ихъ ограбили и избили, но, судя по указанію на югъ, я подумалъ, что это сдѣлали японцы, и живо приказалъ моимъ охотникамъ быть готовыми а самъ сталъ смотрѣть въ ту сторону въ бинокль и увидѣлъ, что идутъ девять русскихъ солдатъ и прямо на нашу деревню. Всѣ несутъ что то за плечами. Когда они замѣтили, что мы стоимъ возлѣ деревни и ждемъ ихъ, то стали расходиться въ разныя стороны и хотѣли убѣжать, но я приказалъ своимъ охотникамъ догнать ихъ и привести на заставу ко мнѣ, что и было немедленно исполнено. Когда ихъ привели, то у нихъ въ мѣш-

кахъ оказалось: у одного—зарѣзанныя курицы, у другого—5 утокъ, изъ которыхъ двѣ уже задохлись, у другихъ—яйца и разный хламъ: халаты, платки и пр., а у остальныхъ свиное не опаленое еще мясо. Они убили свинью и раздѣлили ее на 4 части, а одинъ несъ еще большой горшекъ бобоваго масла. Видя, что дѣло плохо, они согласились уплатить китайцамъ и стали собирать деньги, но набралось у нихъ всего 7 рублей. Этихъ денегъ было мало, и я, передавъ деньги моимъ 12 охотникамъ, приказалъ имъ доставить при запискѣ мародеровъ и жалобщиковъ китайцевъ къ генералу Б. Мародеры принадлежали Люблинскому полку.

Приказаніе мое было исполнено въ точности и охотники привезли мнѣ отъ генерала Б. записку, въ которой онъ благодарилъ меня за оказаніе помощи бѣднымъ китайцамъ и за поддержаніе порядка въ моемъ раіонѣ.

11 Апрѣля.—Утромъ рано, едва только разсвѣтало, я услышалъ гдѣ-то три одиночныхъ выстрѣла, затѣмъ еще два, и тогда понялъ, что они раздавались изъ деревни, находящейся на югъ отъ насъ. Не разобравъ еще, чьи это выстрѣлы, я подумалъ, что вѣроятно японцы подобрались къ намъ. Я скомандовалъ „по конямъ садись“ и самъ, сѣвъ на коня, поскакалъ съ охотниками по полю оврагомъ къ деревнѣ. Только что стали мы подъѣзжать къ ней, какъ раздались еще три выстрѣла, и теперь я уже по звуку узналъ, что это стрѣляютъ русскіе. Подъѣхавъ ближе, мы увидали, что четыре солдата бѣгаютъ за свиньей и стрѣляютъ въ нее изъ винтовокъ. Свинья визжитъ и кувыркается, такъ какъ она была уже ранена и одна нога перебита. Я закричалъ на нихъ:—„Что вы дѣлаете? Брось, не смѣй стрѣлять!“ И хотя они и неохотно послушались меня, но видя, что со мной была команда охотниковъ, покорились и прекратили охоту за свиньею. Ко мнѣ прибѣжали китайцы, старухи и дѣти и, плача, крича и кланяясь, повели меня во дворъ, гдѣ я увидѣлъ двухъ небольшихъ убитыхъ свиней и трехъ зарѣзанныхъ куръ. Я спросилъ мародеровъ, какого они полка, и оказалось, что это люди пѣшей охотничьей команды 34 пѣхот. Минскаго полка. Я спросилъ ихъ, для чего они такъ сдѣлали, и куда ходили, что оказались тутъ. Они отвѣтили, что ихъ послалъ прапорщикъ Г. приготовить чего-нибудь къ празднику Св.

Пасхи. Но я уже зналъ, что они всѣ такъ говорятъ и лгутъ, ссылаясь на своихъ начальниковъ. А потому, написавъ донесеніе генералу Б., я отправилъ подъ конвоемъ и мародеровъ и жалобщиковъ китайцевъ, вмѣстѣ съ убитыми свиньями и зарѣзанными курами, къ бригадному командиру.

Куръ и свиней положили на арбу, мародеровъ поставили за нею, а конвой расположился съ боковъ и сзади и, такимъ образомъ, всѣ двинулись въ путь. Бригадный командиръ отправилъ мародеровъ подъ конвоемъ въ полкъ, а свиней и куръ приказалъ завѣдывающему кухней принять по вѣсу мяса по 5 руб. за пудъ.

По возвращеніи ко мнѣ охотниковъ, къ намъ пришла на смѣну пѣшая охотничья команда и одна рота 164 Закатальскаго полка, который сегодня ночью смѣнилъ нашъ полкъ на позиціи. Намъ приказано было смѣниться завтра, т. е. 12 Апрѣля.

12 Апрѣля.—Утромъ, къ 8 часамъ, я собралъ всю команду въ занятой мною деревнѣ для того, чтобы отправиться къ полку въ резервъ, къ городу Мамакай. Китайцы, узнавъ, что мы уѣзжаемъ, сильно жалѣли о насъ.

Въ 9 часовъ мы оставили свою сторожевую службу у Шооштоудза и тронулись въ путь. Пройдя полдороги, мы сдѣлали привалъ. Вечеромъ, часовъ въ 8, мы прибыли на старое мѣсто, но полка уже не застали: онъ перешелъ на новую стоянку, въ деревню, отстоящую верстъ на 5 къ сѣверу отъ этого мѣста. Мы повернули влѣво и благополучно прибыли въ полкъ, гдѣ и расположились въ двухъ небольшихъ дворахъ; сами мы заняли двѣ фанзы, въ которыхъ удобно помѣстились и, раздѣвшись, легли спать.

13 Апрѣля.—Утромъ, послѣ уборки лошадей, мы поѣхали въ обозъ I разряда за фуражемъ, но тамъ его не оказалось. Тогда я послалъ 20 человѣкъ при ст. унтеръ-офицерѣ купить фуражъ, а остальнымъ приказалъ получше устроить дворъ для лошадей и поставить ихъ по порядку, какъ должно быть по кавалерійски, что и было прекрасно исполнено.

14 Апрѣля.—Сегодня у насъ исповѣдывались тѣ, кто не успѣлъ раньше, а потому и наша конно-охотничья команда тоже была у исповѣди. Нашъ полковой священникъ служилъ въ 10 артиллерійской бригадѣ, гдѣ тоже многіе исповѣдывались. На исповѣдь мы ѣздили верхами, такъ какъ туда было верстъ 7.

Послѣ исповѣди мы съ поручикомъ О. и завѣдывающимъ обозомъ I разряда поручикомъ К. ѣздили закупать фуражъ, причемъ захватили съ собою охотниковъ и обозныхъ. Фуража купилъ много и очень дешево: гаоляновое зерно по 60 коп. за пудъ, а чумизная солома по 1 к. за снопъ; по справочной же цѣнѣ гаоляновое зерно стоитъ 1 р. 20 к. за пудъ и чумизная солома по 5 руб. за сотню сноповъ.

15 Апрѣля.—Съ утра мнѣ приказано было взять 30 чел. охотниковъ верхомъ и вмѣстѣ съ поручикомъ К. поѣхать по деревнямъ, забрать купленный вчера и еще не забранный фуражъ, и прикупить еще на нѣсколько дней, потому что по близости купить будетъ не у кого, такъ какъ всѣ деревни около дороги были уже объѣдены. Да, кстати, приближалась Пасха, и надо было устроить такъ, что-бы въ первые дни намъ не пришлось покупать фуража. Вечеромъ я получилъ жалованье за Апрѣль и двѣ посылки изъ Москвы отъ сестеръ, чему я былъ очень радъ, такъ какъ теперь было чѣмъ разговѣться и разговѣться россійскимъ кусочкомъ, присланнымъ изъ родной семьи изъ рукъ дорогихъ сестеръ. Все это наводило меня невольно на мысль, почему это я такъ далеко отъ родной семьи и нѣтъ мнѣ возможности разговѣться въ домашнемъ кругу моихъ родныхъ. . . Въ одной посылкѣ были присланы: водка, закуска, конфекты и много русскихъ папиросъ, а въ другой—были бѣлые кителя, три пары новыхъ погонъ, портупея, темлякъ, кушакъ, фуражка, иконочка Иверской Божіей Матери и часы, которые мнѣ были очень нужны; въ эту же посылку было вложено и письмо, и развернувши все присланное мнѣ, я далеко-далеко унесся мечтами въ тотъ далекій край, откуда пришли мнѣ эти вещи, къ тѣмъ лицамъ, которыя любили меня, покупали и упаковывали все присланное мнѣ на далекій театръ войны.

17 Апрѣля.—Сегодня съ утра весь полкъ началъ готовиться къ завтрашнему великому и радостному дню Свѣтлаго Христова Воскресенія. Хотя и не чѣмъ было его хорошо отпраздновать, но всетаки каждый стремился, насколько возможно, торжественнѣй встрѣтить этотъ праздникъ всѣхъ праздниковъ. Но, какъ на грѣхъ, получился очень насъ опечалившій приказъ: намъ приказали перейти въ другую деревню, а наше мѣсто уступить 220 Епифановскому полку. Всѣ неохотно стали собираться, потому что здѣсь всѣ

уже прибрались и все уже было готово для встрѣчи праздника, а въ другой деревнѣ нужно было все наново устраивать. Но дѣлать было нечего, и мы перешли въ назначенную намъ деревню. Въ ней было всего 4 фанзы, которыя и заняли наши начальники, а намъ пришлось помѣститься въ палаткахъ. Я расположился во дворѣ вмѣстѣ съ охотниками. Тамъ былъ полу-развалившiйся сарайчикъ, въ которомъ я отгородилъ палаткой уголъ для себя и устроилъ изъ камня, которымъ китайцы выжимаютъ бобовое масло, столикъ и на немъ установилъ, покрывъ его предварительно циновкой и палаткой, все присланное мнѣ изъ Москвы угощенье, а самое главное бутылочку монопольки съ бѣлой головкой и 3 штуки яицъ, которыя были даны на охотничью команду китайцами. Спасибо, что они дали намъ яицъ, а то къ Пасхѣ яйца продавались по 8 руб. сотня, такъ что въ полку солдатамъ досталось по одному яйцу на каждые три человѣка, а у насъ на каждаго охотника по два яйца. Жаль только, что не было бѣлаго хлѣба взамѣнъ кулича. Приготовивъ все, что было возможно, я растянулся, да на новосельѣ такъ крѣпко заснулъ, что чуть было не проспалъ всю заутреню, и засталъ только конецъ ея, такъ что едва успѣлъ похристосоваться со священникомъ. По окончанiи богослуженiя командиръ полка пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и прапорщиковъ разговѣться. Мы всѣ собрались, похристосовались, выпили, закусили, а въ это время полковая музыка играла туши, марши, попури и др. веселыя пьесы, чтобы, насколько возможно, развеселить собравшееся общество. Но многихъ она не могла развеселить, такъ какъ, несмотря на веселую музыку, въ голову лѣзли не веселыя мысли, а наоборотъ—грустныя вспоминанiя. Почти каждый думалъ:—эхъ, война, война! Зачѣмъ ты насъ держишь въ этой дальней Маньчжурiи! Такъ ли бы справлялся нами этотъ великiй праздникъ въ Россiи, въ кругу родныхъ, въ кругу друзей! А здѣсь. . . Да и тамъ, дома, у многихъ невесело: у многихъ отняты мужья, отцы, братья, о которыхъ теперь еще больше нашего скучаютъ а, можетъ быть, и плачутъ, глядя на незанятое мѣсто у пасхальнаго стола, не зная, живъ ли тотъ, кто долженъ его занимать; можетъ быть онъ уже убитъ, или, весь израненный, стонами встрѣчаетъ и провожаетъ этотъ великiй день, или еще хуже, изувѣченный и искалѣченный не въ силахъ даже и стонать и лежитъ живымъ мертвецомъ, не сознавая тор-

жества наступающаго дня. Съ такими тяжелыми мыслями въ душѣ, всѣ вскорѣ простились съ нашимъ добрымъ командиромъ и разошлись по своимъ палаткамъ.

17 Апрѣля.—Вернувшись въ мой сарайчикъ, я пригласилъ къ себѣ своего завѣдывающаго поручика О. и, похристосовавшись съ охотниками и поздравивъ ихъ съ праздникомъ, усѣлся съ нимъ за импровизированный столикъ; еще выпили и закусили, поболтали кое о чемъ, и онъ ушелъ къ себѣ, а я легъ спать. Но не спалось мнѣ, въ голову лѣзли неотвязныя мысли.

Немного погодя мнѣ принесли письмо съ дорогой родины отъ сестеръ и 9-лѣтней племянницы, сиротки, воспитывавшейся раньше у меня. Они поздравляли меня съ праздникомъ, звали на праздникъ къ себѣ, и очень жалѣли, что меня нѣтъ съ ними, а гдѣ-то далеко, на Дальнемъ востокѣ, проливаю кровь за отчизну! Я прочелъ это письмо и невольно слезы затуманили глаза, сердце мучительно сжалось и мнѣ безотчетно хотѣлось рыдать и хоть этимъ облегчить свою грусть и тоску, но вспомнивъ почему-то слова пѣсни—„. . . пей, тоска пройдетъ!“ —я пододвинулся къ столику и, какъ и многіе, быть можетъ, въ моемъ положеніи, сталъ выпивать и закусывать, чтобѣ поскорѣе отуманить голову. . . . Но не успѣлъ я еще и выпить, какъ ко мнѣ на помощь пришли мои товарищи, два заурядъ-прапорщика, въ гости; компанія собралась веселая, и я было развеселился, да не на долго. Гляжу, входитъ поручикъ О. и говоритъ: „—А вы знаете новость?“—„Какую?„. „А вотъ какую!“—и показываетъ мнѣ приказъ, въ которомъ говорится, что утромъ, 18 Апрѣля, мы должны въ полномъ составѣ выступить въ отрядъ генерала М., для несенія передовой развѣдочной службы, со всѣмъ имуществомъ и вьючными лошадьми. Вотъ такъ клюква! Вотъ такъ отдохнули и провели весело праздничекъ! Но дѣлать нечего, нужно было распорядиться, что-бы къ утру все было готово. Мы собрали охотниковъ, объявили имъ о полученномъ приказѣ, о его содержаніи и приказали, что-бы все было въ полной исправности. Завѣдывающимъ нашей командой было выдано всѣмъ жалованье. Къ вечеру собраны были всѣ охотники, находившіеся для ординарческой службы при штабахъ корпуса и дивизіи, такъ что въ общемъ составилась команда изъ 100 человѣкъ.

18 Апрѣля.—Утромъ, передъ выѣздомъ въ походъ, я хотѣлъ

сдать свои деньги казначею, но его не оказалось, и я сдалъ ихъ въ количествѣ 270 руб. завѣдывающему обозомъ I разряда капитану Г. и просилъ его, если меня убьютъ, то отправить ихъ моей сестрѣ П. въ Москву. Пока я хлопоталъ съ деньгами, лошади были напоены и накормлены и мы, напившись сами чаю и позавтракавъ, были уже совершенно готовы къ походу.

Я скомандовалъ сѣдлать лошадей и, когда лошади были осѣдланы, вся команда выстроилась въ эскадронную шеренгу съ права на лѣво, и я пошелъ доложить завѣдывающему, что все готово. Тутъ же подошелъ къ намъ и командиръ полка, поздоровался и пожелалъ счастливаго успѣха въ развѣдочной службѣ и счастливаго пути. Въ 8 часовъ мы тронулись въ путь.

Сильный вѣтеръ дулъ прямо въ лицо и не давалъ свободно сидѣть въ сѣдлѣ. Такъ мы дошли до Сипингоя, гдѣ сдѣлали привалъ, отдохнули, выкормили лошадей и, напившись чаю, въ 3 часа пошли дальше въ дер. Соонъ-Соудзе. Тамъ мы ночевали, но не раздѣваясь, и даже едва-ли кто спалъ, потому что было близко отъ непріятельской позиціи и къ тому же мы не знали, гдѣ именно онъ можетъ находиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ ночь была темная и мѣстность для насъ совершенно не знакомая. Ночевали со всѣми предосторожностями: вокругъ всей деревни были разставлены посты, которые зорко наблюдали, чтобы японцы не напали на насъ врасплохъ. Въ такомъ напряженномъ состояніи мы провели всю ночь.

19 Апрѣля.—На разсвѣтѣ мы разсѣдлали лошадей, что-бы дать имъ возможность отдохнуть и полежать безъ сѣделъ. Ночью было опасно разсѣдлывать, такъ какъ, въ случаѣ какой нибудь тревоги, въ темнотѣ легко могла произойти суматоха и паника, не то что при дневномъ свѣтѣ: осѣдлать можно въ одинъ моментъ. Напившись чаю и позавтракавъ, мы въ 9 часовъ собрались въ путь и поѣхали въ гор. Чулешу, гдѣ должны были присоединиться къ отряду генерала Т. Въ Чулешу мы прибыли къ 4 часамъ дня. Генералъ вышелъ къ намъ, похристосовался и, пожелавъ намъ успѣха въ сторожевой службѣ, приказалъ переночевать въ городѣ а завтра ѣхать въ деревню Эршелемпу, гдѣ мы должны будемъ поступить подъ начальство подполковника К. 10-го Оренбургскаго казачьяго полка и нести сторожевую и развѣдочную службу. На ночь мы помѣстились во дворѣ, гдѣ стояла конвойная сотня генерала Т. Я, пору-

чикъ О. и вольноопредѣляющійся Д. расположились втроемъ въ маленькой фанзѣ и переночевали благополучно, а я за китайской свѣчкой даже написалъ два письма въ отвѣтъ на полученныя мною 17 Апрѣля, и легъ спать не раздѣваясь, при полной боевой амуниціи. Солдаты спали при лошадяхъ, подъ охраной часовыхъ и дневальныхъ.

20 Апрѣля.—Утромъ, часовъ въ 8, мы выѣхали съ проводникомъ казакомъ въ деревню Эршелемпу. Казакъ велъ насъ разными оврагами и лощинами, чтобы незамѣтно пройти отъ внимательныхъ наблюденій японцевъ. Такъ мы дошли до главной заставы, гдѣ находился подполковникъ К., и явились къ нему. Онъ приказалъ намъ сегодня отдохнуть, а завтра занять сторожевую линію и приняться за развѣдочную службу у деревни Эршелемпу. Мы помѣстились въ одной фанзѣ съ начальникомъ отряда подполк. К. Къ вечеру пріѣхали къ нему 5 казачьихъ офицеровъ, которые занимали сторожевые посты и дѣлали развѣдки.

Начальникъ позвалъ ихъ къ себѣ и объявилъ, что завтра нужно сдѣлать набѣгъ на японскую заставу у деревни Дальній Эршелемпу. Этихъ деревень подъ названіемъ Эршелемпу очень много на разстояніи 60 верстъ. Затѣмъ подполк. К. объяснилъ, что завтра утромъ, въ 8 часовъ, мы выѣдемъ съ охотниками и полусотней казаковъ, которые были при начальникѣ отряда; тѣхъ же, кто былъ на передовыхъ заставахъ, приказано собрать на Мандаринскую дорогу въ лощину къ 9 часамъ, т. е. къ нашему пріѣзду къ этой лощинѣ. Получивъ приказанія, всѣ офицеры уѣхали по своимъ заставамъ, а мы объяснили нашимъ охотникамъ, что имъ нужно будетъ дѣлать завтра, и что половина команды должна занять заставы, а другая участвовать въ набѣгѣ на японцевъ.

Для того чтобы безобидно раздѣлить команду пополамъ для двухъ разныхъ цѣлей, мы рѣшили бросить жребій и приготовили два билетика: на одномъ написали „*набѣгъ на японцевъ*“ а на другомъ „*застава*“, и кому какой билетъ достанется, тому туда и ѣхать. При 1-й полусотнѣ остался завѣдывающій командой, какъ старшій офицеръ, а при 2-й—я. Въ фуражку положили билеты, и одинъ охотникъ вынулъ одинъ для меня а другой для поручика О. Мнѣ съ моей полусотней досталось идти на заставу, а поручику О. въ набѣгъ. Увидя это, онъ весь поблѣднѣлъ, я же, видя его испуган-

ный видъ, предложилъ ему замѣнить его и идти съ его полусотней въ набѣгъ, а ему съ моей полусотней занять заставы. Но онъ не согласился, говоря, что я и такъ уже не одинъ разъ замѣнялъ его и что ему даже стыдно это. Такъ мы и остались при тѣхъ полусотняхъ, съ которыми намъ пришлось идти по жребію. Вечеромъ легли спать не раздѣваясь. Вокругъ деревни стояли охраною казачьи посты.

21 Апрѣля.—Утромъ рано я вышелъ къ охотникамъ и отдалъ приказаніе, чтобы всѣ были готовы къ 8 часамъ для выступленія, и вернулся въ фанзу. Гляжу, мой завѣдывающій поручикъ О. еще лежитъ въ постели и держится за голову, говоря, что очень голова болитъ.

Я, зная его уже хорошо, промолчалъ. Тогда, немного погодя поручикъ О. обращается ко мнѣ и говоритъ: „вотъ, вы, Федоръ Ивановичъ, желали меня замѣнить вчера, такъ, если не раздумали,— пожалуйста, будьте любезны, замѣните! А то я совсѣмъ не могу долго сидѣть на лошади при продолжительной ѣздѣ; у меня ужасно голова болитъ, а на заставѣ все-таки легче и для головы покойнѣе; нѣтъ столько тряски, а то моя голова“ . . . Я, конечно, согласился и сейчасъ же доложилъ начальнику отряда о нашей перемѣнѣ. Онъ одобрилъ наше соглашеніе, и мы вскорѣ выѣхали въ походъ и черезъ часъ уже были на назначенномъ мѣстѣ. Тамъ насъ ожидали уже 6 полусотенъ казаковъ съ офицерами. Поручикъ остался здѣсь на заставѣ, а я приказалъ своей полусотнѣ облегчить лошадей, т. е. снять вьюки и оставить ихъ на заставѣ для того, чтобы, въ случаѣ нужды, лошадямъ было легче бѣжать.

Начальникъ отряда собралъ къ себѣ начальниковъ разъѣздовъ и объяснилъ всѣмъ, какъ кому ѣхать, по какой мѣстности и въ какомъ направленіи. Было сказано такъ: сбить противника съ передовыхъ постовъ и захватить большую деревню Эршелемпу, которая стояла на Мандаринской дорогѣ. Тамъ была, какъ предполагаютъ, японская кавалерійская застава. Мнѣ съ моими охотниками приказано наступать по Мандаринской дорогѣ прямо на эту деревню, а казакамъ, 2 полусотни съ одной стороны, и 2 полусотни съ другой, обойти непріятелю въ тылъ, и во что бы то ни стало взять эту деревню. Начальникъ отряда подполков. К. оставилъ при себѣ одну сотню казаковъ въ резервѣ и сказалъ,

что если кому будетъ нужна помощь, то онъ изъ своего резерва вышлетъ поддержку. Онъ съ резервомъ шелъ не далеко и могъ видѣть все происходившее у насъ.

Лишь только выѣхали мы изъ лощины на возвышенное мѣсто, какъ раздались выстрѣлы, и по нашимъ разъѣздамъ посыпались японскія пули, но рѣдкія и безвредныя, потому что японскіе часовые, улепетывая отъ насъ, стрѣляли прямо съ лошадей и на ходу. Такимъ образомъ, мы выгнали ихъ изъ двухъ деревень и прогнали въ деревню, которая стояла на Мандаринской дорогѣ. Занявъ вторую деревню, которую только что очистили японцы, я спѣшилъ охотниковъ и открылъ огонь по дер. Эршелемпу, въ которую, отступая, собирались японскіе разъѣзды. Но тутъ прискакалъ ординарецъ отъ начальника отряда и передалъ приказаніе, наступать на деревню, гдѣ засѣли японцы. Я приказалъ коновсдамъ держать лошадей по шести каждому, т. е. усиленнымъ спѣшиваньемъ, и поставилъ ихъ за деревушкой въ оврагѣ, а съ остальными перешелъ въ наступленіе пѣшимъ строемъ, хотя лично самъ и два охотника, замѣняющіе ординарцевъ, ѣхали верхами, дабы въ нужный моментъ имѣть возможность послать донесеніе. Мы стали перебѣгать частями подъ прикрытіемъ лощины, такъ что японцы хотя и стрѣляли, но не могли никого поранить или убить. Но когда мы вышли на болѣе открытое мѣсто, то моментально двое были ранены. Тогда я соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ къ бугорку, приказавъ и всѣмъ охотникамъ также спѣшить въ закрытое мѣсто, подъ небольшой бугорокъ, и усилить огонь по японской деревнѣ. Деревня эта была уже очень близко отъ насъ, всего шаговъ около 500.

Когда всѣ охотники подползли къ бугорку, я выглянулъ, чтобы разсмотрѣть, гдѣ и какъ удобнѣе можно будетъ перебѣжать дальше. Но лишь только я поднялся, какъ пуля ударилась мнѣ въ правую ногу выше колѣна и перебила кость. Ударъ былъ такой сильный, что я не смогъ даже вскрикнуть: у меня духъ перехватило, и я упалъ. Видя это, ко мнѣ подбѣжали два охотника, сняли съ меня револьверъ и шашку, связали двѣ винтовки револьвернымъ шнуромъ и портупеей и на этихъ импровизированныхъ носилкахъ хотѣли унести меня, но идти нельзя было, такъ какъ пришлось бы пройти довольно большое открытое мѣсто, гдѣ все равно мы всѣ были бы

убиты, такъ какъ съ тяжелой ношей скоро не пробѣжать это открытое пространство, и я рѣшилъ остаться на мѣстѣ и, лежа, руководить боемъ, пока къ намъ на помощь не подоспѣютъ казаки, которые должны были окружить деревню. Но казаки долго не являлись, почему я заключилъ, что они отбиты, и послалъ одного охотника за помощью къ начальнику отряда. Но лишь только онъ сѣлъ на лошадь, какъ лошадь была ранена и тутъ же упала. Тогда другой охотникъ побѣжалъ пѣшкомъ къ коноводамъ, но не добѣжалъ, такъ какъ его убили японцы, зашедшіе уже съ другой стороны и начавшіе бить по насъ продольнымъ огнемъ. Тутъ у насъ моментально стали вскрикивать то тотъ, то другой раненый, и унести меня ужъ не было никакой возможности. Я закричалъ, чтобы мнѣ подали мою лошадь, думая уѣхать какъ нибудь верхомъ. Но только вывели ее изъ оврага, какъ она жалобно заржала и упала, потомъ еще разъ поднялась, закружилась и грохнулась бездыханная на землю. Помощи ни откуда не видно, а тутъ еще слышу крикъ:—„вотъ, вотъ японцы обходятъ!". Я взглянулъ и закричалъ:—„Братцы! Спасайтесь скорѣе, кто можетъ, да и меня возьмите, тащите какъ нибудь". Но не успѣлъ я и договорить это, какъ уже ни одного охотника возлѣ меня не было. Всѣ они бросились куда то назадъ и около меня осталось только трое убитыхъ и одинъ раненый унтеръ-офицеръ, который хотѣлъ было помочь мнѣ, но какъ разъ его въ это время ранили, и онъ кое-какъ уползъ отъ меня въ оврагъ, думая этимъ какъ нибудь спасти свою жизнь. Но было уже поздно, японцы бѣжали близко отъ насъ и кричали:—„Ой! ой! гана, гана, гоя, гоя!", т. е. Эй! эй! вотъ, вотъ, они, они!—и стрѣляли по убѣгавшимъ охотникамъ. Пули сыпались градомъ около меня и я думалъ, что наступили послѣднія минуты моей жизни, и невозможно описать, какой хаосъ мыслей закружился въ моей головѣ! Крестясь, я молился: Христосъ Воскресе!... Читалъ „Богородицу", но слова не складывались въ молитву, такъ какъ въ это же время въ голову назойливо, съ лихорадочной поспѣшностью врывались воспоминанія о моей прожитой жизни: родные, знакомые, полкъ со всѣми товарищами и начальниками, и жажда жизни, страшная жажда все это еще видѣть и слышать охватывали все существо мое... Мнѣ было и жалко и страшно умирать, и я хотѣлъ молиться, и въ то же время вспоминалъ и жалѣлъ о томъ,

съ чѣмъ долженъ былъ навѣки проститься... Между тѣмъ, пѣшіе японцы обѣжали меня, и никто не замѣтилъ меня или же думали, что я мертвъ. Я сорвалъ съ пальто погоны и бросилъ ихъ подальше отъ себя, а ордена отцѣпилъ и засунулъ въ карманъ, такъ какъ я неоднократно слышалъ, что японцы добиваютъ офицеровъ и мучаютъ ужаснѣйшимъ образомъ, въ особенности же казачьихъ, за кого они могли и меня признать. Я поднялъ голову и увидалъ, что несется какая то кавалерія. Принявъ ее за нашихъ казаковъ, которые должны были объѣхать эту деревню, я замахалъ фуражкой, желая, чтобы они замѣтили меня и спасли, но, при ихъ приближеніи, я узналъ, что это была японская кавалерія, которая неслась прямо на наше побоище, и я навѣрно обнаружилъ себя фуражкой, и скоро буду убитъ, подумалъ я, и во мнѣ опять заволновались чувства страха смерти и жажды жизни, и въ головѣ закружились вихремъ воспоминанія, мѣшавшія мнѣ даже творить молитву, которую я силился прочесть.

Вся эта конная орда проскочила мимо меня и понеслась догонять моихъ охотниковъ. Но они были уже далеко и скрылись за горизонтомъ. Тогда японцы вернулись назадъ и стали подбирать оружіе, брошенное нашими ранеными и убитыми, подошли къ моей лошади, сняли сѣдло и уздечку и взяли еще двухъ раненыхъ лошадей, стоявшихъ въ оврагѣ. Далѣе, вижу, тащутъ ко мнѣ двухъ убитыхъ охотниковъ.—„Ну, думаю себѣ, еще одна секунда и я погибъ, погибъ отъ мучительной японской казни!“... И у меня вдругъ мелькнула мысль застрѣлиться. Я потянулся уже рукою за револьверомъ, который всегда былъ у моего пояса, но его не оказалось, и я вспомнилъ, что его не было потому, что его сняли охотники, когда шнуромъ и портупеей связывали двѣ винтовки для носилокъ, которые и до сихъ поръ валялись невдалекѣ. Но когда я пошевелился, то обратилъ вниманіе японцевъ на себя, и они цѣлой толпой бросились ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ, желая вѣроятно поднять меня, дернулъ меня за руку кверху, да такъ сильно, что сдернулъ меня съ мѣста, и моя перебитая нога отшвырнулась въ сторону, а я отъ внезапной сильной боли потерялъ сознаніе и не помню, что было потомъ и какъ меня унесли оттуда.

Очнувшись, я увидалъ, что лежу во дворѣ той деревни, на которую мы наступали, и тутъ же лежали 5 убитыхъ и 17 раненыхъ

нами японцевъ, и стояло много японскихъ солдатъ, а возлѣ меня два офицера и фельдшеръ съ перевязочными средствами. На перебитой ногѣ все было разрѣзано, и сапоги, и шаровары, и сдѣлана уже перевязка. Увидя, что я пришелъ въ себя, оба офицера подошли ко мнѣ и стали что то говорить и протягивать руку, какъ бы подавая мнѣ ее; они то протягивали ее мнѣ, то принимали обратно, то вновь протягивали и какъ то странно трясли ею передо мной, и я догадался и подалъ имъ свою. Они пожали ее и одинъ изъ нихъ что то заговорилъ: „Сиканъ, чуй? шей? той?—т. е. Офицеръ? чинъ? корнетъ? поручикъ?"—Я показалъ на офицерскіе погоны, которые были на мундирѣ подъ пальто, но они и такъ уже видѣли ихъ, когда приводили меня въ чувство. Потомъ они указали мнѣ въ сторону. Я взглянулъ туда и увидалъ моего охотника унтеръ-офицера Степана Замараева. Онъ былъ раненъ въ лѣвую ногу на вылетъ черезъ кость въ то время, когда хотѣлъ помочь мнѣ. Слава Богу, что его не убили! Все таки веселѣе будетъ вдвоемъ, чѣмъ одному. Потомъ намъ указали на нашихъ трехъ убитыхъ, которыхъ хоронили недалеко отъ деревни. Жаль мнѣ было ихъ всѣхъ, но одного въ особенности: это былъ герой нашей команды ефрейторъ Леонидъ Сергѣевъ, кавалеръ 4 и 3-й степени Георгія, всегда отличавшійся храбростью во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ. Остальныхъ двухъ я не могъ разглядѣть. Японцы насъ тутъ ни о чемъ не спрашивали и не обижали, и приказали китайцамъ сдѣлать изъ мѣшковъ какіе-то носилки. Когда носилки были готовы, тѣ же китайцы понесли насъ подъ конвоемъ изъ пяти кавалеристовъ, которые слѣдовали за нами и подавали намъ воду, когда отъ жары и мученій пересыхала глотка. На этихъ носилкахъ несли недолго. Въ какой то деревнѣ запрягли въ китайскую арбу двухъ ословъ и на ней повезли насъ. Сколько горя, сколько мукъ пришлось перенести на этой проклятой арбѣ! Трясла она безъ милосердія, а такъ какъ подо мною ничего не было подостлано, то нога моя билась о доски и удержать ее не было никакой возможности. Она была переломлена и прыгала на доскахъ, какъ плеть. Я мучился ужаснѣйшимъ образомъ и, казалось, мученьямъ моимъ не будетъ конца и я умру, не доѣхавъ до мѣста. Я кричалъ на китайца—„Маманди, маманди!" т. е. „подожди, подожди",—а японцы кричали „какойде, какойде", т. е. „поскорѣй, поскорѣй", потому что было уже поздно,

а ѣхать до города Чен-тофу, гдѣ былъ японскій полевой госпиталь, оставалось еще верстъ 16. И чтобы не запоздать до темной ночи въ дорогѣ, они торопили китайцевъ, и я отъ нестерпимой боли кричалъ, какъ безумный. Къ вечеру кое-какъ мы доѣхали до города Чен-тофу, и до самаго госпиталя насъ провожала большая толпа китайцевъ и японцевъ.

Когда въѣхали во дворъ и стали снимать меня съ арбы, то потревожили ногу, и я опять отъ боли потерялъ сознаніе, а когда очнулся, то уже лежалъ на операціонномъ столѣ, и около меня возились два доктора и офицеръ съ переводчикомъ. Послѣдніе начали было распрашивать меня о нашихъ войскахъ, но докторъ, ввиду моей слабости, воспретилъ имъ меня безпокоить, и они оставили меня въ покоѣ. Я спросилъ черезъ переводчика у доктора, что съ моей ногою. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что у меня сильный переломъ ноги съ раздробленіемъ кости, а на вопросъ мой, неужели моя нога будетъ отрѣзана,—докторъ, покачавъ головой, замѣтилъ, что сегодня ничего нельзя сказать опредѣленнаго, но завтра будетъ извѣстно, такъ какъ, если будетъ сильный жаръ, то придется ногу отрѣзать, потому что иначе можетъ приключиться антоновъ огонь и—смерть. Повыше перелома мнѣ сдѣлали подкожное вспрыскиваніе, перевязали ногу, вложили ее въ лубки и проволочную форму и отнесли меня въ фанзу, гдѣ положили на разостланныхъ двухъ одѣялахъ на китайскомъ канѣ. Лежать было очень твердо и я попросилъ, чтобы мнѣ дали матрацъ; но мнѣ отказали, говоря, что на матрацѣ переломленная нога не можетъ хорошо и ровно лежать. Я лежалъ въ фанзѣ одинъ, а для ухаживанія за мной приставили двухъ санитаровъ. О, Господи! какъ я мучился, лежа на этомъ твердомъ канѣ, но больше всего меня страшила мысль, что мнѣ могутъ отнять ногу. Что буду я дѣлать безъ ноги?!.. На что я буду годенъ?.. И всю ночь я не могъ уснуть отъ боли и отъ разныхъ думъ. Меня до такой степени устрашала эта мысль, что я и молился, и даже далъ обѣтъ пройти на костыляхъ отъ того мѣста, гдѣ меня освободятъ изъ плѣна, до Москвы, для поклоненія Иверской Божіей Матери, и такъ, не смыкая глазъ, я дождался бѣлаго дня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ плѣну у японцевъ.

22 Апрѣля.—Утромъ ко мнѣ пришли два доктора и стали измѣрять температуру, щупали пульсъ, но перевязки не дѣлали, говоря, что ее будутъ дѣлать завтра, и тогда скажутъ, можно ли не отрѣзать ноги, или для сохраненія жизни необходимо будетъ отрѣзать ее. И я опять сталъ молить Бога, чтобы не отрѣзали ноги и чтобы Богъ вразумилъ меня, что мнѣ дѣлать! Жаль ноги, но и жаль въ то же время умереть изъ за нея, если бы въ самомъ дѣлѣ ее пришлось отрѣзать, а я не допустилъ бы докторовъ до этой операціи. Послѣ докторовъ ко мнѣ приходили пять японскихъ офицеровъ, и одинъ изъ нихъ—генералъ-маіоръ. Онъ очень хвалилъ меня и моихъ охотниковъ за то, что мы долго бились; казаковъ, говорятъ они, мы скоро отбили; а вотъ васъ долго не удавалось! Часа два мы провозились съ вами. Затѣмъ, пожелавъ мнѣ скораго выздоровленія, они ушли. Температура у меня была 39,16. На завтра должна быть ампутація моей ноги... Я опять всю ночь молился и много всякихъ мыслей роилось въ моей головѣ. Вѣдь, вотъ, произвели меня за храбрость въ прапорщики, получалъ хорошее жалованье, награжденъ Георгіемъ, и теперь, изъ за одной несчастной пули, пропало все!.. Опозоренъ я совсѣмъ!.. Я, котораго считали храбрецомъ, попалъ въ плѣнъ!.. И долженъ буду томиться въ позорной японской неволѣ!.. И хотя японцы меня увѣряли, что у нихъ плѣннымъ живется хорошо, и показывали мнѣ карточки, какъ гуляютъ плѣнные, но я не вѣрилъ имъ и считалъ это обма-

номъ. Они показывали мнѣ номера газетъ или, вѣрнѣе, вырѣзки изъ телеграммъ, въ которыхъ говорится, что у насъ очень плохо въ Россіи, что тамъ идутъ большіе безпорядки, кругомъ забастовки, убиваютъ начальниковъ, отчего я вдвойнѣ жалѣлъ дорогую родину...

23 Апрѣля.—Утромъ мнѣ дали завтракъ, но я не могъ его ѣсть, такъ какъ его приготовлялъ китаецъ, и отъ завтрака воняло чеснокомъ. Тогда мнѣ дали два сырыхъ яйца и кружку молока. Головы я поднять не могъ и пилъ изъ чайничка, черезъ дудочку, лежа, такъ какъ докторъ приказалъ мнѣ не шевелиться; да и безъ докторскаго приказанія я отъ одной боли не могъ бы пошевелиться.

Въ 10 часовъ меня положили на носилки и понесли въ операціонную, гдѣ собрались 4 доктора, и когда я увидалъ ихъ, то у меня сердце такъ и сжалось, и я не могъ выговорить ни одного слова. Я понялъ, что это собралась комиссія, которая будетъ дѣлать ампутацію моей ноги, и я не вытерпѣлъ и какъ ребенокъ заплакалъ, не будучи въ состояніи удержать себя, хотя и стыдно было мнѣ выказывать передъ врагами свою слабость. Мнѣ стали предлагать успокоительныхъ капель, но я не хотѣлъ принимать ихъ, думая, что это усыпительное средство, но немного погодя я и самъ успокоился. Мнѣ разбинтовали ногу, стали осматривать ее и сказали, что сегодня рѣзать не будутъ, такъ какъ жаръ уменьшился. О, Господи! какая радость!.. И докторъ предупредилъ меня, что если я поберегу ногу нѣсколько дней, т. е. не буду шевелиться, то, быть можетъ, ее у меня и не отнимутъ. Жаръ спалъ, хотя опухоль была еще очень велика. Мнѣ опять сдѣлали подкожное вспрыскиваніе выше перелома и, осторожно забинтовавъ ногу, отнесли на прежнее мѣсто. Ночью я немного уснулъ, но скоро проснулся, такъ какъ во снѣ увидалъ, что я дерусь съ японцами и нечаянно пошевелился, закричалъ отъ боли и проснулся. Послѣ этого заснуть уже не могъ до утра.

24 Апрѣля.—Докторъ приходилъ провѣдать меня и велѣлъ давать отъ жажды красное вино кисло-сладкаго вкуса. Днемъ посѣщали меня японскіе офицеры и угощали папиросами, а одинъ изъ нихъ далъ мнѣ 10 шт. сигаръ. Я хотѣлъ было отказаться, но они очень просили принять, не какъ подарокъ, а какъ угощеніе изъ любезности. Тогда я взялъ и папиросы, и сигары.

Къ вечеру опять приходили доктора осмотрѣть меня и смѣрить

температуру, и передали мнѣ, что опасность почти миновала. Жаръ сталъ спадать и теперь стало 38,07°, чему я былъ очень радъ. Ночью спалъ мало, боясь пошевелиться и съ просонокъ опять повредить ногѣ.

25 Апрѣля.—Утромъ приходилъ докторъ и съ нимъ два японскихъ кавалерійскихъ офицера.

Часовъ въ 10 меня хотѣли нести въ операціонную, но тутъ докторъ остановилъ носильщиковъ и сдѣлалъ мнѣ перевязку на мѣстѣ, потому что, если класть на носилки да на операціонный столъ и обратно, то можно повредить какъ-нибудь ногу, и она можетъ соскочить съ правильной постановки. Послѣ перевязки я немного успокоился и уснулъ, такъ какъ мнѣ стало много легче, т. е. не такъ страшно, что у меня отнимутъ ногу, ибо явилась хотя маленькая надежда на выздоровленіе. Если какъ нибудь не поврежу ее самъ, то, хотя въ ногѣ толку будетъ и мало, но все-же нога будетъ собственная, а не какая-нибудь деревяшка или клюка. Я сталъ понемногу принимать пищу, хотя она была мнѣ очень противна, всегда воняла какимъ то китайскимъ или японскимъ запахомъ. Денегъ у меня было 27 руб., и я на нихъ покупалъ консервы и ананасы, которыми и поддерживалъ свои силы. Часто мнѣ приходило въ голову, что вотъ наши перейдутъ въ наступленіе, отобьютъ городъ Чен-тофу и выручатъ меня. Но на мои вопросы, нѣтъ ли боя, не наступаютъ ли русскіе, мнѣ отвѣчали, что русскіе не могутъ наступать, а если и перейдутъ въ наступленіе, то и въ такомъ даже случаѣ не помогутъ мнѣ и ни въ коемъ случаѣ не освободятъ меня изъ плѣна, такъ какъ насъ скоро должны отправить дальше, какъ только мнѣ будетъ лучше.

26 Апрѣля.—Съ утра приходилъ докторъ и обрадовалъ меня тѣмъ, что, по его мнѣнію, жаръ совсѣмъ уменьшился, и просилъ меня не волноваться и не думать много ни о чемъ, такъ какъ при такой тяжелой ранѣ, какъ у меня, это очень вредно. Передъ вечеромъ приходилъ японскій дивизіонный врачъ въ чинѣ маіора, и съ нимъ было человѣкъ пять докторовъ и нѣсколько офицеровъ. Онъ тоже говорилъ мнѣ черезъ переводчика, что ничего опаснаго у меня нѣтъ, и что скоро меня отправятъ дальше къ Мукдену. Я сталъ просить доктора, нельзя ли мнѣ остаться здѣсь, пока я совсѣмъ не оправлюсь,—а на самомъ дѣлѣ думалъ, не будутъ ли

наши наступать и, быть можетъ, освободятъ меня изъ плѣна,— но докторъ сказалъ, что напротивъ, надо поскорѣе добраться до Японіи, такъ какъ тамъ будетъ лучше, воздухъ тамъ хорошій, есть хорошія ванны и европейскія кушанья, чего здѣсь не можетъ быть. И они ушли отъ меня.

Ночью я спалъ лучше, хотя очень болѣла спина отъ неподвижнаго лежанія въ теченіе пяти сутокъ, да еще на твердомъ канѣ.

27 Апрѣля.—Я просилъ сегодня разрѣшенія какъ нибудь сообщить въ полкъ о томъ, что я живъ и сильно раненый нахожусь въ плѣну, но мнѣ отказали, говоря, что отсюда писать нельзя, а можно будетъ послать письмо лишь изъ Мукдена, которое пойдетъ черезъ Японію, Англію и Россію въ Маньчжурію.

28 Апрѣля.—Утромъ, часовъ въ 10, меня носили въ операціонную комнату, гдѣ доктора сдѣлали перевязку и подкожное вспрыскиваніе, и долго щупали ногу, чтобы найти пулю, которая гдѣ-то застряла. Они очень удивлялись, что пуля съ рикошета ударилась въ ногу бокомъ, перебила кость и не прошла на вылетъ, а, между тѣмъ, ее нигдѣ не могутъ найти. И стали предполагать, что она осталась въ серединѣ кости, а если это правда, то ногу безусловно нужно будетъ отнять. Отнимать её въ настоящее время не представлялось необходимости, такъ какъ сильнаго жару не было. Дѣлать нечего: пули не нашли и рѣзать ноги не надо, и они вновь забинтовали ее, какъ можно лучше, и сказали мнѣ, что завтра отправятъ меня къ городу Ковго-джону, верстъ за 30 отсюда, и что тамъ мнѣ будетъ лучше. Докторъ просилъ у меня на память мои новые офицерскіе погоны, но я не соглашался, потому что только одна пара на мундирѣ и осталась. Но докторъ черезъ переводчика сказалъ, что онъ очень хорошо за мной ухаживалъ, и такъ удачно вышло, что и ноги не приходится отрѣзать: это прямо чудо, а потому ему очень бы хотѣлось пріобрѣсти мои погоны. Странно мнѣ все это было!.. Но я сказалъ, что подумаю, и когда меня будутъ отправлять, тогда я подарю ему ихъ, чему докторъ остался очень доволенъ и прислалъ мнѣ три пачки россійскихъ папиросъ хорошаго сорта. Ночь вся прошла въ разныхъ думкахъ, и я мечталъ, что когда меня понесутъ, то, быть можетъ, гдѣ нибудь нашъ разъѣздъ налетитъ на насъ и отобьетъ меня у японцевъ.

29 Апрѣля.—Утромъ, чуть свѣтъ, на нашъ дворъ набралось очень много китайскихъ кули, и они на всѣ голоса галдѣли, какъ гуси. Я зналъ уже, что они понесутъ насъ, но недоумѣвалъ, почему ихъ такъ много, такъ какъ я думалъ что понесутъ только меня и унтеръ-офицера Замараева, котораго я до сихъ поръ еще не видалъ, ибо онъ помѣщался отдѣльно отъ меня, въ другой фанзѣ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ докторъ и санитары и положили меня на носилки. Докторъ на прощанье далъ мнѣ свою карточку, а я далъ ему погоны, за которые онъ очень меня благодарилъ и что-то передавалъ на словахъ фельдшеру. Меня вынесли изъ фанзы на дворъ, и тамъ я увидалъ Замараева и 22 носилокъ съ ранеными японцами, въ числѣ которыхъ были и тѣ 17, которыхъ ранили наши охотники 21 Апрѣля. Скоро подошли китайскіе кули, по 4 человѣка къ каждымъ носилкамъ, и, поднявъ, потащили насъ вереницей другъ за другомъ. Несли они очень скверно, такъ какъ шли не въ ногу и ужасно трясли и раскачивали. Пройдя нѣкоторое время по ровной мѣстности, они стали переходить черезъ какую-то рѣчушку, и одинъ китаецъ какъ-то поскользнулся и упалъ. Носилки перекосились на бокъ и получился такой толчекъ, что моя нога соскочила съ подкладки и причинила мнѣ страшную боль. Я началъ кричать, такъ какъ боль была невыносимая, даже духъ захватывало, но китайцы не поняли и пустились бѣгомъ нагонять впереди шедшихъ товарищей, и я все кричалъ, а они не обращали вниманія. На мое счастье мой крикъ услышалъ фельдшеръ и, подбѣжавъ ко мнѣ, тоже не могъ понять въ чемъ дѣло, а я отъ сильныхъ мученій не могъ удержаться и зарыдалъ, указывая на ноги. Тогда онъ поднялъ ногу и началъ её тянуть. О, Господи! Какъ только я перенесъ тѣ муки! Я весь дрожалъ и не былъ въ состояніи отъ боли выговорить ни одного слова, но онъ кое какъ поправилъ ногу и, положивъ её на мѣсто, отлупилъ всѣхъ четырехъ китайцевъ по физіономіямъ, чтобы они несли аккуратнѣе. Мы пошли дальше и дошли до какой то большой деревни, гдѣ китайцы сдѣлали привалъ и стали закусывать, а намъ фельдшеръ далъ консервы изъ сухой рыбы и рису, послѣ чего скомандовалъ:—„Хейта кули койло!“. Всѣ взялись за свои носилки и пошли дальше. У моихъ носилокъ было только три кули, того-же, который упалъ и черезъ котораго я перенесъ столько мученій, не было. Такъ какъ онъ былъ винов-

никомъ всего происшествія и навѣрно предчувствовалъ, что ему за это достанется, то во время отдыха сбѣжалъ. Фельдшеру пришлось нанимать другого; кое какъ наняли и пошли дальше. По дорогѣ намъ нигдѣ не попадалось японскихъ войскъ, и лишь изрѣдка, кое гдѣ, были видны разъѣзды, да въ одной деревнѣ стояло около баталіона пѣхоты.

Въ одномъ мѣстѣ я увидѣлъ большое пространство, на которомъ въ одну линію было выложено много ветелъ, и я, глядя на нихъ, подумалъ: вотъ гдѣ у нихъ укрѣпленія и загражденія! Въ этихъ окопахъ, навѣрно, скрываются и ихъ войска. Но тамъ никого не было, что меня не мало удивило. И вдругъ я замѣтилъ совершенно въ сторонѣ другіе окопы, въ которыхъ были установлены орудія большого калибра, 6—8 дюймовые, и такъ искусно замаскированы, что спереди буквально ничего нельзя было замѣтить и предположить, что въ этомъ мѣстѣ можетъ быть скрыта артиллерія. И только, когда насъ проносили мимо этихъ окоповъ, то я замѣтилъ отверстія для входа солдатъ и для пролета снарядовъ. Тогда я понялъ, что тѣ ветлы были только обманомъ для русскихъ, для того, чтобы они принимали ихъ за мѣсто дѣйствительныхъ окоповъ и направляли огонь въ эту сторону, не нанося, конечно, никакого вреда противнику. При этомъ, фальшивыя укрѣпленія были выше и дальше настоящихъ, чтобы получался при стрѣльбѣ перелетъ. Немного дальше намъ еще попались укрѣпленія и тоже въ этомъ же родѣ.

Къ вечеру насъ донесли до города Ковго-джона. Но такъ какъ госпиталь тутъ былъ переполненъ японцами, то насъ отправили еще за 6 верстъ въ деревню Чужоньтунь, гдѣ насъ и помѣстили. Тутъ много фанзъ было приспособлено для больныхъ и раненыхъ и было много докторовъ. Въ этой же деревнѣ обучали молодыхъ верховыхъ лошадей для строевой кавалеріи и артиллеріи. Для первой учили рядами, т. е. шеренгами во взводномъ порядкѣ, и поворачивались по отдѣленіямъ и повзводно, а также заѣзжали налѣво и направо; для второй объѣзжали въ передкахъ отъ орудій. Вечеромъ мнѣ дѣлали доктора перевязку и выправляли ногу и тоже удивлялись, что пули нигдѣ не замѣтно, да и выходнаго отверстія нѣтъ. Меня помѣстили въ одной фанзѣ съ Замараевымъ и шестью японцами, но не съ тѣми, которыхъ ранили наши охот-

ники, а съ другими, тѣхъ же помѣстили въ другой фанзѣ, отъ насъ черезъ дорогу.

Ночь провелъ очень плохо, такъ какъ не могъ уснуть вслѣдствіе сильной боли въ ногѣ.

30 Апрѣля.—Пришли доктора и стали разсматривать, куда могла засѣсть пуля. Качая головами, они удивлялись, какъ могло случиться, что нѣтъ никакого слѣда пули, и если предположить, что она осталась въ серединѣ кости и внутри ея опустилась къ колѣнкѣ, то тогда было бы очень опасно и пришлось бы отнять ногу; но она подаетъ надежды на выздоровленіе, чего не могло бы быть, если бы пуля была въ серединѣ. Температура хотя и повысилась, но это лишь по случаю 30-верстнаго перехода. Насъ кормили такъ: утромъ давали 2 яйца, 3 раза молока и 2 раза мясныхъ консервовъ, а для питья мнѣ давали кисло-сладкое красное вино. Сегодняшнюю ночь я провелъ лучше вчерашней, даже уснулъ, хотя очень боялся, чтобы японскіе солдаты не задушили насъ, когда никого изъ санитаровъ не было въ фанзѣ около насъ. Я думалъ, что они злятся на насъ, такъ какъ очень злобно посматривали въ нашу сторону, но имъ не велѣли насъ задѣвать, да и языка мы другъ друга не понимали.

1, 2 и 3 Мая.—Всѣ эти три дня прошли одинаково. Кормили такъ же, т. е. утромъ 2 яйца и кружку молока, въ обѣдъ немного консервированнаго мяса и молока и бѣлые сухари „хритонъ", а вечеромъ мясо и молоко. Чай давали утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, по кружкѣ безъ сахару. Но я попросилъ санитара, и онъ купилъ мнѣ у китайцевъ сахарнаго песку и папиросъ. Такъ какъ русскихъ денегъ не брали, то я отдалъ бывшій у меня мексиканскій долларъ доктору, а онъ далъ мнѣ за него одинъ рубль японскими бумажками. На эти то деньги я и покупалъ все, что мнѣ было необходимо. Перевязку дѣлали каждый день и прикладывали компрессъ: какимъ то спиртомъ смачивали вату и накладывали ее на томъ мѣстѣ ноги, гдѣ была переломлена кость.

4 Мая.—Утромъ приходили три доктора, изъ нихъ одинъ посѣщалъ насъ въ первый разъ; это, оказалось, былъ старшій врачъ, съ двумя звѣздочками на обшлагахъ рукавовъ. Послѣ нихъ насъ посѣтили два офицера кавалериста; потомъ приходили солдаты посмотрѣть на насъ. Посмотрѣли, поклонились и ушли.

Мнѣ съ Замараевымъ захотѣлось сварить себѣ чего нибудь горячаго, потому что варенаго тутъ ничего нельзя было ѣсть, кромѣ рису, мы и купили у китайцевъ на 30 коп. картофеля. Замараевъ кое какъ почистилъ его и сварилъ цѣлыхъ два котелка, и мы съ такимъ аппетитомъ поѣли, что у меня схватило животъ, и я кричалъ, какъ сумасшедшій, и не могъ уснуть всю ночь. За мной и докторъ и фельдшеръ немало ухаживали, но ничего не помогало, и только къ утру мой животъ кое какъ успокоился, и я, наконецъ, уснулъ и даже очень крѣпко. Но тутъ случилось со мной большое несчастье: я увидѣлъ во снѣ, что я убѣжалъ изъ плѣна, и будто до нашей позиціи оставалось очень мало, и за мной гнались японцы; боли я во снѣ не чувствовалъ, но и бѣжать не могъ, какъ какъ мнѣ было очень тяжело, какъ будто бы вѣтеръ мѣшалъ мнѣ подвигаться впередъ. Я хотѣлъ оглянуться, чтобы посмотрѣть, кто меня догоняетъ, закричалъ во все горло, и проснулся; оказалось, что я свалился съ матраца на бокъ на правую переломленную ногу. О, Господи, что за боль я почувствовалъ! Тутъ ужъ я и не спросонокъ заоралъ во всю глотку. Но сейчасъ же прибѣжали санитары, фельдшера, и кое какъ поправили ногу. Скоро прибѣжали и доктора: было уже утро, и всѣ проснулись, разбуженные моими криками, и никто уже не спалъ больше.

5 Мая.—Какъ только ко мнѣ пришелъ докторъ, меня положили на носилки и понесли черезъ дорогу въ операціонную фанзу.

О, Боже мой! какъ я кричалъ отъ боли и думалъ, что теперь ужъ навѣрно мою ногу отрѣжутъ, потому что она совѣмъ вывернулась и согнулась между колѣномъ и бедромъ, гдѣ былъ пероломъ, и я потерялъ сознаніе. Когда я очнулся, то я лежалъ уже на операціонномъ столѣ, и возлѣ меня суетились пять человѣкъ докторовъ, а вокругъ стола столпились медицинскіе ученики и санитары. Я посмотрѣлъ на нихъ и спросилъ: что, мнѣ ногу будутъ рѣзать?

Мнѣ отвѣтили, что еще неизвѣстно. Тутъ стали меня держать за руки и за голову, потомъ разбинтовали, что то посмотрѣли, пощупали, оттерли ватой, чѣмъ-то смоченной, сдѣлали подкожное вспрыскиваніе и стали искать пули, но изъ за опухоли ничего не нашли. Потомъ стали выправлять и вытягивать ногу... Боже мой! Откуда я могъ взять столько силы, что вынесъ такія ужасныя му-

ченія! Я кричалъ не своимъ голосомъ, вырывался, а меня держали, точно медвѣдя, за всѣ здоровыя части тѣла. У меня даже потъ выступилъ, и я лежалъ весь мокрый, словно облитый водою.

Осмотрѣвъ меня, мнѣ сдѣлали перевязку и забинтовали гипсомъ всю ногу и даже до половины туловище, по самую грудь, такъ что я не могъ пошевелиться ни въ какую сторону и только имѣлъ возможность поворачивать голову направо и налѣво, и чуть чуть наверхъ, и еле-еле шевелилъ лѣвою ногою. По окончаніи гипсованія, меня положили къ стѣнкѣ, а съ другой стороны подложили доску, и я лежалъ, какъ въ гробу. Лежать было очень плохо, спина и безъ того сильно болѣла, а тутъ еще хуже стало, такъ какъ подъ спиной былъ гипсъ, и высоко, и плотно наложенный. Но, слава Богу, что хотя ногу-то не отняли.

6 и 7 Мая.—За эти два дня я много выстрадалъ. Нога болитъ невыносимо, стрѣляетъ такъ, что чуть глаза изъ орбитъ не выскакиваютъ, а тутъ еще вездѣ гипсъ жметъ, и бока, и животъ, и грудь, а ужъ спинѣ хуже всѣхъ досталось. Право, какимъ выносливымъ созданъ человѣкъ, что онъ въ силахъ выносить подобныя мученія!

Сегодня докторъ объявилъ мнѣ, что завтра меня отправятъ дальше къ Телину.

8 Мая.—Утромъ, часовъ въ 10, китайскіе кули были готовы для переноски больныхъ и раненыхъ, а въ томъ числѣ и насъ. Всего набралось съ нами около 100 человѣкъ. Немного погодя, пришли доктора и, осмотрѣвъ меня, или вѣрнѣе сказать, сдѣланную изъ меня гипсовую статую, попрощались съ нами; насъ положили на носилки, а нѣкоторыхъ, кто поздоровѣе, на арбы, и подали команду „Кайро, кайро“! И насъ понесли на югъ, къ Японіи. Вечеромъ, часовъ въ 8, насъ принесли въ деревню Чин-джи-гау и помѣстили на ночлегъ какъ разъ въ той же фанзѣ, въ которой мы ночевали 1 Марта при отступленіи нашихъ войскъ отъ Телина. Тяжело было смотрѣть на все то, что мы оставили, и сознавать, что все это такъ недавно принадлежало Россіи, а теперь уже въ рукахъ японцевъ! Посмотрѣлъ я на желѣзную дорогу и на взорванный нами мостъ возлѣ деревни, и тутъ же стояла однопарная повозка русской арміи съ разбитымъ колесомъ... И такъ грустно мнѣ стало, когда я поглядѣлъ на нее, какъ будто она была живое существо и, раненая,

брошена безъ помощи, и въ такомъ печальномъ видѣ стоитъ и съ упрекомъ смотритъ на насъ. А въ это время японцы, показывая мнѣ на нее пальцами, говорили съ насмѣшкой: россіянъ, россіянъ. Я ничего не сказалъ на ихъ замѣчаніе, но про себя подумалъ: знаю я, что она русская, и потому то она и дорога и мила мнѣ, и если бы я могъ, то подбѣжалъ бы къ ней, какъ къ какому нибудь товарищу, котораго не ожидалъ уже больше встрѣтить.

Ночью я лежалъ въ одной фанзѣ съ тремя ранеными японскими офицерами. Они очень вѣжливо обращались со мной и предлогали мнѣ водки, но я отъ нея отказался, такъ какъ мнѣ строго воспрещены были спиртные напитки.

Спалъ эту ночь очень мало изъ за холода.

9 Мая.—Утромъ, часовъ въ 8, намъ дали завтракать. Мнѣ дали 2 яйца, кружку молока и пачку бѣлыхъ сухарей (по японски хрипонъ). Послѣ завтрака къ намъ пришли кули, положили на носилки и понесли насъ до Телина по той самой дорогѣ, по которой мы такъ недавно еще отступали. Даже слѣды нашего отступленія были цѣлы: то попадалась сломанная телѣга, то желѣзо отъ сожженнаго обоза, даже одна походная кухня стояла безъ колесъ въ грязи возлѣ дороги. Пройдя дальше, мы видѣли, какъ обучаютъ молодыхъ лошадей кавалерійской и артиллерійской службѣ. Кромѣ этого, намъ по дорогѣ встрѣчалась масса большихъ транспортовъ, обозы, арбы и японскія маленькія двуколки; они везли кто фуражъ, кто правіантъ, а нѣкоторые и огнестрѣльные припасы; когда насъ поднесли къ Телину, гдѣ взорванъ нашъ желѣзнодорожный мостъ, мы увидали, что по рѣкѣ то и дѣло снуютъ взадъ и впередъ китайскія джонки, а на нихъ везутъ шпалы и разные припасы, а возлѣ самаго моста строятъ путь на какихъ то деревянныхъ быкахъ. Желѣзный мостъ весь былъ изуродованъ и взорванъ въ пяти мѣстахъ.

Когда насъ принесли въ Телинъ, то кули остановились на улицахъ базара, чтобы что нибудь купить себѣ изъ съѣстного. Китайцы увидали насъ и, желая посмотрѣть на русскихъ плѣнныхъ, кругомъ обступили наши носилки несмѣтнымъ числомъ; нѣкоторые выражали жалость, что можно было замѣтить по ихъ печальному выраженію лица, но нѣкоторые, злобно посматривая на насъ, смѣялись надъ нами, говоря: „русски пушанго; карабчи ло-

майла, кантрами пилюля давайла, шибко знакомъ мію мію“, а указывая на японцевъ говорили:—„шибко татада, шибко знакомъ: ломайла карабчи мію мію татада шанго, шанго“, т. е. русскіе не хорошіе, воруютъ, разрушаютъ, убиваютъ, бьютъ, не дружатся, а японцы очень хорошіе, познакомились, не разрушаютъ, не воруютъ, очень хорошіе.—Грустно мнѣ было выслушивать ихъ справедливые упреки, а еще грустнѣе признавать, что все это говорятъ они правду, и теперь ничего нѣтъ удивительнаго, что они высказываютъ это намъ, безпомощнымъ, беззащитнымъ единицамъ русскаго воинства, въ которыхъ они видятъ виновниковъ полнаго своего разоренія. Что бы я могъ сказать въ свое оправданіе? Развѣ бы они повѣрили, что я всегда жалѣлъ и защищалъ ихъ? И я молчалъ. А впрочемъ, говорили они такъ, быть можетъ, не потому, что японцы очень ужъ гуманно обращались съ ними, а потому, что они у нихъ теперь въ рукахъ. Вѣдь говорили же они и намъ, что „русски шибко шанго, шибко знакомъ“, а между тѣмъ ихъ въ это время обирали какъ липку

Скоро раздалась команда „Кайро, кайро“, и кули подхватили насъ и потащили на вокзалъ, въ нашъ бывшій госпиталь, гдѣ мы еще такъ недавно распоряжались, какъ у себя дома; теперь тамъ кое-что ужъ изломано, и валялись кучи разныхъ обгорѣлыхъ матеріаловъ и припасовъ провіанта. Когда насъ внесли въ помѣщеніе госпиталя, то доктора и прислуга подошли къ намъ и сказали:—„россіянъ ой ни ероси кайро Харбинъ и синджо мофу мокура“, т. е. очень хорошо, что русскіе ушли въ Харбинъ и подарили намъ одѣяла и матрацы. Насъ положили вмѣстѣ съ японскими ранеными. Вскорѣ пришелъ докторъ, осмотрѣлъ мою гипсовую повязку и сказавъ:—„Ероси, ероси, скосе итай,—т. е. хорошо, хорошо, немного болитъ“—ушелъ отъ насъ. Потомъ дали намъ на обѣдъ консервы тушенаго мяса русскаго приготовленія.

10, 11 и 12 Мая.—Утромъ приходили два доктора, которые и вчера были, и одинъ старшій, посмотрѣли на раненыхъ и ушли.

Послѣ ихъ ухода ко мнѣ и Замараеву очень лѣзли японскіе солдаты, какъ раненые, такъ и здоровые, и не давали намъ покоя. То и дѣло подходили къ намъ съ переводными книжками и распрашивали о разныхъ пустякахъ, и до такой степени доняли меня, что я не вытерпѣлъ и оттолкнулъ отъ себя одного изъ нихъ. Тотъ

обозлился и сталъ грозить мнѣ кулакомъ, другіе тоже соскочили и бросились ко мнѣ, такъ что около насъ собралась цѣлая толпа, и всѣ смотрѣли на насъ очень косо и показывали кулаки. Тогда я закричалъ, чтобы меня кто нибудь избавилъ отъ наступающей толпы, такъ какъ, зная, что мы не въ состояніи сопротивляться, они могли надѣлать намъ большихъ непріятностей. На наши крики пришли дежурный докторъ и фельдшеръ и стали спрашивать, въ чемъ дѣло. Но я ихъ не понялъ, да и они меня тоже, а эти нахалы въ свое оправданіе, указывая на меня, говорятъ — „Уцъ! Уцъ!"—объясняя этимъ, что я ударилъ одного въ грудь кулакомъ. Когда привели переводчика, я разсказалъ, въ чемъ было дѣло, и тогда насъ перевели въ другую комнату и поставили къ намъ караулъ изъ 6 человѣкъ. Двое часовыхъ слѣдили за нами и не пускали къ намъ никого, кромѣ докторовъ или иного начальства, которое часто приходило смотрѣть насъ, и прислуги, за нами ухаживавшей. Перевязки мнѣ не дѣлали никакой, такъ какъ на мнѣ все еще былъ гипсъ; въ такомъ положеніи я пробылъ еще два дня, 11 и 12 Мая.

13 Мая.—Въ 10 часовъ утра насъ положили на носилки и понесли на станцію желѣзной дороги для отправки въ Мукденъ. На станціи пришлось долго ожидать поѣзда. Наконецъ, поѣздъ былъ поданъ, но оказалось, что весь онъ состоялъ изъ угольныхъ платформъ. Насъ положили на одну изъ нихъ и поставили къ намъ часовыхъ. Японскихъ раненыхъ на этотъ поѣздъ набралось 22 платформы; кто могъ сидѣть—тѣхъ помѣщали по 16 чел., а лежачихъ по 6 человѣкъ на каждую платформу, и черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ тронулся. Я все время посматривалъ по сторонамъ на тѣ знакомыя мнѣ мѣста, гдѣ мнѣ и многимъ моимъ товарищамъ по оружію пришлось вынести много горя и мученій, и гдѣ многіе нашли здѣсь мѣсто вѣчнаго успокоенія. Когда мы подъѣхали къ Мукдену, то вся атмосфера была наполнена какимъ-то зловоніемъ, какъ будто вся земля кругомъ была пропитана кровью и своимъ гніеніемъ заражала воздухъ. Кое гдѣ виднѣлись крестики православныхъ воиновъ, но много крестовъ было уже уничтожено китайцами.

А поѣздъ, громыхая, все подавался впередъ и, наконецъ, пронзительно свиснувъ, остановился у платформы станціи Мук-

денъ. Къ намъ сейчасъ же подошли санитары и, взявъ насъ, унесли на носилкахъ въ госпиталь. Меня помѣстили въ офицерскую палату, гдѣ было 7 человѣкъ японскихъ офицеровъ. На обѣдъ давали то же, что и прежде въ другихъ госпиталяхъ, т. е. яйца, молоко и консервы русскаго приготовленія. Послѣ нашего обѣда пришелъ докторъ, выстукалъ, что-то написалъ, и ушелъ. Тутъ уже все было въ русскомъ вкусѣ, какъ было оставлено русскими при отступленіи ихъ къ Харбину: почти всѣ постройки, вокзалъ, госпиталя и частные дома,—все было цѣлое, и въ госпиталяхъ были тѣ же русскія кровати, одѣяла, простыни и все, что принадлежало госпиталю. Ночью я спалъ очень плохо, нога сильно болѣла, да и я былъ сильно разстроенъ.

Намъ объявили, что завтра насъ отправятъ въ Лаоянъ или прямо въ Дальній къ морю.

14, 15, 16, 17 Мая.—Съ утра приходилъ докторъ, посмотрѣлъ, выслушалъ, смѣрилъ температуру, и оказалось, что мнѣ, въ такомъ состояніи здоровья, нельзя продолжать дальнѣйшій путь, и докторъ приказалъ перенести меня въ другой госпиталь. Когда меня перенесли туда, то я увидалъ тамъ двухъ русскихъ солдатъ: одинъ былъ безъ руки, а другой безъ ноги и почти безъ жизни. Онъ былъ такой худой, такой страшный и такъ неистово кричалъ, что безъ слезъ на него невозможно было смотрѣть и слушать его мученія. У него было три раны въ лѣвой ногѣ, повыше колѣна и у самаго бедра, такъ что и отрѣзать было невозможно, да и лѣченію нога не поддавалась и почти вся обгнила, и онъ обязательно долженъ былъ умереть. Мучился онъ такъ съ 25 Февраля и ужасно кричалъ, то „ратуйте!“ (спасите), то „убейте, зарѣжьте!“ послѣ чего, потерявъ сознаніе, молчалъ не долгое время и опять принимался кричать. Такимъ образомъ, мы провели здѣсь и 15, 16 и 17 Мая.

18 Мая.—За всѣ дни пребыванія моего въ Мукденѣ, кормили насъ какимъ то отвратительнымъ супомъ изъ консервированнаго мяса. Мясо было хотя и хорошее, но его очень мерзко приготовляли. Лѣчить—тоже ничѣмъ не лѣчили, только давали краснаго вина для утоленія жажды. Въ 11 часовъ насъ отправили къ Лаояну, а съ нами былъ отправленъ и безрукій солдатикъ Макаровъ. Когда меня положили опять на угольную или баласт-

ную платформу, то, по моей настоятельной просьбѣ, меня оставили на носилкахъ. Они были съ ножками, какъ у кровати, и на толчкахъ, поэтому, не такъ трясло; кромѣ того, на нихъ было мягко лежать и лучше видна мѣстность, лежавшая по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги.

Все было готово къ отъѣзду, и кондукторъ японецъ далъ свистокъ къ отправленію. Паровозъ рявкнулъ, и поѣздъ тронулся. Я усиленно смотрѣлъ на тѣ мѣста, гдѣ такъ недавно былъ жаркій кровопролитный бой, и въ моемъ воображеніи какъ живые встали тѣ многіе русскіе герои, которые храбро защищались и сложили здѣсь свои головы.

По дорогѣ мнѣ видна была очень хорошо вся ближайшая мѣстность, и я вспоминалъ знакомыя мѣста, гдѣ приходилось биться и переносить страшную нужду и горе: станція Суетунь, на которой и возлѣ которой мнѣ приходилось очень часто бывать, была почти вся раззорена и разбита; рѣка Шахе, гдѣ мы стояли 5 мѣсяцевъ на боевой позиціи и положили много трудовъ надъ устройствомъ разныхъ укрѣпленій, окоповъ, редутовъ, люнетовъ и фугасовъ, которые пришлось затѣмъ бросить безъ всякой пользы. Теперь китайцы все уже разрыли и начали сѣять гаолянъ, чумизу и пр. Наконецъ, мы стали подходить къ Лаояну и, при нашемъ приближеніи, я замѣтилъ, что кое какія постройки были цѣлы, а изъ большинства разбитыхъ нѣкоторыя уже исправлены а иныя лишь исправляются. Издали видно было водоемное зданіе, водяной резервуаръ, высоко стоявшій водяной бакъ, весь обгорѣлый, и тутъ же не далеко, на запасномъ пути, два русскихъ товарныхъ вагона, оба разбитые: одинъ стоялъ, а другой лежалъ на боку, и такъ было жалко смотрѣть на него, какъ будто на живое израненное существо, желающее что то сказать своему земляку. Скоро поѣздъ остановился, и меня понесли въ одну небольшую комнату, гдѣ раньше жили русскіе желѣзнодорожные служащіе. Немного погодя пришелъ докторъ, осмотрѣлъ меня, далъ какіе то три порошка и ушелъ.

Вечеромъ пришелъ переводчикъ и началъ много болтать; потомъ слышу, на улицѣ какой то шумъ, крикъ, визгъ, японскія пѣсни, словомъ—что то необъяснимое, словно стаи куръ кудахтали. Я спросилъ переводчика, въ чемъ дѣло, но онъ почему-то мол-

чалъ, а потомъ сказалъ, что это празднуютъ побѣду надъ Балтійской эскадрой адмирала Рождественскаго. Весь русскій флотъ разбитъ а остальной взятъ въ плѣнъ 14—15 Мая. Тутъ я сталъ жалѣть и защищать свой флотъ, говоря, что этого не можетъ быть! Онъ замѣтилъ мою печаль и сказалъ, что нѣкоторыя суда успѣли спастись въ нейтральныхъ портахъ, Шанхаѣ и др. Послѣ этого онъ спросилъ меня: у васъ есть русскія деньги? Покажите мнѣ,—говоритъ мнѣ переводчикъ,—какія?—Я безъ стѣсненія показалъ ему, и онъ сталъ просить меня для коллекціи одну бумажку.—У меня, говоритъ, разныхъ державъ есть деньги, только русскихъ нѣтъ; дайте, пожалуйста. А у меня были одна бумажка въ 10 руб., двѣ по 5 руб. и одна въ 3 рубля. Я, чтобы отвязаться, далъ ему 3 рубля, но онъ сталъ просить дать ему 5 рублевую бумажку; но тутъ ужъ я рѣшительно отказалъ, и онъ, поблагодаривъ и за 3 рубля, ушелъ, обѣщая меня завтра проводить. Но я не видалъ его больше.

19 Мая.—Утромъ былъ докторъ и сказалъ, что я могу продолжать путь. Въ 2 часа подали поѣздъ, меня взяли на носилки и отнесли на вокзалъ, гдѣ положили не на открытую платформу, а въ закрытый товарный вагонъ, на соломенный матрацъ. Тутъ, кромѣ меня, было 5 человѣкъ раненыхъ японскихъ офицеровъ. Видѣть мѣстность я, къ моему огорченію, не могъ и предался размышленію о томъ, какія страшныя послѣдствія дастъ для Россіи пораженіе японцами русскаго флота.

Вечеромъ на станціи Инкоу мнѣ дали обѣдать: два яйца и варенаго рису въ деревянномъ ящикѣ; въ одной его половинѣ былъ рисъ, а въ другой какая то противная, кислая вонючая зелень; все это было безъ соли и очень не вкусно; къ тому же я не зналъ, какъ мнѣ приняться за ѣду: къ разсыпчатому рису не дали ложки, а двѣ какихъ то палочки, но какъ ѣсть ими я даже и понять не могъ, и рѣшилъ ѣсть руками, да къ тому же лежа ѣсть было очень неудобно. Между тѣмъ мои сосѣди, японскіе офицеры, очень ловко ѣли рисъ такими же палочками и проворно подхватывали ими сыплющіяся крупинки.

20 Мая.—Часа въ 4 дня поѣздъ пришелъ въ городъ Дальній. Тутъ меня осторожно вытащили изъ вагона и понесли въ госпиталь. Пока меня несли туда, я разсматривалъ вокругъ себя

городъ и видѣлъ много нашихъ русскихъ домовъ, заводы съ длинными трубами и другія постройки всевозможныхъ стилей. Меня помѣстили во второмъ этажѣ и положили въ отдѣльной комнатѣ. Туда приходили ко мнѣ доктора и фельдшера, но лѣчить—ничѣмъ не лѣчили. Кормили очень скверно, какой то сухой рыбой.

21—27 Мая.—Семь этихъ дней моего пребыванія въ Дальнемъ прошли однообразно. Кое когда ко мнѣ приходили японскія начальствующія лица и офицеры. Скука страшная, читать нечего; давали мнѣ смотрѣть альбомы съ картинами изъ Русско-Японской войны, но они еще болѣе разстраивали меня, такъ какъ во всѣхъ этихъ картинкахъ были насмѣшки надъ русскими войсками, и на нихъ изображено, что русскіе стоятъ на колѣняхъ передъ японцами и просятъ пощады, а на иныхъ—сотни русскихъ убѣгаютъ отъ 5—6 японцевъ, бросая свое оружіе; однимъ словомъ, самыя непріятныя для русскаго человѣка воспоминанія и, притомъ, увеличенныя во сто кратъ.

28 Мая.—Утромъ пришли доктора, написали что-то на моихъ санитарныхъ бумагахъ и сказали мнѣ, что сегодня всѣхъ русскихъ и японскихъ раненыхъ отправляютъ на пароходѣ въ Японію.

Услыхавъ это, я не зналъ, какое чувство овладѣло мною: не то радость, не то печаль. И грустно было, и ужъ очень хотѣлось увидѣть кого нибудь изъ русскихъ, о которыхъ я очень соскучился за это время.

Въ 3 часа меня отнесли на вокзалъ и помѣстили въ вагонъ. Тутъ уже было человѣкъ шесть русскихъ раненыхъ, плѣнныхъ еще съ Мукденскаго боя: трое безъ ногъ, одинъ безъ рукъ и одинъ безъ лѣваго бока, потому что, раненый въ голову, онъ оказался разбитымъ параличомъ, и затѣмъ—мой Замараевъ, съ которымъ я вмѣстѣ попалъ въ плѣнъ.

Скоро поѣздъ тронулся и пошелъ къ морской пристани, гдѣ и остановился. Съ парохода Краснаго Креста къ намъ вышли хорошенькія японскія сестры милосердія, съ черными, какъ смоль, глазами, въ бѣлыхъ платьяхъ и бѣлыхъ форменныхъ колпачкахъ; четыре сестрицы очень осторожно взяли меня на носилки и понесли на пароходъ „Тайримару Сикю Зюдзи", гдѣ и положили въ каютѣ. Скоро пароходъ отчалилъ отъ берега и мнѣ стало грустно. Надо отдать справедливость этимъ вѣрнымъ труженицамъ своего

долга, добрымъ сестрицамъ милосердія, что онѣ хорошо ухаживаютъ за всѣми больными, не обращая вниманія на національность; для нихъ все равно, что русскій, что японецъ, онѣ со всѣми обращаются предупредительно, ласково, нѣжно, какъ хорошая мать съ ребенкомъ.

Ко мнѣ неоднократно приходили доктора, офицеры и прочее начальство парохода, и ихъ всегда провожали четыре и болѣе сестрицъ. Онѣ давали мнѣ русскія книги и разные альбомы, принесли гитару и гармонику, на которыхъ я не умѣю играть, приносили даже граммофонъ и играли разные куплеты, хотя я ихъ и не понималъ, и кормили очень хорошо европейскими кушаньями.

29 Мая.—Пароходъ шелъ очень хорошо, почти безъ качки. Вчера и сегодня я ничего не видалъ, такъ какъ вставать я не могъ, а окна были высоко надо мною и я не могъ въ нихъ заглядывать. Скучать мнѣ почти не приходилось, потому что то и дѣло приходили гости—то начальство, то сестры—и постоянно развлекали меня.

30 Мая.—Утромъ, проснувшись очень рано, я сталъ прислушиваться къ ходу парохода и, къ удивленію своему, замѣтилъ, что пароходъ стоитъ на мѣстѣ.

Я сперва обрадовался, такъ какъ въ головѣ моей мелькнула мысль, ужъ не преградилъ ли намъ путь нашъ русскій флотъ, который всѣ считаютъ погибшимъ? А вдругъ часть его уцѣлѣла и теперь появилась въ этихъ водахъ?.. Чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ подозрѣній, я нажалъ кнопку электрическаго звонка и ко мнѣ сейчасъ же прибѣжали сестры милосердія. Я сталъ спрашивать, почему не идетъ пароходъ. Онѣ указали мнѣ рукою на окно и говорятъ:—„Аме кери бонтай кантай татакай икусай Россіянъ Рождественскій нипонъ Камимура и Того татакай такакай". Я кое что понялъ изъ этихъ словъ. Они обозначали:—дождь, туманъ; здѣсь былъ бой флота и много плаваетъ минъ; здѣсь дрались русскій Рождественскій и японскіе Камимура и Того.—Тогда я понялъ, почему нельзя было идти: кругомъ плавали мины и въ туманѣ легко было наскочить на одну изъ нихъ.

Такъ мы простояли до 11 часовъ. Но наконецъ поднялся вѣтеръ и, разогнавъ туманъ, далъ намъ возможность идти далѣе. Пароходъ снялся съ якоря и сталъ продолжать свой путь, но непріятно покачиваясь уже съ боку на бокъ...

31 Мая.—Сегодня качка усилилась и такъ начало качать, что терпѣть не было никакой возможности; многіе уже страдали морской болѣзнью, а нѣкоторые лежали даже безъ чувствъ. Мнѣ было дурно, тошно и сильно болѣла голова, но всетаки я благополучно вынесъ эту качку безъ морской болѣзни. У меня сидѣли сестрицы безвыходно и такъ какъ я сильно страдалъ головною болью, то онѣ постоянно прикладывали компрессы. Я спросилъ, скоро ли будетъ конецъ этому мучительному плаванью, и мнѣ отвѣтили, что скоро будетъ остановка около города Дайри, гдѣ мы будемъ высаживаться. И дѣйствительно, часовъ въ пять нашъ пароходъ заревѣлъ своимъ хриплымъ свисткомъ и остановился у какихъ то, покрытыхъ роскошной растительностью, береговъ и отдалъ якорь.

Меня вынесли въ большую каюту, гдѣ передъ спускомъ обмывали какъ солдатъ, такъ и плѣнныхъ. Такъ какъ я лежалъ загипсованный, то меня мыли немного, и этому я отчасти былъ очень доволенъ, потому что отъ долгаго лежанья у меня появилась масса бѣлыхъ паразитовъ, въ особенности вокругъ гипсовой повязки, гдѣ они буквально кишѣли, и это меня очень стѣсняло, такъ какъ при нашемъ обмываніи присутствовали доктора, и сами сестры обмывали насъ. Всѣ прочіе легко раненые стояли совершенно нагими, и сестры безъ стѣсненія обмывали ихъ. Послѣ нашего обмыванія, меня вмѣстѣ съ другими русскими перенесли и положили въ одну изъ шести большихъ лодокъ, которыя пристали къ пароходу; всѣ лодки были прикрѣплены одна къ другой, а передняя—на буксирѣ у небольшого баркаса. Когда остальныя лодки были нагружены больными и ранеными японскими солдатами, баркасъ далъ свистокъ и, отчаливъ отъ борта парохода, повелъ наши лодки къ лѣвому берегу. При отходѣ нашемъ отъ парохода, сестры милосердія, провожая насъ, желали намъ скораго возвращенія на родину, здоровья и пр., привѣтливо кивая намъ своими головками и ласково улыбаясь. Вообще японскія сестры милосердія произвели на меня очень хорошее впечатлѣніе. Отъ нихъ рѣшительно ничего нельзя требовать бо̀льшаго, такъ свято и прекрасно исполняютъ онѣ свой долгъ милосердія.

Постепенно приближались мы къ японскому берегу, и, съ приближеніемъ нашимъ, я все болѣе и болѣе восхищался чуднымъ

видомъ поросшихъ тропическими растеніями береговъ. Это какой то рай земной, если только онъ можетъ существовать на землѣ. Всѣ высокія крутыя горы и расположенныя на берегу постройки буквально утопали въ зелени и цвѣтахъ. Воздухъ былъ замѣчательно пріятный.

Скоро мы пристали къ берегу одного изъ острововъ и, глядя отсюда на пароходъ, казалось, что онъ стоитъ на рѣкѣ, такъ какъ расположенные вокругъ острова скрывали со всѣхъ сторонъ горизонтъ моря. Кругомъ сновали баркасы и лодки и мелкія парусныя суда. На берегу толпилась большая масса народа, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пришедшихъ встрѣтить прибывшихъ раненыхъ японскихъ солдатъ, которыхъ было съ нами около 200 человѣкъ. Тутъ я впервые увидалъ японскій народъ въ его оригинальныхъ костюмахъ. Кто былъ одѣтъ только въ кимоно (халатъ), безъ рубашки и брюкъ, а кто въ однихъ курточкахъ, а то даже и безъ нихъ, прямо въ костюмахъ Адама, при чемъ вмѣсто винограднаго листка употреблялись какія-то полотенца. Но нѣкоторые одѣты были по европейски: шикарныя шляпы, манишки, трости и проч. Женщины тоже поражали своей простотой костюма: на иныхъ были легкіе полупрозрачные кимоно, безъ всякаго признака нижняго бѣлья, съ грудями на распашку до самаго пояса; за спиною у нѣкоторыхъ были привязаны дѣтишки, которыя, мотаясь на ходу, преспокойно спали, покачивая головами. Какъ видно, японцы не стѣсняются другъ друга и одѣваются лишь на военной службѣ, и то лишь въ строю. Дѣтишки за спиною не мѣшаютъ женщинамъ даже стирать бѣлье на берегу моря, хотя мнѣ такъ даже смотрѣть было страшно: того и гляди ребенокъ вывалится и упадетъ въ воду.

Къ намъ подошли санитары и понесли по какимъ то аллеямъ въ баню; туда же проведены были рельсы, по которымъ подвозили больныхъ. Меня вымыли, а всѣ вещи дезинфецировали паромъ, и послѣ этого отправили въ госпитальный баракъ. Тутъ пришелъ докторъ и, осмотрѣвъ, призналъ меня и еще двухъ годными къ отправкѣ въ гор. Фукуока, а слабыхъ въ Кукуро. На ужинъ намъ дали борщъ изъ капусты съ мелкой рыбой, который мы съ аппетитомъ съѣли, и не потому, что онъ былъ вкусенъ, а потому, что ужъ очень соскучились по горячей пищѣ.

Ночью я долго не могъ уснуть: то отчаянно кусали комары, то кричали цѣлыя стаи лягушекъ, и только къ утру очень крѣпко уснулъ, истомленный длиннымъ путешествіемъ и безсонной ночью.

1 Іюня.—Сегодня, переночевавъ первую ночь на японскомъ берегу, въ городѣ Дайри, я проснулся очень рано. Руки, локти, лицо, все было ужасно искусано комарами, до неузнаваемости. По всему тѣлу, остававшемуся неприкрытымъ одѣяломъ или одеждой, вздулись крупные красные волдыри, которыенестерпимо чесались.

Спали мы всѣ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, въ досчатыхъ баракахъ, на мягкомъ полу, покрытомъ японскими циновками, подъ которыми подложены были очень ровно толстые соломенные маты. Кроватей для больныхъ здѣсь не существовало, такъ какъ бараки эти были временные, для пріема проходящихъ войскъ, какъ въ Маньчжурію, такъ и обратно.

Вскорѣ пришелъ докторъ и осмотрѣлъ насъ всѣхъ. Троихъ нашихъ спутниковъ призналъ серьезно больными и отправилъ въ городъ Кукуро, а мнѣ и еще тремъ раненымъ сказалъ, что завтра насъ отправятъ въ городъ Фукуока, гдѣ намъ будетъ очень хорошо, такъ какъ тамъ много русскихъ плѣнныхъ, забранныхъ подъ Мукденомъ. Послѣ этого докторъ ушелъ и прислалъ намъ какого то спирта для смазыванія комариныхъ укусовъ.

Вскорѣ послѣ ухода доктора пришли какіе то камбіоны, т. е. писаря, съ переводчиками и переписали насъ всѣхъ: какого рода оружія, гдѣ взяты въ плѣнъ, и записывали званіе, имя, отчество, фамилію, какого полка, какой роты, какой губерніи, уѣзда, волости, села или деревни, и кто какъ раненъ и куда, т. е. тяжело, или легко, или совсѣмъ не раненъ.

Въ 12 часовъ принесли обѣдъ, приготовленный изъ свеклы, рѣдьки, зеленаго луку и мелкой рыбицы, вродѣ нашей, хамсы; къ обѣду дали по куску бѣлаго хлѣба и по кружкѣ чаю безъ сахара. На ужинъ давали то же, что и на обѣдъ; но уже супъ показался не такимъ вкуснымъ, какъ въ первый разъ, хотя онъ былъ нисколько не хуже. Не успѣли мы поѣсть, какъ зажгли электричество, и комары, словно по командѣ, загудѣли сперва на потолкѣ, а затѣмъ цѣлыми легіонами съ каждой минутой все ближе и ближе и, наконецъ, атаковали насъ со всѣхъ сторонъ и стали

жалить наши руки, щеки, лобъ и уши, и всюду, гдѣ только могли добраться до тѣла.

Съ началомъ ихъ концерта на дворѣ раздался и другой изъ милліоновъ лягушекъ, сверчковъ и многихъ другихъ насѣкомыхъ; трескотня была невообразимая и обо снѣ нечего было и думать, и мы, внимая этой музыкѣ, съ ожесточеніемъ шлепали себя по укушеннымъ мѣстамъ.

2 Іюня.—Утромъ мы всѣ проснулись очень рано, съ тяжелой головой отъ безсонницы, такъ какъ комары буквально всю ночь не давали покоя своими укусами, а трескотня лягушекъ, не умолкая до утра, окончательно бѣсила меня.

На завтракъ былъ поданъ намъ чай, немного сахарнаго песку и по одной булкѣ. Обѣдъ и ужинъ—такой же, какъ и вчера. Мимо нашихъ бараковъ ежечасно пролетали поѣзда и дразнили насъ своими пронзительными свистками. Намъ было очень непріятно, что докторъ не исполнилъ своего обѣщанія и оставилъ насъ еще на однѣ сутки томиться въ этомъ проклятомъ разсадникѣ комаровъ и лягушекъ.

3 Іюня.—Утромъ проснулись по обыкновенію рано, потому что комариные и лягушачьи концерты не умолкали всю ночь.

Въ 8 часовъ принесли завтракъ: чай безъ сахару и по куску бѣлаго хлѣба. Но у меня остался сахаръ еще съ парохода, а потому я въ сахарѣ не нуждался и даже подѣлился имъ со своими ранеными спутниками.

Послѣ завтрака пришелъ переводчикъ и заявилъ, что сегодня въ 11 часовъ насъ отправятъ по желѣзной дорогѣ въ гор. Фукуока.

Вскорѣ пришли санитары съ носилками, положили насъ на нихъ и понесли къ берегу заливчика, къ небольшой шлюпкѣ, взятой съ попавшаго въ плѣнъ русскаго крейсера „Уралъ“, на которой и перевезли насъ черезъ небольшой проливъ къ станціи желѣзной дороги, расположенной на противоположномъ берегу. Тамъ, съ берега, я посмотрѣлъ на проливчикъ, который мы только что переѣхали, и увидалъ на немъ много двухтрубныхъ и однотрубныхъ пароходовъ, массу парусныхъ шхунъ, лайбъ, шлюпочекъ, мелкихъ лодочекъ; все это кишмя кишѣло, какъ въ муравейникѣ, и японцы копошились на нихъ и по берегамъ, увозя и привозя всевозможные товары и разную публику. На берегу собралась масса

народа въ самыхъ разнообразныхъ и живописныхъ разноцвѣтныхъ костюмахъ. Кто одѣтъ былъ по военному, кто по европейски съ нѣкоторой элегантностью: въ хорошихъ соломенныхъ и поярковыхъ шляпахъ, а иные даже въ цилиндрахъ, но большая часть въ роскошныхъ японскихъ костюмахъ, т. е. въ богатыхъ шелковыхъ кимоно, въ короткихъ, вродѣ купальныхъ кальсонъ, съ голыми ногами, на высокихъ, до двухъ вершковъ вышины скамеечкахъ, или же въ соломенныхъ сандаліяхъ, съ шикарными тросточками въ рукахъ или безобразными большими японскими зонтиками или вѣерами, которыми постоянно опахивались отъ нестерпимой жары. Намъ тоже дарились вѣера, но мы равнодушно не могли пользоваться ими, такъ какъ намъ казалось очень смѣшнымъ и неестественнымъ видѣть мужчину съ вѣеромъ, да къ тому же еще военнаго. Большая часть толпы состояла изъ простонародія, или рабочихъ, въ очень оригинальныхъ костюмахъ или, вѣрнѣе, почти безъ нихъ. И никто не стѣснялся присутствіемъ ихъ тутъ чуть не въ адамовомъ костюмѣ, и рядомъ съ ними свободно стояли дурныя и недурныя японки, и многія изъ нихъ были очень неряшливо одѣты, съ полуобнаженными чуть не до пояса тощими грудями. Но зато ни одной японки я не видалъ неряшливо причесанной, и у всѣхъ ихъ была своеобразная японская прическа, съ лежащими правильными рядами волосами и оригинальными завитушками.

Отсюда насъ понесли черезъ небольшой базарчикъ, на которомъ торговали преимущественно однѣ женщины съ выкрашенными черными зубами, что очень портило ихъ лица. Иная очень хорошенькая японочка, а во рту, вмѣсто зубовъ, какъ будто насажены черныя арбузныя сѣмячки. Глядя на нее, даже жаль дѣлалось, зачѣмъ такъ безобразятъ лицо такой хорошенькой женщины? А другая и сама то по себѣ безобразна, а ужъ съ черными зубами прямо вѣдьма какая-то.

Оказывается, что женщины, красящія свои зубы, придерживаются древняго японскаго обычая, требующаго, чтобы всѣ замужнія женщины красили себѣ зубы. Но теперь уже многія не придерживаются этого обычая, и уже не мало женщинъ можно встрѣтить съ бѣлыми зубами.

На этомъ базарѣ продавалась преимущественно зелень,— фрукты и огородныя овощи: свекла, рѣдька, редиска и пр.; кромѣ

того, разная трава, и особенно бросалась въ глаза масса микановъ гигантской величины, вѣсомъ отъ двухъ до трехъ фунтовъ. Это нѣчто среднее между апельсиномъ и померанцемъ, съ очень толстой кожей, болѣе четверти вершка, по вкусу напоминающее апельсинъ, но много хуже и кислѣе. Мнѣ захотѣлось купить ихъ нѣсколько штукъ и я сказалъ объ этомъ переводчику, который остановилъ носилки. Я далъ ему денегъ, но онъ, увидя ихъ, сказалъ, что эти деньги здѣсь не примутъ. Это меня очень удивило:—„какъ, говорю, не примутъ? Да, вѣдь, это японскія деньги! Я ихъ нарочно въ Дальнемъ вымѣнялъ, такъ какъ мнѣ сказали, что русскія деньги не въ ходу въ Японіи!"—Но тутъ переводчикъ объяснилъ мнѣ, что это собственно не деньги, а контромарки, замѣняющія въ Маньчжуріи деньги, но только въ Маньчжуріи, а не въ Японіи, такъ какъ уплата по этимъ деньгамъ будетъ производиться изъ русской контрибуціи.

Вотъ такъ штука! Вышло такъ, что я съ японскими деньгами да въ Японіи же безъ денегъ остался! Это меня прямо въ неловкое положеніе поставило, такъ какъ у меня всѣ деньги были размѣнены на эти бумажки, крупныя и мелкія, начиная отъ 1 р. и кончая 10 к. Бумажки эти очень походятъ по виду своему на ярлыки съ бутылокъ, всѣ почти одинаковой величины и только разнаго цвѣта, напр., 10 к. желтоватаго, 20 к. красноватаго, 50 к. синеватаго и 1 р. сѣраго; на одной сторонѣ изображенъ драконъ, а на другой какіе то не то китайскіе, не то японскіе іероглифы.

Дѣлать было нечего, деньги не годятся и мы хотѣли было продолжать путь безъ покупки, но тутъ подошелъ какой то чиновникъ, взялъ одну бумажку, посмотрѣлъ и говоритъ переводчику, что онъ возьметъ эту бумажку на память, а взамѣнъ ея дастъ мнѣ японскихъ денегъ. Я согласился, конечно, съ благодарностью, и онъ размѣнялъ мнѣ 20-копѣечную бумажку, а я купилъ 5 штукъ макановъ по 2 к. за штуку, громадныхъ, какъ мелкіе арбузы. Двѣ штуки я взялъ себѣ, а три отдалъ моимъ спутникамъ, и насъ понесли дальше на вокзалъ. Пока мы стояли, на вокзалѣ собралась такая огромная толпа японцевъ, что мы еле пробрались чрезъ нее; они окружили насъ, какъ дикари какіе нибудь, не видавшіе сроду людей другой націи.

По приходѣ на станцію, японцы положили насъ всѣхъ, меня и четырехъ нижнихъ чиновъ, въ особомъ вагонѣ прямо на полъ,

устланный толстыми соломенными матрацами. Вскорѣ подошелъ поѣздъ, нашъ вагонъ прицѣпили къ нему сзади и чрезъ нѣсколько минутъ поѣздъ тронулся. Я попросилъ переводчика не затворять дверей вагона, и потому, лежа вдоль вагона, на самой серединѣ, и поворачивая голову то въ одну то въ другую сторону, я могъ свободно видѣть всю мѣстность, лежащую по обѣимъ сторонамъ дороги. Поѣздъ шелъ очень быстро къ югу, и съ лѣвой стороны передо мною мелькала роскошная растительность: всюду видна была зелень—сосны, кедры, пихты, лиственницы, пальмы, камфорныя деревья, лавровыя, апельсиновыя и много другихъ, названій которыхъ я не зналъ. Между деревьями мелькали папоротники, а стволы деревьевъ обвивались, точно гигантскими змѣями, какимъ то очень гибкимъ деревомъ, не то виноградными лозами, не то гигантскимъ хмелемъ. Черезъ переводчика я узналъ, что это ліаны. Въ это время ліаны изобильно цвѣли, и мнѣ очень странно было сперва видѣть, что вдругъ простая сосна и цвѣтетъ какими то необыкновенными цвѣтами. Въ особенности понравился мнѣ легкій душистый японскій воздухъ, пропитанный дивнымъ ароматомъ лѣсовъ и цвѣтовъ.

На пахотныхъ поляхъ всюду виднѣлись работающіе мужчины, женщины и дѣти: кто жалъ, кто косилъ какими то крючками, похожими не то на серпъ, не то на косу; въ другомъ мѣстѣ только что сѣяли рисъ и что то пахали въ водѣ, которая была по колѣно быкамъ, за которыми шли женщины и дѣти, сажавшія какіе то зеленые пучки.

Я спросилъ переводчика, что это они дѣлаютъ, и онъ объяснилъ мнѣ, что это сажаютъ въ землю рисъ. Сѣютъ его сперва густо, какъ капустную разсаду въ разсадникахъ, и когда онъ выростаетъ вершка на два, то его вырываютъ и разсаживаютъ въ землю, наполненную водою. Пока рисъ не начнетъ колоситься, то очень любитъ воду, и потому у японцевъ на возвышенныхъ мѣстахъ устроены пруды, откуда проведены канавки на поля, а поля расположены террасами по склонамъ горъ; пройдя по одному полю, вода пропускается на другое, низшее, и такимъ образомъ орошались всѣ поля. Когда рисъ выколосится, то онъ уже не нуждается въ столь обильномъ орошеніи; вода выпускается и онъ дозрѣваетъ на сухой землѣ. Тогда его жнутъ или косятъ серпами—косами.

Съ другой стороны пути невдалекѣ виднѣлось море, на которомъ сновало взадъ и впередъ множество разныхъ пароходовъ. Около станцій, мимо которыхъ мы проѣзжали и на которыхъ очень мало останавливались, по обѣимъ сторонамъ пути, встрѣчались деревушки. Постройки были очень плохи и такъ скучены, что по всей деревнѣ стѣна одного дома соприкасалась со стѣною сосѣдняго дома, какъ будто они всѣ были подъ одной крышей. Гдѣ были двери и гдѣ окна въ этихъ домахъ, невозможно было скоро разсмотрѣть, такъ какъ всѣ стѣны состоятъ изъ рамъ, которыя не отворяются, а раздвигаются, и одна изъ нихъ служитъ дверью. Постройки такъ были близко расположены отъ дороги, что изъ вагона я ясно видѣлъ всю внутренность комнатъ. Въ нихъ особенной мебели не замѣчалось: шкафъ съ посудой и—больше ничего; ни столовъ, ни стульевъ, ничего не имѣется. Пока доѣхали мы до города Фукуока, мы проѣхали мимо массы мелкихъ станцій, на которыхъ поѣзда останавливались очень мало; я говорю мелкихъ потому, что въ Россіи мы привыкли на станціяхъ встрѣчать много желѣзнодорожныхъ построекъ, но въ Японіи ихъ нѣтъ; въ Россіи мы видимъ большіе вокзалы, въ Японіи ихъ нѣтъ. Да и вообще, глядя на ихъ постройки, путь, паровозы, вагоны, и на составъ поѣзда съ его прислугой, кажется, что вся эта желѣзная дорога какая-то игрушка: паровозы маленькіе, вагоны, какъ товарные, такъ и пассажирскіе, и послѣдніе въ особенности,—красивые, открытые, вродѣ нашихъ дачныхъ, и тоже миніатюрные; а кондуктора, машинисты и ихъ помощники—все какіе то мальчики отъ 12—16 лѣтъ на видъ. На самомъ дѣлѣ они старше, но такъ какъ всѣ они поголовно бреютъ себѣ усы, то и выглядятъ какими то юношами.

Къ 5 часамъ вечера поѣздъ остановился на станціи Хаказаки; нашъ вагонъ отцѣпили, а поѣздъ ушелъ дальше. Вскорѣ пришли санитары съ носилками и, положивъ на нихъ всѣхъ раненыхъ, понесли ихъ на вокзалъ. Меня положили позже всѣхъ, и только что понесли меня къ дверямъ вагона, какъ вдругъ сломались носилки и я чуть было не полетѣлъ внизъ головой; меня подхватили и я отдѣлался ничтожнымъ ушибомъ, но и большимъ испугомъ, такъ какъ если бы меня не успѣли подхватить, то я свернулъ бы себѣ голову или, въ лучшемъ случаѣ, сшибъ бы съ мѣста ногу. Вскорѣ принесли другія носилки, болѣе крѣпкія, и

я былъ перенесенъ на вокзалъ. Пока лежалъ я на вокзалѣ, вокругъ меня собралась большая толпа народа. Тутъ были и старые, и молодые и между ними было много женщинъ, которыя съ очень грустнымъ лицомъ смотрѣли на меня, иныя даже плакали и тяжело вздыхали. Навѣрно у нихъ тоже кто нибудь изъ семьи находился на войнѣ, и онѣ, глядя на меня, вспоминали тѣхъ, кто, быть можетъ, такъ же, какъ и я передъ ними, лежитъ гдѣ нибудь на носилкахъ, израненный и искалѣченный и окруженный толпою русскаго народа.

Простоявъ здѣсь нѣсколько минутъ, носильщики подняли меня и вмѣстѣ съ моими спутниками понесли въ пріютъ военноплѣнныхъ внутрь города. Тутъ я встрѣтилъ массу русскихъ солдатъ всѣхъ родовъ оружія: и флотскихъ, и артиллеристовъ, и кавалеристовъ, и пѣхотинцевъ, словомъ, кого угодно. Наши носилки поставили около пріютской канцеляріи, вѣроятно для того, чтобы узнать, кого въ какой баракъ нести, такъ какъ въ этомъ пріютѣ было очень много бараковъ. Пока наводили справки, солдаты мигомъ обступили насъ и наперерывъ разспрашивали, какъ дѣйствуютъ наши войска, а также правда ли, что Мукденъ уже теперь въ нашихъ рукахъ, такъ какъ у нихъ распространился слухъ, что Линевичъ отбилъ его отъ японцевъ. Я сказалъ имъ на это, что пока я былъ въ Мукденѣ, то онъ былъ въ рукахъ японцевъ, а что было послѣ, я ничего не знаю, но знаю, что никакого наступленія со стороны русскихъ не предполагалось. Увидавъ матросовъ, я спросилъ ихъ, какимъ это образомъ съ ними случилось такое несчастіе, что японцы могли разбить русскій флотъ. Тогда матросы, каждый по своему, стали оправдывать пораженіе флота. Одинъ говоритъ, что японская эскадра не могла бы разбить русскую, но имъ на помощь явилась англійская; по мнѣнію другого, это была не англійская эскадра, а американская; другіе же увѣряли, что нѣмецкая или еще какая то другая, но только японская была не одна. Меня это удивило, и я спросилъ, почему это они такъ думаютъ? А можетъ быть и одна?—„Какъ же, ваше благородіе, мы ихъ били—били и неужели ни одного судна не разбили?“—Одинъ говоритъ, что онъ съ первыхъ же выстрѣловъ видѣлъ, какъ мы выбили изъ строя болѣе пяти броненосцевъ; а другой говоритъ, что видѣлъ три разбитыхъ, словомъ—всѣ видѣли много разбитыхъ

непріятельскихъ судовъ, и только одинъ изъ нихъ сказалъ:—„нечего брехать понапрасну! У страха глаза велики, а наговорить, что угодно можно; гдѣ же можно было хорошо видѣть, когда за волнами и за выстрѣлами ничего нельзя было разобрать“.—Тутъ вернулись носильщики и унесли меня въ тотъ баракъ, въ которомъ помѣщались русскіе офицеры.

Когда меня принесли въ баракъ, то навстрѣчу ко мнѣ вышли два офицера и тоже спросили, что новаго слышно въ Маньчжурской арміи; но я и имъ отвѣтилъ то же, что и матросамъ, говоря, что особенныхъ боевъ не было, кромѣ усиленной рекогносцировки, въ которой участвовалъ и я, но очень несчастливо, такъ какъ былъ тяжело раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости и потому попалъ въ плѣнъ.

Тутъ было пять офицеровъ: одинъ капитанъ Х. 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, безъ лѣвой ноги; другой поручикъ М. 282 Черноярскаго полка, тоже съ переломленной лѣвой ногой; капитанъ генеральнаго штаба С., тяжело раненый въ голову; 7-го Сибирскаго казачьяго полка поручикъ П., раненый въ бокъ, и подпоручикъ Болховскаго полка И. съ переломленной ногой. Меня помѣстили вмѣстѣ съ поруч. М. Было уже поздно и скоро намъ подали ужинъ, состоящій изъ рыбы, котлетки и жареной картошки, а послѣ ужина чай, къ которому дали по два куска сахару. За ужиномъ, и даже долго послѣ ужина, мы разговаривали о своихъ пережитыхъ боевыхъ дняхъ. Поручикъ мнѣ объяснилъ, что они всѣ взяты въ плѣнъ въ февралѣ мѣсяцѣ подъ Мукденомъ.

Ужинъ мнѣ очень понравился, и по всей вѣроятности потому, что мнѣ уже надоѣлъ японскій столъ за эти полмѣсяца. Съ этимъ мнѣніемъ сходился и поручикъ, который говорилъ мнѣ:—„не особенно хвалите, и здѣсь плохо кормятъ. Это вамъ только въ первый разъ такъ показалось, а поживете немного—все надоѣстъ“.

На ночь наши кровати занавѣсили зелеными пологами изъ рѣдкой сѣтки, вродѣ марли, чтобы насъ не кусали комары. Предостереженіе это было не лишнее, такъ какъ лишь только зажглось электричество, какъ комары цѣлыми роями закружились около нашихъ кроватей, но проникнуть за пологъ, кромѣ нѣсколькихъ случайныхъ, не могли.

4 Іюня.—Послѣ столькихъ безсонныхъ ночей, эта, первая проведенная спокойно ночь, показалась мнѣ блаженствомъ. Комары не безпокоили меня, и я спокойно уснулъ, да такъ крѣпко, что не чувствовалъ даже укусовъ и безпрерывнаго движенія бѣлыхъ паразитовъ, которые кишмя кишѣли вокругъ гипсовой повязки, и откуда ихъ никакимъ образомъ нельзя было вывести, такъ какъ снять гипсъ было невозможно. Ихъ тамъ вѣроятно развелись милліоны. Я былъ въ ужасно безвыходномъ положеніи: чесаться стыдно и терпѣть невыносимо, но, наконецъ, я не выдержалъ и рѣшилъ что стѣсняться тутъ не къ чему, такъ какъ сосѣди мои были въ такомъ же положеніи, какъ и я сейчасъ. Послѣ завтрака пришли санитары съ носилками и отнесли меня въ перевязочную комнату. Я обрадовался, надѣясь на близость освобожденія меня отъ гипсовой повязки, а вмѣстѣ съ нею и отъ моихъ паразитовъ, которые больше меня безпокоили, чѣмъ моя рана. Въ перевязочной комнатѣ докторъ осмотрѣлъ мою рану и сказалъ, что гипсъ снимать еще рано, а потому меня отнесли обратно въ мою каморку. Лѣкарства мнѣ тоже никакого не дали, такъ какъ я самъ по себѣ былъ совершенно здоровъ. Но перспектива пролежать въ гипсѣ еще 15 дней меня сильно опечалила. Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ перевязочной, ко мнѣ пришелъ переводчикъ и на бланкѣ записалъ мое званіе, имя и пр. Все это дѣлалось для того, чтобы послать одно увѣдомленіе консулу, для истребованія на меня жалованья, другое—въ бюро военноплѣнныхъ въ Токіо, которое сообщитъ обо мнѣ свѣдѣнія въ Русское бюро военноплѣнныхъ въ С.-Петербургъ.

День прошелъ очень незамѣтно, такъ какъ каждая свободная минута посвящалась разговору.

Обѣдъ и ужинъ были очень хорошіе. Спать легъ опять подъ сѣткой и спалъ поэтому самымъ сладкимъ сномъ.

5 Іюня.—Сегодня день Святой Троицы, и поэтому у насъ было богослуженіе, совершенное православнымъ священникомъ японцемъ, въ сосѣднемъ баракѣ, рядомъ съ нашей комнатой, почему я очень хорошо слышалъ прекрасный хоръ пѣвчихъ, составленный изъ нашихъ плѣнныхъ, и съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его. День прошелъ обыкновенно, обѣдъ былъ хорошій: рисовый супъ съ кусочкомъ мяса, котлетка съ жаренымъ карто-

фелемъ, а къ чаю подали фрукты: апельсины и по пять штукъ хивинъ.

Къ вечеру умеръ унтеръ-офицеръ отъ раны въ грудь; долго онъ мучился, бѣдняжка, высохъ прямо въ щепку! Хоронить его будутъ завтра, и я очень жалѣлъ, что не могу участвовать на похоронахъ, чтобы имѣть возможность посмотрѣть, какъ совершается обрядъ погребенія православныхъ воиновъ, умершихъ въ Японіи.

6 Іюня.—День прошелъ, какъ всегда. Я былъ въ хорошемъ расположеніи духа, такъ какъ ночь провелъ очень спокойно. Обѣдъ и ужинъ были по обыкновенію вкусны, но за то жара была необыкновенная.

7 Іюня.—Утромъ, послѣ чаю, я написалъ два письма на родину. На перевязку меня не носили. Къ обѣду выдавалось офицерамъ жалованье, но только тѣмъ, которые пробыли въ пріютѣ больше мѣсяца, мнѣ же, какъ только что прибывшему, выдавать будутъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

8 Іюня.—Сегодня священникъ служилъ обѣдню и послѣ обѣдни зашелъ къ намъ, подалъ намъ по просвиркѣ и спрашивалъ насъ о нашемъ здоровьѣ; онъ очень плохо говоритъ по русски, но всетаки его можно было понять. Одѣтъ онъ какъ обыкновенно одѣваются русскіе священники, но волосы стрижетъ, а бородка жиденькая, японская.

Сегодня выдавали жалованье нижнимъ чинамъ. Старшимъ унтеръ-офицерамъ по три руб., младшимъ по 1 рублю и рядовымъ по 50 коп. въ мѣсяцъ; почти вдвое больше, чѣмъ они получали въ Россіи.

9 Іюня.—Сегодня нашъ пріютъ посѣщалъ французскій консулъ. Ходилъ по баракамъ въ сопровожденіи японскихъ начальниковъ и, обойдя всѣ бараки, уѣхалъ, не посѣтивъ насъ. До обѣда былъ сильный дождь, а послѣ обѣда отъ насъ выписались и уѣхали въ крѣпость, гдѣ находится главный пріютъ военноплѣнныхъ, три офицера: Капитанъ Х., Поручикъ П. и Подпоручикъ И., и мы остались втроемъ. Съ ихъ отъѣздомъ намъ стало какъ-то скучновато.

10 Іюня.—Съ утра носили меня въ перевязочную, но ничего тамъ не дѣлали, и мои предположенія, что меня наконецъ освободятъ отъ гипсовой повязки, не оправдались. Послѣ обѣда туда же понесли Поручика М., тамъ ему подъ хлороформомъ дѣлали операцію:

разрѣзали и сшивали ногу; она переломлена у него такъ же, какъ и у меня, но только неправильно срослась, и одна нога стала короче другой. Что-то будетъ съ моей ногой! Вѣдь она у меня тоже короче здоровой. Дай Богъ, чтобы и мнѣ не пришлось дѣлать операціи, я и такъ не мало уже перенесъ мученій изъ за нея.

11 и 12 Іюня.—Два дня подрядъ стоитъ сильнѣйшая, невыносимая жара. Вся спина обопрѣла и на ней появились красные пузырики; лежать на спинѣ нестерпимо, а на бокъ изъ за гипса не повернешься. Отъ духоты и жары даже ночью спать было невозможно, а тутъ еще проклятые паразиты. Бѣда, да и только!

13 Іюня.—Сегодня около 10 часовъ утра пріѣзжалъ въ нашъ пріютъ японскій генералъ-лейтенантъ, начальникъ какой-то резервной дивизіи, маленькій, дряхлый сѣдой старикашка; его сопровождало нѣсколько японскихъ офицеровъ и все наше пріютское начальство. Придя къ намъ, онъ поклонился, взялъ руку подъ козырекъ, и затѣмъ подалъ ее каждому изъ насъ для рукопожатія, какъ-то забавно растопыривая пальцы руки и тряся ею „по-русски“; но вышло не такъ, какъ-бы нужно было, а какъ-то странно и неестественно. Говорить по русски онъ тоже не могъ и все передавалъ черезъ переводчика. Передавъ намъ, что онъ очень сожалѣетъ постигшему насъ несчастію и пожелавъ скораго выздоровленія, японскій генералъ уѣхалъ.

14 Іюня.—Я утромъ приказалъ камбіони сходить къ доктору и попросить его, чтобы съ меня сняли гипсовую накладку, но докторъ отвѣтилъ, что раньше двухъ дней снимать нельзя; это меня хотя и опечалило, но всетаки и обрадовало, такъ какъ подало мнѣ надежду, что черезъ два дня я обязательно сниму мою укрывательницу паразитовъ.

Сегодня умеръ одинъ полякъ изъ Плоцкой губ. отъ ранъ въ боку и животѣ. Къ вечеру былъ дождь.

15 Іюня.—Съ утра у насъ опять служили обѣдню. Оказывается, что богослуженіе совершается въ Хакодате еженедѣльно по воскресеніямъ. Послѣ обѣдни священникъ заходилъ провѣдать насъ. Справившись о нашемъ здоровьѣ, онъ записалъ мое имя въ свою памятную книжку для поминовенія о здравіи, а мнѣ далъ на память свою визитную карточку. Зовутъ его Андрей Метаки; онъ настоятель православнаго храма въ гор. Хакодате и,служа

тамъ, пріѣзжаетъ служить и у насъ, почему и служитъ въ среду, а не въ воскресенье. Послѣ обѣда отпѣвали тѣло умершаго вчера солдатика. Обрядъ погребенія совершалъ французскій миссіонеръ, замѣнившій польскаго ксендза. Остальное все шло постарому.

16 Іюня.—Сегодняшній день ознаменовался страшнымъ ливнемъ. И такъ какъ бараки наши покрыты рисовой соломой, и очень легко, такъ что мало-мальски большой дождикъ—и уже всюду течетъ, то во время ливня у насъ сдѣлалось какое-то наводненіе: чуть не все свободно плавало по баракамъ.

17 Іюня.—Сегодня по вчерашнему льетъ дождь, гремитъ громъ и сверкаетъ молнія. Наконецъ то я дождался счастливаго дня: съ меня сняли гипсовую повязку и освободили отъ нестерпимо мучившихъ меня паразитовъ. Нога моя оказалась много короче другой, опухоль хотя немного и отошла, но всетаки ногу положили въ лубки, смазали спиртомъ и завернули ватой, и я проспалъ спокойно всю ночь.

Сегодня вечеромъ японцы побили одного русскаго солдата за то, что онъ смотрѣлъ сквозь дырочки забора; они думали, что онъ покупаетъ водку, которую строго воспрещается продавать и покупать; но плѣнные все же умудряются какъ-то доставать ее у забора пріютскаго двора, и потому, если они кого поймаютъ съ водкой, то очень строго наказываютъ, въ особенности же японцевъ, продающихъ водку нашимъ плѣннымъ.

18 Іюня.—Сегодня насъ перевели въ другую, болѣе просторную комнату, гдѣ раньше помѣщались тѣ три офицера, которые переѣхали въ крѣпость. Мы въ ней помѣстились очень свободно: я влѣво отъ входа, а М. вправо. Вечеромъ, послѣ ужина, завѣсившись пологами, мы собрались спать; я взялъ еще почитать передъ сномъ книгу, какъ вдругъ вижу, какой-то солдатъ вошелъ къ намъ и, ничего не говоря, подошелъ ко мнѣ и сталъ подымать сѣтку полога. Я испугался и закричалъ, думая, что онъ пьяный, но тутъ оказалось гораздо хуже: это былъ не пьяный, а сумасшедшій. Онъ былъ взядъ въ плѣнъ въ Портъ-Артурѣ, и когда онъ попалъ въ нашъ пріютъ, то наши солдаты умудрились украсть у него всѣ его деньги, которыхъ было у него 76 руб. Эта кража денегъ такъ повліяла на него, что онъ сошелъ съ ума и всюду сталъ искать

свои деньги. Поднявъ сѣтку, онъ устремился на меня своими безумными глазами, и закричалъ:—„Мои деньги! Русскія!.. Кто могъ ихъ взять у меня"?... Къ счастью, скоро прибѣжали его товарищи и увели его. Если бы не они, то Богъ знаетъ, что могло бы быть.

Какъ это ни кончилось благополучно, однако я, при испугѣ, нечаянно перевернулся и повредилъ себѣ больную ногу. Боже мой, какъ я нестерпимо мучился и страдалъ отъ невыносимой боли, и вновь началъ опасаться, что мнѣ будутъ дѣлать ампутацію ноги.

19 Іюня.—Всю ночь я спалъ очень плохо, такъ какъ нестерпимо болѣла нога, и только къ утру уснулъ, утомившись безсонно проведенною ночью. Докторъ, осмотрѣвъ ногу, сказалъ, что лопнулъ молодой хрящикъ, наросшій на переломѣ ноги, но вреда серьезнаго отъ этого не можетъ быть. Сдѣлавъ перевязку, онъ не велѣлъ шевелиться, чтобы хрящикъ могъ сростись какъ слѣдуетъ, и, простившись, ушелъ.

Но трудно даже представить себѣ, какъ тяжело исполнять приказаніе доктора „не шевелиться": жара была ужасная, потъ такъ и обливалъ все тѣло и я весь покраснѣлъ отъ прѣнія, словно вареный ракъ.

20 Іюня.—День опять удушливо жаркій. Ни одинъ листокъ не шелохнется.

Сегодня плѣнные ходили на прогулку и три человѣка были поражены ударомъ. Послѣ обѣда нашъ пріютъ посѣтило Общество японскихъ женщинъ. Онѣ проходили по всѣмъ баракамъ и раздавали раненымъ разныя игрушки, цвѣты и проч. Приходили онѣ и къ намъ въ баракъ и подарили мнѣ тоненькій круглый графинчикъ, внутри котораго былъ вложенъ громадный клубокъ съ красиво вывязанными на обоихъ полюсахъ шелковыми нитками двумя звѣздами. Весь интересъ этого подарка заключался въ секретѣ, какимъ образомъ этотъ огромный шаро-образный клубокъ могъ быть просунутъ внутрь графинчика, горлышко котораго имѣло очень маленькое отверстіе. М. подарили раскошно цвѣтущую банку фукціи.

Всѣхъ было 18 взрослыхъ посѣтительницъ и три маленькихъ дѣвочки. Онѣ у насъ долго стояли, много кланялись, а иныя, глядя на насъ, плакали, вспоминая вѣроятно своихъ мужей, отцовъ и братьевъ.

Намъ говорили, что это все вдовушки тѣхъ японцевъ, которые убиты на войнѣ.

21 Іюня.—Сегодня жара невыносимая, а тутъ еще и нога ужасно болитъ и пошевельнуться изъ-за нея нельзя. Мнѣ дѣлали какое то втираніе и посыпали пудрой обопрѣлые мѣста.

22 Іюня.—Дни и ночи стоитъ жара, такъ что и ночью отъ духоты спасенья нѣтъ. Сегодня русскіе плѣнные ходили въ городъ и многіе вернулись очень пьяные. Ночью у одного матроса украли 45 рублей, разрѣзавъ чемоданъ. Взявъ деньги, похитители и чемоданъ, и прочія вещи выбросили черезъ заборъ на японское кладбище, гдѣ эти вещи и были найдены японцами, которые и доставили ихъ обратно въ пріютъ.

23 Іюня.—Жара не унимается, а кажется даже усиливается съ каждымъ днемъ. Сегодня на ученьи 6 японскихъ ополченцевъ, не смотря на ихъ привычку къ мѣстной жарѣ, упали отъ солнечнаго удара, и ихъ на носилкахъ унесли съ ученья. Вотъ гдѣ не жалѣютъ солдатъ на ученьи! Манежатъ ихъ съ 5 часовъ утра до 12 час. и послѣ обѣда сейчасъ же снова выгоняютъ на занятія и опять гоняютъ до 6 часовъ вечера. Производятъ всевозможныя эволюціи, и бѣгомъ, и шагомъ, и водятъ на морскія занятія, гдѣ обучаютъ плавать, держа въ рукахъ разные флаги.

24 Іюня.—Слава Тебѣ, Господи, сегодня пошелъ наконецъ дождикъ, и весь день льетъ, какъ изъ ведра. Пріятно. Воздухъ сталъ свѣжій и на душѣ легко стало. Около 5 ч. вечера прибыло 11 русскихъ плѣнныхъ, которые были пойманы на развѣдкахъ, но они ничего не могли сообщить намъ радостнаго о Маньчжурской арміи, такъ какъ на передовыхъ позиціяхъ никогда ничего не знаютъ, и тѣмъ менѣе солдаты.

25 Іюня.—Сегодня дождь льетъ по вчерашнему. Съ прибытіемъ новыхъ плѣнныхъ, сочинители солдатскихъ телеграммъ пріутихли, а то за послѣднее время стали носиться слухи, что русскіе забрали обратно Мукденъ и идутъ уже на Лаоянъ.

26 Іюня.—Сегодня опять страшная жара. Удивительно, какія рѣзкія перемѣны! То сильные дожди, то сразу опять невыносимая жара.

Съ прибытіемъ новыхъ плѣнныхъ солдатскіе слухи стали принимать новое направленіе. Теперь говорятъ, что гдѣ-то отъ кого-то слышали, будто скоро будетъ обмѣнъ плѣнныхъ.

27 Іюня.—Сегодня меня носили въ операціонную комнату и доктора осматривали мнѣ ногу, которая, слава Богу, стала поправляться. Они сказали, что нога вновь стала сростаться, но немного неправильно, почему и предложили мнѣ операцію, но я отказался. Въ обѣдъ прибыли 3 человѣка новыхъ плѣнныхъ, два рядовыхъ и одинъ конно-охотничьей команды, всѣ тяжело раненые. Сегодня умеръ солдатикъ, ѣхавшій съ нами вмѣстѣ изъ Дальняго. У него было пять дыръ въ головѣ отъ 3 пуль и повреждена мозговая оболочка. Онъ промучился цѣлыхъ 4 мѣсяца; изъ черепа у него мозгъ вылѣзалъ, и когда мнѣ пришлось быть при его перевязкѣ, то невозможно было безъ ужаса смотрѣть, какъ ему подъ черепъ напихивали марли. Лѣвая половина его тѣла была парализована.

28 Іюня.—Сегодня состоялись похороны умершаго вчера солдата. Похороны совершалъ православный священникъ Андрей Метаки. Послѣ обѣда мы пригласили къ себѣ прибывшаго добровольца А., чтобы узнать отъ него что-нибудь новенькое, но оказалось, что онъ рѣшительно ничего не зналъ, такъ какъ былъ на позиціи всего лишь два дня. О себѣ онъ разсказалъ, что 12 Марта онъ выѣхалъ изъ Одессы въ числѣ 235 человѣкъ добровольцевъ 273 Дунайскаго полка и 9 Мая пріѣхалъ въ Хайлунченъ, гдѣ стоялъ его полкъ. Прибывъ въ полкъ, онъ сталъ проситься въ конно-охотничью команду и 16 Мая его просьбу удовлетворили; 22 и 23 Мая онъ занималъ караулъ на передовомъ посту, а въ ночь съ 23 на 24 Мая было предпринято наступленіе вмѣстѣ съ охотничьими командами 71-й дивизіи, казаками и двумя орудіями горной артиллеріи. Во время этого наступленія онъ былъ раненъ въ животъ, но остался въ строю и, желая принять участіе въ перестрѣлкѣ, поѣхалъ къ коноводамъ, чтобы отдать имъ свою лошадь; по дорогѣ, изъ за поворота онъ наткнулся на 25—30 человѣкъ японцевъ, съ которыми и завязалъ перестрѣлку, такъ какъ видѣлъ, что ему все равно уже не спастись. Онъ благополучно стрѣлялъ по непріятелю, который, думая, что за нимъ еще ѣдутъ товарищи, поспѣшилъ укрыться за гору; но какъ только онъ выпустилъ всѣ 5 патроновъ и сталъ перемѣнять обойму, какъ его тяжело ранили въ пахъ правой ноги и онъ упалъ съ лошади.

Поднявшись съ земли, онъ вскочилъ на коня и, не видя вблизи непріятеля, пустился обратно къ своимъ, но тутъ убили

подъ нимъ лошадь и онъ скрылся въ лѣсу, а къ вечеру его нашли тамъ японцы и взяли въ плѣнъ. Изъ его разсказа можно было вѣрить только наполовину. Мукденъ, по его словамъ, все еще находится въ японскихъ рукахъ, а русскія позиціи всѣ на старомъ мѣстѣ.

29 Іюня.—Сегодня служили обѣдню, по окончаніи которой священникъ заходилъ къ намъ,—но радостнаго ничего не было. День былъ жаркій.

30 Іюня.—Сегодня меня носили въ баню, очень хорошо вымыли, и мнѣ стало очень легко; было только очень больно изъ-за прыщей, которые образовались у меня отъ сильной жары по всему тѣлу, и вся кожа была красная, какъ ошпаренная кипяткомъ. Наши солдаты ходили въ городъ и оттуда принесли слухъ, что японцы заняли островъ Сахалинъ. Въ нѣкоторыхъ баракахъ плѣннымъ прививали оспу, и мнѣ тоже привили, несмотря на то, что у меня была хорошая старая оспа. Послѣ обѣда къ намъ вернулся капитанъ X., который, будучи въ крѣпости, какъ то нечаянно упалъ и повредилъ немного свою отрѣзанную ногу, а потому и вынужденъ былъ вернуться опять къ намъ въ пріютъ, для излѣченія.

1 Іюля.—Сегодня сильнѣйшая жара смѣнилась дождемъ часа на два, а затѣмъ опять продолжалась такая же жара. Я началъ самъ подниматься на постели и могъ уже сидѣть нѣсколько минутъ, чему былъ очень радъ, и принялся писать два письма на родину. Наши письма, проходя всѣ ступени цензуры, сильно задерживаются, такъ какъ вездѣ ихъ переводятъ на японскій языкъ и снимаютъ копіи; эта процедура недѣли на двѣ задерживаетъ отправку писемъ, но тѣмъ не менѣе писать было необходимо, такъ какъ дома ничего не могутъ знать обо мнѣ. Въ газетахъ обыкновенно сообщается такимъ образомъ: такой то пропалъ безъ вѣсти. Но какъ? Убитъ и не найденъ, или раненъ и лежитъ гдѣ нибудь въ гаолянѣ? Или же убѣжалъ куда нибудь съ поля брани? Или захваченъ въ плѣнъ?.. И пока родные не получатъ письма, они естественно будутъ безпокоиться и мучиться неизвѣстностью. Сегодня одного солдата японцы побили и поставили на два часа подъ полку. Это дѣлается такъ: виновный становится къ стѣнѣ, полка опускается на одинъ вершокъ ниже

его роста, и онъ въ полусогнутомъ состоянiи долженъ стоять два часа. Но обыкновенно двухъ часовъ не держутъ, и если виновный покорно стоитъ, то его освобождаютъ раньше. Стоять въ этомъ положенiи очень трудно, потому что въ станкѣ, въ спинкѣ и по бокамъ его, натыканы острые гвозди, и прислоняться къ нему нельзя, да кромѣ этого рядомъ стоитъ часовой и слѣдитъ, чтобы наказуемый не могъ просовывать голову впередъ полки. Это наказанiе замѣняетъ суточный арестъ. Сегодняшнiй солдатъ провинился въ томъ, что лазилъ черезъ заборъ за водкой и напился до чертиковъ. Наши солдаты особенно любятъ дѣлать то, чего не слѣдуетъ и что воспрещено.

2 Iюля.—Съ утра шелъ дождикъ, но скоро пересталъ. Меня, при помощи двухъ солдатиковъ, выводили на дворъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и я просидѣлъ тамъ въ креслѣ—около двухъ часовъ. Сидѣть было плоховато, такъ какъ нога, послѣ долгаго лежанья въ гипсѣ, не гнулась ни въ колѣнкѣ, ни въ бедрѣ, а повыше бедроваго сустава былъ замѣтенъ какой то желвакъ. Я показалъ этотъ желвакъ доктору; тотъ внимательно ощупалъ его и сказалъ:—„вотъ это-то и есть та злодѣйка пуля, которую мы не могли такъ долго розыскать“. И онъ былъ очень удивленъ, что она, раздробивъ кость, прошла вдоль ноги, перелетѣла черезъ бедровый суставъ и остановилась немного ниже пояса, на вершокъ отъ поверхности тѣла. Докторъ предложилъ мнѣ сдѣлать операцiю и извлечь пулю, но я не согласился, боясь, чтобы не было хуже, но онъ увѣрялъ, что хуже быть не можетъ, а вотъ, если ее оставить въ тѣлѣ, то можетъ получиться окисленiе и она загноится, и тогда можетъ быть очень плохо, такъ какъ придется вырѣзать много зараженнаго тѣла вокругъ этой пули. Тогда я согласился на эту операцiю, попросивъ только нѣсколько дней отсрочки, чтобы имѣть возможность отдохнуть; а то послѣ операцiи мнѣ опять придется слечь въ постель и париться, какъ въ котлѣ, отъ здѣшней жары. Докторъ согласился.

Вечеромъ вокругъ нашихъ бараковъ собралась большая толпа японцевъ съ разноцвѣтными фонарями самыхъ разнообразныхъ формъ. Оказалось, что они собрались на кладбище, гдѣ долженъ былъ происходить какой то буддiйскiй поминальный праздникъ, на который, по ихъ повѣрьямъ, слетаются души ихъ умершихъ род-

ственниковъ и, привлеченныя иллюминацiей, гуляютъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ гулянье сопровождалось какой то странной музыкой на не менѣе странныхъ инструментахъ,—что то вродѣ полаго арбуза, насаженнаго на двухъ-аршинную палку, издающаго звуки, похожiе на трескотню морскихъ или болотныхъ туркачей или лягушекъ,—и очень нестройнымъ пѣнiемъ, напоминавшимъ кошачiй концертъ.

Наши солдаты, никогда не видавшiе подобныхъ церемонiй, облѣпили всѣ заборы; кто смотрѣлъ въ щели забора, кто забрался на самый заборъ, а нѣкоторые изъ болѣе отчаянныхъ матросовъ не удовлетворились и этимъ и перескочили на другую сторону. Видя перепрыгивающихъ на кладбище матросовъ, стоявшiя тамъ женщины и дѣти перепугались и подняли крикъ, на который прибѣжали часовые и полицiя и стали ловить нашихъ матросовъ. Одного храбреца поймали и у нихъ завязалось драка, во время которой матросъ, желая вырваться отъ японцевъ, схватилъ часоваго зубами за пальцы и, откусивъ ему два пальца, убѣжалъ. Тогда поднялась тревога, и японцы по всѣмъ баракамъ стали розыскивать виновнаго, но найти было не легко, такъ какъ всѣ успѣли прибѣжать назадъ въ бараки тѣмъ же путемъ, какъ и туда перебрались. Долго искали виновнаго и, можетъ быть, никого бы и не нашли, но русскiе ихъ товарищи, испугавшись безпокойства и отвѣтственности, выдали виновныхъ. И тогда поднялась ужъ общая свалка между русскими и японцами: всюду былъ шумъ, крикъ, бѣготня; мы все думали, что вотъ-вотъ доберутся и до насъ, беззащитныхъ людей, но драка какъ то притихла и мы успокоились, хотя спать не пришлось, такъ какъ всю ночь былъ слышенъ говоръ то русскихъ, то японскихъ солдатъ.

3 Iюля.—Сегодня жаркiй день съ самого утра, и я опять вышелъ въ корридоръ подышать свѣжимъ воздухомъ. Когда я сидѣлъ тамъ, ко мнѣ собралось много флотскихъ и армейскихъ солдать, и среди нихъ было нѣсколько человѣкъ портъ-артурцевъ, которые стали разсказывать про свое житье на позицiяхъ. Одни говорили одно, другiе другое. Они разсказывали, что имъ приходилось день и ночь то дѣлать укрѣпленiя, то становиться въ ружье и защищать ихъ отъ напора многочисленнаго непрiятеля. Въ послѣднее время солдатъ было очень мало, да и то почти всѣ боль-

ные. Хорошо, что японцы ошибались и не дѣйствовали такъ, какъ бы слѣдовало; напримѣръ, штурмуютъ они какой нибудь флангъ и лѣзутъ напроломъ, какъ муравьи, а у насъ тѣмъ временемъ на другомъ флангѣ укрѣпленіе исправляютъ. Ничего не подѣлавъ тутъ, они на другой день штурмуютъ другой флангъ, но тамъ уже все въ исправности и туда уже присоединяются и тѣ, которые вчера отбивались на другомъ флангѣ; и, такимъ образомъ, отбивали врага. Если бы японцы не перемѣняли мѣста штурма и атаковали опять вчерашнія укрѣпленія, то, можетъ быть, и прорвались бы. Такимъ образомъ портъ-артурцы бились болѣе мѣсяца. Солдатъ становилось все меньше и меньше, то убивали, то сами заболѣвали отъ переутомленія и плохой пищи; появилась цынга и гарнизонъ совсѣмъ ослабъ, и физически, и нравственно. Откуда то у нихъ разнесся было слухъ, что генералъ Куропаткинъ далеко прошелъ впередъ, даже за Самсонову гору, и скоро подойдетъ къ нимъ на выручку. Тогда духъ войска опять поднялся, и снова стали лѣлѣять мечту объ удержаніи за собой Портъ-Артура. Даже изъ госпиталей, тѣ, кто могъ стоять на ногахъ и держать винтовку, вышли на позиціи, и такъ еще бились нѣкоторое время. Но помощь не появлялась, и снова всѣ пали духомъ. Его опять подняли, распустивъ слухъ, что адмиралъ Рождественскій со своей балтійской эскадрой забралъ островъ Формозу и скоро подойдетъ на выручку къ Портъ-Артуру. Всѣ воспрянули духомъ, но тутъ, какъ на грѣхъ, снарядовъ не хватило, пушки всѣ попортились, и пришлось ужъ отбиваться ручными гранатами.

4 Іюля.—Моей ногѣ начали дѣлать массажъ, втирая слегка какой то бѣлый порошокъ. Къ намъ въ гости пріѣзжали 4 офицера изъ крѣпости. Новаго они ничего не знали и разсказали только то, что получаютъ англійскую газету, изъ которой узнали, что въ Россіи идутъ безпорядки и взбунтовался Черноморскій флотскій экипажъ. Изъ за чего онъ взбунтовался—остается тайной.

5 Іюля.—Сегодня я прошелся немного по корридору при помощи двухъ солдатъ и костылей. Раненая нога много короче здоровой да еще и въ колѣнѣ не сгибается. Массажъ немного помогаетъ и каждый разъ послѣ массажа мнѣ становится лучше.

Сегодня опять въ наши бараки водворили сумасшедшаго, и онъ снова началъ кричать и бросаться на всѣхъ, ломать двери и окна, такъ что его заперли въ отдѣльную каморку; но мимо окна

часто проходили солдаты и заглядывали къ нему, и тогда онъ опять начиналъ волноваться и ругать всѣхъ отборнѣйшей площадной бранью.

6 Іюля.—Сегодняшнюю ночь я почти не спалъ, потому что въ сосѣднемъ баракѣ солдаты напились и безобразничали всю ночь: пѣли или, вѣрнѣе сказать, горланили пѣсни, кричали, ругались, плясали и никому не давали покоя, а тутъ кругомъ больные, которымъ и безъ того спать трудно. Сказать же этимъ скандалистамъ ничего нельзя, потому что еще хуже что нибудь сотворятъ. Такъ, одинъ раненый унтеръ-офицеръ попросилъ ихъ быть потише, но они, вмѣсто того, чтобы замолчать, стащили его съ постели и положили на дворѣ, говоря, что если тебѣ не хочется насъ слушать, то и уходи себѣ изъ барака. Поэтому и намъ приходилось также терпѣть ихъ безобразія и не спать всю ночь. Проснулся утромъ очень поздно, услыхавъ пѣніе пѣвчаго хора. Оказалось, что сегодня по случаю среды служили обѣдню; баракъ, въ которомъ шло богослуженіе, былъ рядомъ, да и окна вслѣдствіе жары были открыты, и все было слышно очень ясно.

7 Іюля.—Сегодня я получилъ свое первое жалованье за Іюнь мѣсяцъ,—сорокъ руб., а за Май мнѣ ничего не дали, говоря, что плата производится только за тотъ мѣсяцъ, къ которому прибываетъ плѣнный въ Японію. Эхъ, ма! Теперь бы въ Маньчжуріи получилъ болѣе 300 руб. а тутъ всего 40, ну да и это хорошо, а то въ прежнія войны и этого не давалось! Нога моя становится лучше и начала немного сгибаться.

Солдаты отъ кого то узнали, что островъ Сахалинъ окончательно взятъ японцами.

8 Іюля.—Сегодня выдавали жалованье солдатамъ и поэтому нужно было ожидать пьянства и скандаловъ. Такъ оно и вышло. Вечеромъ двое, одинъ портъ-артурецъ а другой флотскій, начали спорить о ихъ храбрости. Мы, говоритъ портъ-артурецъ, бились до послѣдней возможности и не сдавались, а вашъ флотъ чуть не безъ бою покорился японцамъ. Если бы вы были храбрые, то не сдавались бы; а то струсили и подарили японцамъ наши новые суда со всѣмъ имуществомъ, котораго сами не могли разграбить. Денежные ящики, небось, разбили и набили карманы казеннымъ добромъ, а теперь и пропиваете его, не давая людямъ покоя своими безобразіями.

Матросъ не вынесъ его упрековъ и набросился на портъ-артурца, и у нихъ завязалась драка, во время которой они порвали другъ на другѣ одежду да, кромѣ того, флотскій схватилъ перочинный ножъ и ударилъ имъ артурца около глаза, но, къ счастью, не опасно. Тогда артурецъ бросился на нашу кухню и, схвативъ тамъ у нашихъ деньщиковъ чайникъ съ кипяткомъ, запустилъ имъ матросу въ лицо. Тотъ конечно завопилъ благимъ матомъ и убѣжалъ. За эту драку обоихъ посадили въ особую комнату и обоимъ сдѣлали перевязку.

9 Іюля.—Ночью спать не удалось. Хотя дракъ и не было больше, не шумѣли наши пьяницы всю ночь: кто плясалъ, кто игралъ на дудкѣ, сдѣланной изъ бамбука, кто присвистывалъ, кто гикалъ, словомъ, вели себя какъ буйные сумасшедшіе.

Сегодня капитанъ Х. ѣздилъ съ моимъ деньщикомъ въ городъ и купилъ тамъ какихъ то ягодъ вродѣ вишень, по вкусу похожихъ на черемуху. Мы ихъ сварили съ сахаромъ и получилось хорошее варенье, а можетъ быть, оно намъ только показалось очень хорошимъ.

10 Іюля.—Сегодня ночью опять была драка изъ за картежной игры. Какой то матросъ выигралъ нѣсколько рублей и хотѣлъ бросить игру, но его товарищи начали его за это бить и отлупили такъ, что онъ еле живъ остался.

Послѣ обѣда солдаты наши пошли въ городъ за покупками. Вернулись полупьяные и здѣсь еще выпили. Да какъ было и не выпить?.. Землякъ ихъ самъ не пошелъ въ городъ, а далъ денегъ, съ порученіемъ принести ему бутылочку водки въ баракъ. Принесли. За услугу онъ угостилъ ихъ, и не выпить нельзя было... Сегодня солдатъ сапернаго баталіона выкинулъ такую штуку, что иныхъ чуть въ гробъ не уложилъ. Онъ поймалъ большую лягушку и, ухвативъ её руками, спьяна побѣжалъ съ ней по баракамъ, тыкая ею каждому встрѣчному въ лицо. Здоровые солдаты или убѣгали отъ него или отталкивали; но когда онъ прибѣжалъ въ баракъ, гдѣ лежали больные, то тамъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ, и онъ запихалъ эту лягушку за рубаху одному безногому солдату. Тотъ такъ перепугался, что упалъ въ обморокъ и его еле привели въ чувство. Въ это время товарищи сапера затѣяли между собою драку, на шумъ которой прибѣжали японскіе солдаты съ ружьями и повели всѣхъ въ канцелярію.

Объ этомъ услыхалъ саперъ и спьяна прибѣжалъ въ канцелярію и сталъ требовать освобожденія своихъ товарищей. Тогда его самого хотѣли арестовать, но онъ, оттолкнувъ отъ себя чиновника, быстро выскочилъ въ окошко. Дали знать караулу и къ нему бросились японскіе солдаты; но онъ ото всѣхъ ловко отбивался и даже у одного изъ нихъ выхватилъ ружье. Тогда японцы обнажили сабли и хотѣли заколоть его, и его обязательно изрубили бы, если бы не схватили его свои же трезвые солдаты и не успокоили. Кое какъ онъ успокоился и его увели въ караульное помѣщеніе, гдѣ, связавъ, уложили спать. Въ этой дракѣ его все таки слегка поранили штыкомъ. Товарищи его тоже были наказаны: одного поставили въ станокъ а другому привязали пальцы за веревку и подтянули кверху, и въ такомъ положеніи онъ простоялъ до утра.

11 Іюля.—Сегодня невыносимая и удушливая жара. Солдаты и наши деньщики ходили купаться въ морѣ. Послѣ купанья отправились гулять въ садъ и говорили, что тамъ было очень весело; осматривали всѣ красивыя мѣста вокругъ города Фукуока и мѣстечка Хаказаки.

Сегодня ночью опять была кража. У одного солдата украли 16 рублей. Этотъ бѣднякъ во всемъ себѣ отказывалъ и ужасно берегъ каждую копѣйку; какъ видно, онъ дома живетъ бѣдно и эти деньги сберегалъ про черный день. Укралъ вѣроятно какой нибудь картежникъ. За послѣдніе дни что-то часто стали случаться кражи, а пьянство, драки и ругань усиливаются. Сегодня къ намъ пріѣхали изъ крѣпости три офицера, но хорошимъ ничѣмъ не порадовали.—Говорили, что у нихъ изъ крѣпости убѣжали три русскихъ плѣнныхъ офицера: мичманъ, казачій хорунжій и артиллеристъ, взятый въ плѣнъ въ Портъ-Артурѣ; съ ними же убѣжали и ихъ деньщики. Не знаю, удастся ли имъ убѣжать черезъ море, такъ какъ японцы на другой же день хватились ихъ и теперь повсюду даны депеши съ описаніемъ ихъ примѣтъ, и ихъ розыскиваютъ по всѣмъ островамъ. Сегодня я написалъ три письма на родину, пользуясь еще возможностью писать, такъ какъ скоро мнѣ будутъ дѣлать операцію. Сегодня же мнѣ сказалъ докторъ, что онъ опасается, какъ бы около пули не получилось окисленія. Я началъ понемногу уже самъ ходить на костыляхъ, хотя сзади меня и поддерживаетъ солдатикъ, ввиду того, что ноги мои все еще очень слабы.

12 Іюля.—Ночью пошелъ дождикъ и льетъ безъ остановки весь день. Теперь всюду море воды, въ нашей комнаткѣ вездѣ протекаетъ, и всю ночь пришлось подставлять посуду на кроватяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекала вода. Меня носили въ операціонную комнату, но операціи опять не дѣлали, такъ какъ главный докторъ, спеціалистъ операторъ, былъ занятъ съ русскими фельдшерами и санитарами, которыхъ собирались отправить въ Россію и на которыхъ уже составлялись списки. Увидя меня, докторъ спросилъ, сколько въ пѣхотномъ полку числится санитаровъ; я отвѣтилъ, что не знаю этого, знаю только то, что они считаются нестроевыми и пользуются международными правами, какъ лица состоящіе при Красномъ Крестѣ. Спросилъ онъ меня потому, что многіе, узнавъ, что санитары будутъ отправлены въ Россію, стали заявлять, что они тоже санитары, хотя ничего въ санитарномъ дѣлѣ и не понимаютъ; но въ виду того, что они могутъ быть санитарами на боевой линіи и безъ подготовки, то очень можетъ случиться, что ихъ тоже отправятъ на родину.

13 Іюля.—Сегодня мнѣ завтрака не давали, такъ какъ сегодня же мнѣ будутъ дѣлать операцію подъ хлороформомъ, а ѣда въ этихъ случаяхъ можетъ повредить. Къ 3 часамъ дня меня понесли въ операціонную, положили на столъ и хотѣли усыпить хлороформомъ; но я побоялся, какъ бы изъ-за этого мнѣ не сдѣлалось хуже, и рѣшилъ вытерпѣть операцію безъ хлороформа. Меня накрыли простыней и ко мнѣ подошли три доктора и нѣсколько фельдшеровъ, которые взяли меня за руки и за ноги, а середину корпуса въ двухъ мѣстахъ привязали ремнями къ столу. Я могъ только свободно дышать, но шевелиться уже невозможно было. Доктора, хирурги Ода и Кикута, набрали разныхъ инструментовъ для разрѣзанія и извлеченія пули. Сперва мнѣ стало очень страшно, меня даже въ дрожь бросило, потомъ въ жаръ, и я отъ волненія весь страшно вспотѣлъ. Но тутъ мнѣ сказалъ переводчикъ, чтобы я лежалъ смирно и не дрожалъ, а то я могу повредить себѣ этимъ; я сжалъ зубы, зажмурилъ глаза и сказалъ:—дѣлайте, что угодно. Но какъ только докторъ сталъ дотрагиваться до меня, какъ я опять задрожалъ всѣмъ тѣломъ и вскорѣ даже закричалъ отъ боли. Но едва я успѣлъ крикнуть, какъ докторъ уже разрѣзалъ желвакъ, а переводчикъ говоритъ:—„будьте покойны, скоро все будетъ готово“. Въ это время я

почувствовалъ еще большую боль и застоналъ. Я натужился изо всей мочи, стиснулъ зубы и чуть было не потерялъ сознанія, и слышу переводчикъ говоритъ:—пулю уже достали, надо теперь гнѣздо очистить; тамъ, дѣйствительно, получилось окисленіе и скопился гной.—Все это очищали, выскабливали, и боль была невыносимая, такъ что какъ я ни крѣпился, но, однако, не выдержалъ и сталъ вопить какъ сумасшедшій. Наконецъ все было вычищено, въ дырку разрѣза набили марли, забинтовали и, унеся меня обратно въ мою каморку, велѣли лежать смирно, чтобы не тревожить новой раны, которая такъ сильно болѣла, что я все время дрожалъ, пока, наконецъ, не уснулъ.

14 Іюля.—Ночью я спалъ очень плохо отъ сильной боли и жары; но, слава Богу, начался сильный дождь, и лилъ весь день непереставая какъ изъ ведра: всюду были потоки дождевой воды, и это было очень кстати, такъ какъ не такъ одолѣвала жара, отъ которой мы парились день и ночь какъ въ банѣ.

Сегодня нашъ пріютъ посѣтилъ начальникъ всѣхъ пріютовъ военноплѣнныхъ въ гор. Фукуока маіоръ Кадама. Онъ сказалъ, посѣщая насъ, что ѣдетъ на войну и потому пріѣхалъ проститься съ нами. Это онъ второй уже разъ ѣдетъ на войну, такъ какъ въ первый разъ его тяжело ранили и онъ былъ эвакуированъ въ Японію; но теперь, поправившись, онъ опять ѣдетъ обратно на поле брани, а на его мѣсто поступаетъ другой, маіоръ генеральнаго штаба, тоже раненый на войнѣ.

15 Іюля.—Отъ боли въ ранѣ опять плохо спалось. Опухоль значительно увеличилась, и ни сидѣть нельзя, ни лежать, такъ какъ рана находится ни на боку, ни на спинѣ, а какъ то на серединѣ между спиной и бокомъ; ни такъ, ни сякъ лежать невозможно.

Сегодня солдаты ходили въ городъ и многіе, конечно, вернулись пьяные и откуда-то принесли извѣстіе, что идетъ сильный бой, Мукденъ взятъ русскими и они идутъ уже на Лаоянъ...

Перевязки мнѣ сегодня не дѣлали. Вечеромъ, въ сосѣднемъ баракѣ, поднялись танцы и пляска, но безъ безобразій; оказалось, что это волонтеръ А. празднуетъ свои имянины.

16 Іюля.—Сегодня мнѣ дѣлали перевязку и когда изъ раны вытаскивали марлю, то было ужасно больно, я даже кричалъ отъ боли. Наконецъ рану промыли, заткнули марлей и окончательно

забинтовали. Докторъ меня утѣшалъ, говоря, что рана моя скоро заживетъ; но какъ это она можетъ скоро зажить, когда она такъ ужасно болитъ! Весь день дождикъ лилъ не переставая.

17 Іюля.—Сегодня ночью спалось лучше, хотя нога не переставала болѣть, и всю ночь шелъ дождь, и въ нашей комнатѣ всюду текло. Днемъ къ намъ приходили четыре офицера изъ крѣпости, много говорили, но ничего радостнаго сообщить не могли. Они передали намъ, что бѣжавшихъ изъ плѣна офицеровъ поймали на какомъ то островкѣ. Бѣдные, сколько они перенесли невзгодъ и лишеній и не добились своей цѣли! Они благополучно добрались до берега, удачно достали шлюпку и, благодаря тому, что съ ними былъ флотскій офицеръ, пустились въ опасное морское путешествіе. Но на ихъ несчастье у нихъ кончилась провизія, и чтобы пріобрѣсти её, они вынуждены были пристать къ одному островку, а тамъ ихъ и арестовали мѣстные же жители. Всѣ японцы стоятъ за одно, какъ штатскіе, такъ и военные, и среди нихъ не найдется человѣка, который бы помогъ бѣглецамъ укрыться, такъ какъ всѣ они строго охраняютъ интересы своего государства.

Говорятъ, что наши неудачники будутъ преданы военному суду.

18 Іюля.—Рана моя стала заживать и опухоль значительно убавилась. На ужинъ подали котлету и жареную картошку, но все это ужасно пахло керосиномъ. Мы такъ и не ужинали, и голодные легли спать.

Ночью была драка: поймали одного вора, который хотѣлъ было похитить чемоданъ, но это ему не удалось, и его за эту пакость такъ вздули, что онъ врядъ ли и живой останется.

19 Іюля.—Дождь не перестаетъ и льетъ день и ночь безъ остановки. Сегодня мнѣ дѣлали перевязку; рана начала затягиваться и боль стала меньше. Мой деньщикъ сегодня ходилъ въ городъ и купилъ разныхъ фруктовъ: персиковъ, яблокъ, грушъ и ягодъ для варенья. Обѣдъ и ужинъ ѣсть было невозможно, такъ какъ все страшно пахло керосиномъ. Оказывается, что японцы закупили гдѣ то очень много топленаго свинаго сала и сложили его въ керосиновыя банки.

20 Іюля.—Сегодня священникъ служилъ въ баракѣ обѣдню, послѣ чего заходилъ къ намъ и говорилъ, что скоро начнутся мирные переговоры; въ чью сторону будетъ выгода неизвѣстно. Сего-

дня опять умеръ солдатикъ отъ раны въ животѣ подъ Мукденомъ. Сколько онъ бѣдняга промучился! Все говорилъ, что у него дома осталась жена и 5 малолѣтнихъ дѣтей... Страшно было смотрѣть на его мученія и слушать стоны, которые доносились до насъ изъ сосѣдней комнаты. Днемъ я немного прошелся на костыляхъ при помощи солдатъ.

21 Іюля.—Сегодня отпѣвали тѣло умершаго вчера солдата. Я кое какъ добрался до него и присутствовалъ при панихидѣ, но когда его понесли на кладбище, я вернулся въ свою комнату. Дождь лилъ не останавливаясь и залилъ всю могилу этого бѣдняка, и сколько ни отливали её, но отлить было невозможно, и такъ и пришлось опустить его гробъ въ могилу, на половину залитую водою.

22 Іюля.—Утромъ мнѣ дѣлали перевязку и обрѣзывали дикое мясо, наросшее вокругъ раны; Боже мой, какое было мученье! Боль была ужасная, я думалъ, что умру отъ одной боли или отъ разрыва сердца. Когда то я отмучаюсь! Богъ знаетъ, что будетъ дальше, но сейчасъ мнѣ невыносимо тяжело.

У солдатъ идутъ усиленные разговоры о томъ, что опять идетъ сильный бой, русскіе подошли уже къ Лаояну и много японцевъ попало въ плѣнъ.

23 Іюля.—Я сегодня не поднимаюсь съ постели, такъ какъ отъ вчерашняго обрѣзыванія еле живъ остался. Жара стоитъ невыносимая и печетъ даже въ тѣни безъ милосердія. Мой деньщикъ ходилъ купаться и говорилъ, что тамъ было очень хорошо.

24 Іюля.—Сегодня у японцевъ отправка свѣжихъ войскъ на театръ военныхъ дѣйствій. Эти солдаты помѣщались рядомъ съ нашимъ пріютомъ и занимали 7 бараковъ. Ихъ провожали толпы народа, отцы, братья, матери, жены, сестры и прочіе родственники. Но ихъ проводы не походятъ на наши. Унасъ плачутъ, обнимаются, цѣлуются и прощаются какъ съ покойниками, а у нихъ наоборотъ: поютъ пѣсни, веселятся и все прощанье ограничивается поклонами, какъ будто ихъ солдаты идутъ не на войну, а на какой нибудь праздникъ.

25 Іюля.—Сегодня я выходилъ на прогулку и прошелся къ баракамъ, изъ которыхъ уѣхали на войну японскіе солдаты. Эти бараки перекрывались, такъ какъ по всей вѣроятности они такъ же текли, какъ и наши, и я остановился тутъ посмотрѣть, какъ

работаютъ эти муравьи японцы. Почти голые работали они на крышѣ, а женщины вилами подавали имъ снопы соломы, ничуть не стѣсняясь наготы своихъ повелителей. Тѣло у нихъ темно-коричневаго цвѣта, вѣроятно отъ постояннаго пребыванія ихъ подъ палящими лучами японскаго солнца. Кромѣ полотенца на бедрахъ, у нихъ на плечахъ накинуто нѣчто вродѣ бабьей синей кофты, съ какимъ то бѣлымъ кругомъ на спинѣ и такими же надписями, а на головѣ оригинальныя японскія шляпы. Удивительно, какъ это могутъ они выносить такую жару, отъ которой у нихъ до такой степени обгораетъ тѣло, что даже трескается и походитъ на рыбью чешую. А имъ какъ съ гуся вода! Работаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

26 Іюля.—Сегодня окончательно разгородили заборъ, отдѣлявшій наши бараки отъ большого лѣса, или парка, для гулянья; онъ состоялъ изъ огромныхъ кривыхъ сосенъ, и тамъ же были расположены тѣ бараки, въ которыхъ раньше помѣщались японскіе солдаты. Наши поспѣшили воспользоваться свободой и гурьбой повалили въ садъ; недоставало только водки для полноты удовольствія; но на выручку къ нимъ явились японцы, привозившіе солому для постройки барачныхъ крышъ: они умудрились провозить въ серединѣ соломы водку и коньякъ. Добывъ выпивки, наши, конечно, поспѣшили напиться до чортиковъ, и, въ концѣ концовъ, всѣ передрались между собою, чѣмъ и обратили вниманіе японскаго начальства, которое догадалось въ чемъ дѣло, и скоро поймало виновника, доставлявшаго коньякъ. Ему, конечно, очень тяжело досталось отъ японскаго начальства; но японцы не могли повѣрить, чтобы весь коньякъ былъ уже выпитъ, и стали разыскивать его по баракамъ. Съ этою цѣлью устроили повѣрку, на которой вызвали всѣхъ унтеръ-офицеровъ впередъ и велѣли имъ остаться въ баракахъ, а остальнымъ всѣмъ приказали удалиться, послѣ чего унтеръ-офицеры должны были искать во всѣхъ постеляхъ водку, сами же японцы только присутствовали при этой церемоніи. Конечно, ничего найти не удалось, потому что, если бы даже что нибудь и замѣтили наши, то все равно скрыли бы во избѣжаніе крупныхъ непріятностей. Такъ ничего и не обнаружили.

27 Іюля.—Сегодня поднялся сильный вѣтеръ съ дождемъ, и къ вечеру перешелъ въ ураганъ. Электрическіе провода порвались, вѣроятно отъ опрокинутаго гдѣ нибудь дерева, бараки сто-

нали, скрипѣли и ужасно тряслись, такъ что казалось, что вотъ-вотъ они перевернутся. Крыши на всѣхъ неперекрытыхъ баракахъ разнесло, а желѣзную крышу на кухнѣ всю сорвало, вмѣстѣ со стропилами, и листы ея разбросало на нѣсколько десятковъ саженей; опрокинуло большую желѣзную трубу у кухонныхъ печей, въ перевязочной комнатѣ сорвало всѣ рамы и перебило всѣ стекла. Ревъ урагана, шумъ и трескъ отъ разбиваемыхъ рамъ наводилъ на насъ паническій ужасъ, и многіе военноплѣнные, боясь быть придавленными внутри бараковъ, ночевали въ корридорѣ. Не смотря на то, что море было далеко отъ насъ, саженяхъ въ 300, намъ былъ очень ясно слышенъ шумъ и плескъ бушующихъ волнъ. Въ саду, гдѣ всегда гуляютъ солдаты, наломало массу вѣтокъ и снесло много верхушекъ деревьевъ, а иныя громадныя деревья даже были вырваны съ корнемъ изъ земли. Во время урагана снаружи доносился гулъ японскихъ колоколовъ, крикъ народа, свистки паровозовъ и гудки стоявшихъ на рейдѣ пароходовъ, словомъ—получился какой то ужасный хаосъ шума и отдѣльныхъ звуковъ. Тяжело больнымъ или раненымъ было труднѣе всѣхъ, такъ какъ они не могли никуда уйти, а между тѣмъ лежать въ баракахъ, безъ помощи, также было тяжело да и страшно, такъ какъ баракъ ежеминутно грозилъ перевернуться, и отъ одной этой мысли душа въ пятки уходила.

28 Іюля.—Сегодня появился слухъ, что наши уполномоченные съѣхались въ Вашингтонѣ съ японскими уполномоченными и обмѣнялись визитами, послѣ чего уже приступятъ къ переговорамъ о мирѣ. Боже мой! Что то будетъ? Неужели наша Россія такъ ослабла, что не въ состояніи вести борьбу даже съ ослабленнымъ врагомъ?! Неужели мы останемся побѣжденными?!... Вѣдь это такой позоръ, который вѣками не смоешь. Что такое Японія въ сравненіи съ гигантской Россіей? Вѣдь это карликъ передъ великаномъ!

И кто это пожелалъ мира? Японія или Россія? Но этотъ вопросъ такъ и остался для насъ неразрѣшеннымъ. Да какъ намъ и знать что-нибудь, когда мы не получаемъ ни газетъ, ни писемъ съ родины!... Неужели мы потратили такую уйму денегъ, оружія и людей, и все это ни за понюшку табаку! Какая досада! Да еще есть слухъ, что Японія хочетъ съ насъ и контрибуцію получить!

Вотъ такъ карлики япошки! А мы то еще при началѣ войны хотѣли ихъ шапками закидать, въ пухъ и прахъ разбить, чтобы только сыро стало на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли бы японцы!... Всю Японію забрать надѣялись, да не тутъ то было!... Японцы молча дѣлали свое дѣло и доказали, какъ любятъ они свою родину и какъ защищаютъ ея интересы... Тяжело, страшно тяжело все это видѣть, чувствовать и сознавать...

29 Іюля.—Сегодня нашъ пріютъ посѣтилъ вновь назначенный начальникъ всѣхъ пріютовъ въ г. Фукуока, генералъ-маіоръ Осима, со всей своей свитой и докторами. Они осмотрѣли всѣхъ раненыхъ и здоровыхъ плѣнныхъ и ихъ помѣщенія, послѣ чего зашли къ намъ. Самъ Осима на видъ незавидный генералъ, маленькій, худенькій, сѣденькій старичекъ, и ведетъ себя просто, какъ обыкновенный офицеръ, хотя онъ и изъ офицеровъ генеральнаго штаба. Придя къ намъ, онъ протянулъ свою руку для рукопожатія, но какъ то не по русски, а растопыривъ пальцы. Посидѣвъ у насъ немного, онъ пожелалъ намъ скораго выздоровленія и ушелъ.

31 Іюля.—Удивительно, какъ мѣняется тутъ погода: утромъ былъ дождь, въ обѣдъ жара, а вечеромъ опять дождь. Что ни часъ, то новая погода! Вечеромъ подали ужинъ, но ѣсть его было невозможно, такъ какъ онъ попрежнему вонялъ керосиномъ. Говорятъ, что на каждаго солдата правительствомъ отпущено по 20 к., а на офицера по 40 к., но навѣрно и тѣ и другіе обходятся Японіи дешевле. Кормить начали такъ плохо, что солдаты не вытерпѣли и, обидѣвшись, что имъ на обѣдъ и ужинъ варятъ супъ изъ порченой рыбы и вонючей солонины, взятой съ русскихъ броненосцевъ, отнесли всѣ ведра съ пищей къ канцеляріи, поставили ихъ тамъ въ шеренгу и начали кричать, чтобы вызвали консула, которому они хотятъ жаловаться на плохую пищу. Недовольныхъ набралось очень много, и вся площадь передъ канцеляріей была биткомъ набита флотскими и армейскими солдатами. Караулъ былъ вызванъ въ ружье съ примкнутыми штыками, такъ какъ опасались, что можетъ подняться бунтъ. Матросы вообще народъ дружный и отъ нихъ можно было ожидать подобной выходки, но все обошлось благополучно. Пріютское начальство обѣщало улучшить пищу, но въ вызовѣ консула отказало подъ тѣмъ предлогомъ, что ему теперь некогда разъѣзжать.

Сегодня прибыли 12 человѣкъ плѣнныхъ, всѣ охотничьихъ командъ. Изъ нихъ 3 добровольца: Х., георгіевскій кавалеръ 18 л. Брянскаго полка, попавшійся на развѣдкахъ въ числѣ другихъ охотничьей команды; другой—53-лѣтній старичекъ И. З.; ему, какъ старику, поручили провѣрять посты на передовой линіи, но онъ по старости какъ то заблудился и, идя съ одного поста на другой, попалъ на японскій постъ; японцы, увидя его, закричали и бросились къ нему, а онъ, не видя, кто именно бѣжитъ, закричалъ имъ: не безпокойтесь, я самъ дойду до васъ. Такъ его и задержали. Третій изъ нихъ Александръ Ш., очень миловидный мальчикъ лѣтъ 18, съ очень нѣжнымъ голоскомъ и какой то оригинальной вкрадчивой, заискивающей рѣчью. Новаго они ничего сказать не могли, кромѣ того, что наши передовыя линіи остаются на старыхъ мѣстахъ, и что у нихъ также прошелъ слухъ, что японцы взяли островъ Сахалинъ. Ловкіе черти: берутъ и берутъ!

2 Августа.—Жара стоитъ ужасная. Къ вечеру на кладбищѣ, находящемся рядомъ съ нашимъ пріютомъ, появилась огромная толпа японцевъ съ разноцвѣтными фонарями: синими, желтыми, красными, зелеными, всевозможныхъ размѣровъ и самыхъ разнообразныхъ формъ; тутъ же возлѣ кумирни шла стрѣльба холостыми патронами, пускали ракеты, фейерверки, и пѣли подъ оглушительный грохотъ барабановъ.

Всѣ заборы нашего пріюта были унизаны нашими солдатами, которые любовались невиданнымъ зрѣлищемъ и шутили со стоявшими на той сторонѣ японцами и японками, которыя очень дружелюбно относились къ русскимъ. Многія изъ черноокихъ японокъ направляли на нихъ шутки ради маленькія ракеты и весело смѣялись, когда имъ удавалось болѣе или менѣе удачно направить ихъ; ракеты хлопались около или пролетали вблизи русскихъ, осѣдлавшихъ заборы, и это веселило всѣхъ. Оказалось, что въ это время у японцевъ подобнымъ образомъ справляется день поминовенія усопшихъ. Часовые, однако, вскорѣ разогнали нашихъ, и они вынуждены были вернуться въ бараки.

3 Августа.—Сегодня я въ первый разъ ходилъ въ лѣсъ съ капитаномъ Х., и тутъ я увидалъ 3 кучки орлянщиковъ. Одна кучка была изъ богачей, вторую составлялъ средній классъ и въ третьей собрались бѣдняки. Въ первой кучкѣ ставки были гро-

мадныя и ставились не копѣйки, гривенники или рубли, а все англійскіе фунты, иные ставили сразу до 30 р.; какъ видно, тутъ собрались матросы, разобравшіе судовую казну. Во второй кучкѣ ставки были поменьше, но всетаки не мало рублей валялось на землѣ; тутъ навѣрно были матросы, благополучно спасшіеся съ погибавшихъ судовъ съ небольшой долей судовой казны. Въ третьей же кучкѣ играли бѣдняки, заразившіеся примѣромъ своихъ богатыхъ товарищей, но тутъ ставили лишь по копѣечкамъ. Боже мой! На что они надѣются! Тутъ деньги беречь надо, а они другъ друга обыгрываютъ, другъ друга обворовываютъ и тащатъ послѣднее.

4 Августа.—Сегодня мы перебрались въ новый баракъ. Это помѣщеніе гораздо лучше прежнихъ, такъ какъ находится въ сторонѣ отъ прочихъ бараковъ, и шумъ отъ нихъ не достигаетъ до насъ. Изъ окошекъ виденъ сосновый паркъ, въ которомъ съ утра до вечера гуляютъ плѣнные, и много разныхъ японскихъ видовъ острова и часть моря. Намъ на каждаго офицера отведена комнатка, хотя и маленькая и безъ потолка, но зато съ двумя окошками: одно въ садъ, а другое въ корридоръ. Рядомъ съ моей каморкой помѣстился капитанъ генеральнаго штаба С., раненый въ мукденскомъ бою въ голову на вылетъ, отъ чего лѣвая сторона его туловища оказалась парализована, и хотя стала отходить, но очень медленно. Онъ очень слабъ, чрезмѣрно худъ и золъ до невозможности, и въ довершеніе всего, съ нимъ часто происходятъ припадки.

Начались частые дожди съ сильнымъ вѣтромъ, а проклятые комары еще болѣе звонятъ и кусаются.

6 Августа.—Сегодня день Преображенія Господня, и не мало по этому случаю всплываетъ воспоминаній о родной сторонѣ, гдѣ въ былыя времена мы такъ славно веселились въ этотъ день. Въ общемъ, день прошелъ незамѣтно, хотя и были небольшія схватки, но зато вечеромъ, во время картежной игры, завязалась хорошая драка между армейцами и флотскими. Флотскіе упрекали армейскихъ, что они не могли драться на сушѣ и отдавали позицію за позиціей, а армейцы упрекали, что тѣ флотъ отдали безъ боя, ну и пошла баталія съ установленіемъ фонарей подъ глазами и прочими атрибутами кулачной расправы. Какъ это ни странно, но

въ послѣднее время мы привыкли къ подобнымъ происшествіямъ, и это уже не нарушаетъ общаго спокойствія.

7 Августа.—Удивительно, откуда берутъ плѣнные водку! Я неоднократно интересовался этимъ, и только сегодня нашелся ключъ къ разгадкѣ этого вопроса. У насъ есть одинъ портъ-артурскій герой, который, какъ оказалось, постоянно продаетъ водку плѣннымъ товарищамъ. Какъ онъ добывалъ ее, я не зналъ, хотя не разъ замѣчалъ, что онъ чего то караулилъ въ саду; покажетъ что-то рукой черезъ заборъ и сядетъ около него, а тамъ, оказывается, ему японецъ или японка передаютъ водку. Покупалъ онъ коньякъ по 1 р. за бутылку, а продавалъ товарищамъ по 2 р., и все сходило благополучно; но сегодня его поймали на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ. Разумѣется, коньякъ отобрали, а его увели въ караульное помѣщеніе, гдѣ привязали за пальцы и подтянули кверху; но всѣ плѣнные возстали противъ этого и скоро добились его освобожденія. Оказывается, что онъ и не такія штуки продѣлывалъ: у него есть японское кимоно, и онъ, нарядившись японцемъ, преспокойно перелѣзалъ черезъ заборъ, покупалъ въ знакомомъ ему мѣстѣ коньякъ и приносилъ такимъ образомъ за ночь до 16 бутылокъ.

8 Августа.—День очень жаркій. Всѣхъ санитаровъ, фельдшеровъ и вольнонаемныхъ мастеровыхъ изъ Портъ-Артура и съ транспорта Камчатка собрали для отправки въ Россію. Всѣ были этому очень рады, такъ какъ могли хотя съ ними сообщить вѣсть на родину, а то никто изъ насъ не могъ быть увѣреннымъ, что письма, посылаемыя черезъ канцелярію, отсылаются по своему назначенію; ихъ надо переводить, а это очень надоѣдаетъ и гораздо легче эти письма вмѣсто отправки на родину отправлять въ не столь отдаленныя, но укромныя мѣста.

Среди отправлявшихся на родину въ особенности выдѣлялся представительный пожилой человѣкъ, вольнонаемный мастеровой съ транспорта Камчатка; онъ былъ техникомъ, имѣлъ въ Костромѣ свою семью, которую, какъ видно, очень любилъ. Много, бѣдняга, перенесъ за 15, 16 и 17 Мая. Онъ не раненъ, а между тѣмъ ужасно хромаетъ, такъ какъ его трое сутокъ носило по волнамъ бушующаго моря и онъ простудился, да такъ, что у него всѣ зубы шатались, и онъ не могъ ничего ѣсть. Когда его транспортъ Кам

чатка погибъ, то онъ чудомъ спасся отъ моментальнаго потопленія и плавалъ, держась за попавшуюся доску; конечно, силы его покидали, и онъ безсознательно держался за нее. Сновавшія взадъ и впередъ непріятельскія миноноски не только не оказали ему помощи, но даже неоднократно открывали по немъ и по многимъ другимъ пулеметный огонь; но, на счастье, ни одна пуля не зацѣпила его, и онъ на третьи сутки былъ выброшенъ волнами на японскій берегъ, гдѣ его и подобрали японцы. Японцы его о чемъ то все спрашивали, но онъ не могъ понять ихъ полу-русской полу-японской рѣчи, а тѣ думали, что онъ притворяется, и его съ какими то угрозами посадили въ лодку и повезли. Онъ не надѣялся уже остаться живымъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что его утопятъ; но его перевезли черезъ проливъ и доставили на то мѣсто, гдѣ были сложены громадныя кучи русскихъ матросовъ, выкинутыхъ на берегъ морскими волнами, но ужъ безъ признаковъ жизни. Всѣ трупы были или голые или въ нижнемъ бѣльѣ, и Л. предъявляли ихъ, чтобы онъ узнавалъ, кто нижній чинъ, кто офицеръ. Нѣсколько труповъ онъ призналъ за офицеровъ, что очень удивило японцевъ, и они спросили, почему онъ думаетъ, что это офицеры. Тогда онъ обратилъ ихъ вниманіе на нѣжность и бѣлизну кожи, на мягкія и не мозольныя руки, а также на золотые и богатые крестики на шеѣ. Долго его возили по такимъ мытарствамъ и наконецъ доставили въ Дайри, откуда онъ и прибылъ уже въ нашъ пріютъ. Теперь его, какъ человѣка невоеннаго, освобождаютъ изъ плѣна и поставили на дворѣ вмѣстѣ съ прочими товарищами и со всѣми принадлежавшими имъ вещами.

Вдругъ получилось приказаніе, чтобы они свои вещи оставили въ пріютѣ и выстроились безъ вещей, такъ какъ пойдутъ они не на вокзалъ, а сперва въ крѣпость. Унося вещи въ свой баракъ, Л. получилъ отъ своихъ товарищей по плѣну массу адресовъ, и онъ обѣщалъ всѣмъ, что по дорогѣ напишетъ письма и по пріѣздѣ въ Россію разошлетъ по полученнымъ адресамъ; такъ условились потому, что провезти написанныя письма нельзя: ихъ конфискуютъ японцы, а адреса конфисковать не могутъ.

Наконецъ, всѣ сборы были окончены, и всѣхъ увели въ крѣпость, гдѣ находится главная канцелярія фукуокскихъ пріютовъ. Всюду, гдѣ только собиралось 2—3 человѣка плѣнныхъ, рѣчь

шла объ Л. и его возвращающихся на родину товарищахъ; никто не завидовалъ имъ, а всѣ даже были рады, что хоть кто нибудь уѣдетъ въ Россію и привезетъ туда вѣсточку о нашемъ житьѣ бытьѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ возвращенія изъ крѣпости. Многіе готовили письма на родину, а такъ какъ ихъ провезти было трудно, то А. изобрѣлъ тайный почтовый ящикъ. Онъ вырѣзалъ голстую бамбуковую палку, набилъ туда массу писемъ и оба отверстія искусно задѣлалъ бамбуковой сердцевиной, такъ что получалась обыкновенная тросточка, по своей толщинѣ подходящая къ массивной фигурѣ Л.

Къ вечеру всѣ они вернулись наконецъ изъ крѣпости и сказали, что въ крѣпости было подробное дознаніе, кто гдѣ служилъ и какое участіе принималъ во время боя. Каждый долженъ былъ чѣмъ либо доказать, что онъ ничего общаго съ боемъ не имѣлъ. Оказывается, что сегодня не всѣхъ еще опросили, и нѣкоторые изъ нихъ пойдутъ еще завтра; а за это время письма ежеминутно прибывали.

9 Августа.—Сегодня пошли въ крѣпость на допросъ остальные, недопрошенные вчера санитары. Солдаты надѣялись, что разъ отправляютъ санитаровъ и вольнонаемныхъ, то скоро отправятъ и прочихъ плѣнныхъ. Къ вечеру вернулись съ допроса санитары, но времени отправки никто не зналъ.

10 Августа.—Сегодня по обыкновенію отецъ Метаки служилъ обѣдню, но къ намъ не заходилъ. Скука невообразимая. Наши солдаты, чтобы развлечь себя, стали что то ловить въ лужахъ. Оказалось, что они ловили въ лужахъ рыбу! Я сперва не вѣрилъ, чтобы въ этихъ дождевыхъ лужахъ могла водиться рыба, и думалъ, что солдатики вмѣсто рыбы ловятъ головастиковъ, которыхъ, при томъ изобиліи лягушекъ, какъ у насъ, должно было быть много; но я былъ очень удивленъ, когда одинъ солдатъ принесъ мнѣ банку изъ коньячной бутылки, въ которой плавали нѣсколько штукъ мелкихъ сазанчиковъ и два довольно большихъ угря, до 2-хъ вершковъ длины. Какъ видно, во время большихъ дождей какая нибудь рѣчушка выступала изъ береговъ, и вода вмѣстѣ съ рыбой уходила къ морю по канавѣ, которая тоже не могла вмѣстить всей воды и разливалась по дорогѣ и попадала въ нашъ садъ, гдѣ были двѣ порядочныхъ выемки и туда набиралось много воды, такъ что по-

лучался небольшой прудикъ, въ 6—7 квадр. саженъ. Пожалѣвъ рыбокъ, которыя могли подохнуть въ такой маленькой посудинѣ, я пустилъ ихъ въ прудъ, но ихъ навѣрно опять поймали, такъ какъ солдаты съ утра до вечера копошились въ этихъ лужахъ, и почти на каждомъ окнѣ появились такія бутылки съ рыбой; у нѣкоторыхъ завелись даже аквариумы. Относительно отправки санитаровъ идутъ рѣчи и предположенія, но положительнаго ничего неизвѣстно.

11 Августа.—Сегодня съ утра закрапалъ дождикъ, но къ вечеру пересталъ. Желая подышать свѣжимъ воздухомъ, наши военноплѣнные гурьбой пошли въ лѣсокъ, предназначенный для гулянья. Разбившись кучками, они разговаривали о разныхъ предметахъ, но больше всего о предстоящемъ мирѣ; кто высказывалъ пожеланія, чтобы миръ, каковъ бы онъ ни былъ, но былъ заключенъ какъ можно скорѣй; но были и такіе, которые желали еще годъ или два промучиться въ плѣну, лишь бы вернуться домой побѣдителями.

Сегодня насъ пригласили на представленіе въ японскій циркъ, стоявшій на берегу моря. Всѣ согласились, и я тоже пожелалъ посмотрѣть на японскія развлеченія.

12 Августа.—Съ утра накрапывалъ дождь и грозилъ разстроить наше предполагаемое путешествіе въ циркъ, но, слава Богу, скоро пересталъ, и мы въ 1 часъ дня выѣхали въ городъ. Я ѣхалъ въ городъ въ первый разъ и потому ожидалъ увидѣть много новаго. Выйдя за ворота, мы сѣли на рикши и поѣхали. Рикша—это очень легкій оригинальный двухъ-колесный экипажъ; въ него впрягается рысакъ, т. е. голоштанный японецъ, который рысью везетъ пассажира по всѣмъ направленіямъ, и въ гору, и подъ гору, безъ малѣйшей устали, такъ что врядъ ли россійскій петербургскій или московскій „Ванька" могъ бы его обогнать, потому что рикшачъ бѣжитъ 5—7 верстъ безъ измѣненія хода одной и той же рысью, словно заведенная пружиной машина. По выѣздѣ изъ пріюта, мой рикша доѣхалъ до сада и повернулъ вправо, по направленію къ городу Фукуока. Садъ этотъ вродѣ священнаго, въ немъ стоитъ очень древній японскій храмъ, и въ немъ хранятся какіе то священные голуби. По дорогѣ въ Фукуока я любовался оригинальными постройками и вообще своеобразной жизнью японцевъ. Всѣ постройки по обѣимъ сторонамъ улицъ сплошныя, какъ будто подъ

одну крышу, и снаружи все видно, что находится внутри, какъ будто бы всѣ стѣны прозрачныя. Это происходитъ оттого, что у японцевъ окна и двери не отворяются, а вся стѣна состоитъ изъ рѣшетчатыхъ передвижныхъ ставенъ, замѣняющихъ собою и окна и двери. Съ перваго взгляда трудно рѣшить, гдѣ кончается частная квартира и начинается мастерская или какой нибудь магазинъ, а еще труднѣе опредѣлить, гдѣ что продаютъ: тутъ и бакалейная торговля, и торговля зеленью, и оригинальными деревянными сандаліями или чѣмъ то вродѣ маленькихъ скамеечекъ, которыя японцы обыкновенно носятъ на ногахъ; часто попадаются парикмахерскія, въ которыхъ работаютъ обыкновенно женщины; рядомъ съ ними очень много встрѣчается столярныхъ или, вѣрнѣе, коробочныхъ мастерскихъ, гдѣ мужчины и женщины дѣлаютъ изъ тоненькихъ сосновыхъ дощечекъ коробки, въ которыхъ обыкновенно подаютъ въ Японіи рисъ; есть и настоящія столярныя мастерскія, въ которыхъ приготовляютъ изящные шкафы, этажерки и проч. тому подобныя вещи. Иногда предполагая увидѣть какую нибудь лавку, вы видите обширный механическій и чугуно-литейный заводъ, который ничѣмъ снаружи отъ обыкновенныхъ лавчонокъ и мастерскихъ не отличается, а между тѣмъ внутри виднѣется паровой молотъ и прочіе атрибуты обширнаго механическаго завода. Улицы ужасно узкія; но зато движеніе по нимъ непрерывное взадъ и впередъ; снуютъ пѣшеходы, и пышно одѣтые, и полураздѣтые, и совершенно почти голые, но праздношатающихся не встрѣчалось; всѣ или покупали, или продавали всевозможные товары, несли ихъ, или спѣшили куда нибудь по дѣламъ службы; всюду сновали велосипедисты, сверкая на солнцѣ своими голыми икрами; рикши встрѣчались на каждомъ шагу, не встрѣчалось только нигдѣ лошадей: онѣ буквально отсутствовали, и ихъ вполнѣ замѣняли люди. Странные люди эти японцы! Нагрузятъ арбу рисомъ или каменнымъ углемъ, а то навалятъ на нее 2—3 толстыхъ бревна, и прутъ эту тяжесть пудовъ въ 30—40, а можетъ быть и больше, не хуже хорошей лошади; плохая пожалуй не вывезла бы, а онъ ничего—тащитъ, какъ муравей! И откуда это у нихъ берется? Сами маленькіе, тщедушные, прямо, кажется, пальцемъ перешибешь, а онъ откуда то обладаетъ такой выносливостью! У нихъ даже женщины и дѣти возятъ подобныя

тяжести, но только поменьше—пудовъ 15—20. Улицы у нихъ не мощеныя, а засыпаны мелкимъ морскимъ щебнемъ, который, вкатавшись и размявшись, такъ уплотняетъ дорогу, что она дѣлается вродѣ шоссейной, и даже еще лучше, какъ цементированная.

Проѣхавъ дальше, мнѣ пришлось переѣзжать черезъ мостъ. На рѣкѣ виднѣлось нѣсколько каменныхъ мостовъ, и берега ея были выложены каменными стѣнами, такъ что къ нѣкоторымъ изъ нихъ могли даже подходить небольшіе пароходы и разныя парусныя шхуны и прочія мелкія морскія суда.

Наконецъ, мы подъѣхали къ цирку, и когда я сталъ вылѣзать на костыляхъ изъ рикши, меня моментально обступила огромная толпа японцевъ. Войдя внутрь цирка, я увидалъ, что тамъ у нихъ совсѣмъ не такъ, какъ у насъ въ Россіи. Ни стульевъ, ни ложъ не было, а вокругъ арены устроено было нѣчто вродѣ нашей галерки, на которой были уложены рядами квадратныя подушечки или матрасики, и на нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсаживались японцы и японки, поджавъ подъ себя ноги. Публика вся входила въ циркъ босикомъ или въноскахъ, оставляя свои сандаліи и деревянныя скамейки у входа въ циркъ, за что взималась плата за храненіе обуви по 1 кену, т. е. по одной копѣйкѣ съ человѣка; иные, снимая обувь, брали ее съ собою, завернувъ предварительно въ бумагу; мы же не разувались. Я, какъ любитель лошадей, пожелалъ осмотрѣть ихъ, и меня провели на конюшню. Тамъ я увидалъ 5 лошадей мелкой японской породы, очень худыхъ и нечищенныхъ, и двухъ вислоухихъ ословъ, тоже содержащихся не лучше лошадей. Вскорѣ пріѣхали офицеры изъ крѣпости и насъ стали разсаживать. Здоровыхъ помѣстили на подушкахъ, а насъ, какъ людей раненыхъ, посадили на стулья и скамейки. Офицеры, сидѣвшіе на подушкахъ, не могли долго сидѣть поджавши ноги и скоро сѣли вытянувъ ихъ. Народу въ общемъ было много, но вся почти публика состояла изъ военныхъ, докторовъ, чиновниковъ, офицеровъ, фельдшеровъ, переводчиковъ и пр. служащихъ.

Наконецъ, дали звонокъ и заиграла музыка, гдѣ то на верху; послѣ музыки заиграли на балалайкѣ, какой то оригинальный формы, затѣмъ началось пѣніе, похожее на кошачій мартовскій концертъ и одновременно на арену цирка выѣхали артисты на всѣхъ пяти заморенныхъ клячахъ, изъ которыхъ три даже хромали, и начали

продѣлывать съ ними вольтижировку. Выходило очень плохо. Послѣ вольтижировки на сцену явились ослы и стали ходить на заднихъ ногахъ и прыгать черезъ огонь; тутъ тоже ничего хорошаго не было. Интересно было смотрѣть на четырехъ маленькихъ акробатовъ и двухъ дѣвочекъ, т. е. по японски мусьмешекъ, которыя очень недурно ходили по проволокѣ. Но лучше всего была ѣзда на велосипедѣ. Велосипедистъ принималъ всевозможныя неестественныя позы при самой головокружительной ѣздѣ; затѣмъ поднимался съ велосипедомъ на 10 ступеней по лѣстницѣ, дѣлая вмѣстѣ съ велосипедомъ скачки съ одной ступеньки на другую, и, забравшись наверхъ, быстро скатился внизъ и моментально сталъ на велосипедѣ вверхъ ногами, работая вмѣсто ногъ руками. Скоро представленіе окончилось и мы поѣхали въ городъ, купили тамъ что было нужно, и вернулись въ пріютъ. Ночь прошла благополучно.

13 Августа. — Вчера, вернувшись изъ цирка, я, раздѣваясь, положилъ бинокль на столъ и легъ спать. Проснувшись утромъ, я услыхалъ, что сегодняшней ночью у капитана X. пропали изъ столика деньги, которыя собрали между собою католики и отдали ему для передачи ксендзу. Какъ видно, кто нибудь изъ пьянчужекъ картежниковъ и орлянщиковъ забрался ночью въ каморку и стащилъ эти деньги.

Узнавъ о случившемся, я подумалъ, не заходилъ ли ночной визитеръ и ко мнѣ, и началъ оглядываться, не пропали ли и у меня какія нибудь вещи, и тутъ я замѣтилъ, что бинокль, оставленный мною съ вечера на столѣ, исчезъ, и сколько мы его ни искали, нигдѣ не нашли и онъ какъ въ воду канулъ. Очень жаль было мнѣ этого бинокля, такъ какъ онъ былъ очень хорошей конструкціи и очень удобный; по всей вѣроятности, матросу, у котораго я купилъ его, онъ достался отъ офицера съ погибшихъ судовъ, такъ какъ бинокль былъ морской, хорошо приближавшій и изящной отдѣлки. Картежники проигрались, пропились и принялись за воровство. Никуда не спрячешься отъ нихъ.

14 Августа. — День ужасно жаркій! Сегодня нашъ пріютъ посѣтилъ французскій консулъ, котораго съ нетерпѣніемъ уже давно ожидали всѣ плѣнные для заявленія ему претензій на очень плохую пищу, кулачную расправу съ плѣнными, а въ особенности

съ калѣками. Ал. приготовилъ по этому случаю прошеніе на французскомъ языкѣ отъ имени всѣхъ военноплѣнныхъ. По пріѣздѣ консула въ пріютъ, всѣ старшіе бараковъ были собраны вмѣстѣ въ одномъ пустомъ баракѣ, куда пришелъ и капитанъ Х., котораго всѣ военноплѣнные просили помочь имъ передать ихъ претензіи и просьбы на французскомъ языкѣ, чтобы переводчикъ японецъ не могъ скрыть что нибудь отъ консула. Многіе стали было излагать капитану Х. свои претензіи, но оказалось, что всѣ онѣ были уже изложены въ общей просьбѣ Ал., исключая нѣкоторыхъ, имѣвшихъ совершенно частный характеръ. Вскорѣ въ баракъ пришелъ консулъ, сопровождаемый цѣлымъ штатомъ японскаго начальства, начиная съ начальника пріютовъ, докторовъ и кончая переводчиками и жандармами. Поговоривъ съ капитаномъ Х., онъ обратился къ плѣннымъ съ вопросомъ, не имѣетъ ли кто нибудь жалобъ словесныхъ или письменныхъ; тутъ выступилъ Ал. и подалъ ему прошеніе. Увидя, что прошеніе написано по французски, онъ подалъ его капитану и просилъ прочесть его вслухъ, чтобы содержаніе его слышали японскіе начальники и переводчики, что Х. съ удовольствіемъ исполнилъ. По окончаніи чтенія, консулъ передалъ прошеніе своему переводчику и сказалъ опять черезъ капитана же, что съ подобными жалобами къ нему уже обращались и въ крѣпости, и у портъ-артурцевъ, и онъ уже просилъ маіора обратить на выставленные факты вниманіе, и тотъ обѣщалъ улучшить пищу, насколько возможно, и положеніе военноплѣнныхъ, и затѣмъ сталъ выслушивать жалобы частнаго характера; консулъ всѣмъ обѣщалъ исполнить ихъ просьбы и послѣ этого пришелъ къ намъ, много кое о чемъ говорилъ, выдалъ капитану С. и поручику М. по 50 руб., которыя они просили выдать имъ въ счетъ жалованья за Май мѣсяцъ. Это очень добрый, молодой еще человѣкъ и, по всей вѣроятности, много бы сдѣлалъ для всѣхъ вообще плѣнныхъ, если бы обладалъ на то какими нибудь средствами, кромѣ добраго желанія. Уѣзжая, онъ обѣщалъ военноплѣннымъ высылать газеты и навѣстить ихъ еще когда нибудь въ свободное время.

О мирѣ онъ ничего не зналъ, хотя и говорилъ, что скоро все будетъ извѣстно; но только отправка насъ на родину не можетъ скоро состояться, хотя бы миръ состоялся и въ скоромъ времени.

15 Августа. — Сегодня прибыли новые плѣнные изъ Маньчжуріи и съ ними одинъ офицеръ, подпоручикъ своднаго пластунскаго баталіона, который сообщилъ, что въ маньчжурской арміи настроеніе, съ полученіемъ извѣстій о началѣ мирныхъ переговоровъ, сильно измѣнилось къ худшему: ни офицеры, ни войско не желаютъ мира.

Онъ былъ посланъ съ 10-ю охотниками на глубокую развѣдку и 8 сутокъ бродилъ съ ними въ тылу непріятеля, путешествуя лишь по ночамъ, а днемъ отдыхая, спрятавшись гдѣ нибудь въ горахъ. Все шло благополучно, но на обратномъ пути, во время ночевки въ китайской фанзѣ, его поймали вмѣстѣ съ деньщикомъ, а остальные убѣжали. Кромѣ него, съ этой партіей прибылъ оригинальный малолѣтній плѣнникъ Коля А. 13 лѣтъ, съ двумя нашивками на погонахъ. Я поинтересовался узнать, какъ онъ попалъ въ плѣнъ. Онъ разсказалъ, что былъ отпущенъ на развѣдки, и они нарвались на шайку хунхузовъ. Взрослые охотники убѣжали, а онъ остался, и его поймали, взяли въ охапку и снесли къ японскимъ офицерамъ. Жаль, говоритъ, что хунхузовъ было до 10 человѣкъ, а будь бы ихъ человѣкъ 5, я бы могъ еще вступить съ ними въ драку. Такой бойкій мальчуганъ — прелесть; жаль, что его испортятъ солдаты и научатъ пить, ругаться и проч.

17 Августа.—Сегодня священникъ служилъ обѣдню, по окончаніи которой заходилъ къ намъ справиться о нашемъ здоровьѣ и сообщилъ, что мирные переговоры окончены, но на какихъ условіяхъ—неизвѣстно пока, и когда будетъ размѣнъ плѣнныхъ—тоже невозможно даже и приблизительно сказать. Къ вечеру уже всѣ солдаты были убѣждены, что отъѣздъ будетъ на дняхъ, потому что кашеваръ передалъ, что на кухнѣ не приняли угля, такъ какъ онъ теперь уже не нуженъ въ виду выѣзда плѣнныхъ. Всюду радость и кричатъ по всѣмъ баракамъ „Ура—Ура!“

18 Августа.—Сегодня меня пригласили ѣхать въ крѣпость къ офицерамъ въ гости, но я отказался и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ согласился ѣхать только одинъ X., а остальные тоже отказались. Послѣ къ нему присоединился еще поручикъ М., но когда они пріѣхали въ крѣпость, то часовые пропустили лишь одного X., а М. не пустили, и онъ остался за воротами ожидать его возвращенія. Оказалось, что изъ пріюта по телефону сказали, что ѣдетъ въ крѣ-

пость изъ Хаказаки одинъ только капитанъ X., и потому, когда часовые увидали двухъ офицеровъ, то пропустили только одного X.. Вотъ до какой степени аккуратны японскіе солдаты. Въ такомъ пустякѣ не захотѣли нарушить положенныхъ правилъ!

20 Августа.—Подтверждается слухъ, что миръ заключенъ окончательно.

Всѣ очень довольны. Наши солдатики ликуютъ, но всетаки разсуждаютъ и о возможности продолженія войны, и о предстоящемъ возвращеніи на родину; толкуютъ, что война не окончена, и въ Японіи подымаются всюду бунты, и русскіе воспользуются внутренними смутами японцевъ и заберутъ въ свои руки всѣ японскіе острова; стали даже болтать, что одинъ городъ уже разбитъ. Кто говоритъ миръ, кто—война.

22 Августа.—Сегодня вечеромъ былъ въ театрѣ, устроенномъ нашими солдатами. Ставили „Власть тьмы“ соч. Толстого. Хотя игра ихъ и не могла быть артистическая, но, все таки, было очень весело, и мы не замѣтили, какъ прошло время до 12 часовъ ночи.

24 Августа.—Сегодня священникъ послѣ обѣдни продавалъ самоучители японскаго языка, и я пріобрѣлъ себѣ одинъ экземпляръ, желая изучить его, хотя языкъ этотъ не принесетъ мнѣ должной пользы, такъ какъ вскорѣ мы уѣдемъ въ Россію, гдѣ онъ будетъ совершенно ни къ чему. Но отъ скуки не мѣшаетъ заняться, и я долго послѣ повѣрки читалъ этотъ самоучитель, какъ, вдругъ, слышу—что то забѣгали по корридору, послышались два—три крика и удары по чему то мягкому бамбуковыми палками, и скоро все утихло. Оказалось, что пострадали два пьяницы картежника Ив. и Ц. Ив. въ корридорѣ встрѣтилъ Ц. и сталъ требовать отъ него 1 фунтъ стерлинговъ, которые онъ утащилъ у Ив. изъ кармана. Тотъ началъ оправдываться и въ концѣ концовъ Ив. поранилъ его большимъ перочиннымъ ножемъ въ руку и убѣжалъ въ свой баракъ. Ив. Владивостокской эскадры, а Ц. съ крейсера „Свѣтлана“. Свѣтланцы, пользующіеся какимъ то правомъ мирить и наказывать всѣхъ и каждаго, разобрали это дѣло и признали Ив. виновнымъ, почему были посланы нѣсколько человѣкъ свѣтланцевъ, вооруженныхъ бамбуковыми палками, для должнаго наказанія виновника. Придя въ баракъ къ Ив., они, не обращая на себя вниманія, разошлись по всему бараку, а затѣмъ какъ бы нечаянно собрались къ постели Ив., ко-

торый, смекнувъ въ чемъ дѣло, притворился спящимъ. Его стащили съ наръ и на рукахъ вынесли въ корридоръ, гдѣ, зажавъ ему ротъ, начали производить кровопролитную экзекуцію. Черезъ нѣсколько минутъ бросивъ Ив., они по одному и по два вернулись какъ ни въ чемъ не бывало обратно въ свой баракъ, какъ лица, идущія со службы и правильно исполнившія данное имъ порученіе. А Ив., полежавъ нѣсколько секундъ въ корридорѣ, поплелся на свою постель, да еще приговаривалъ:—„ахъ, сто чертей вамъ всѣмъ въ глотку! Кто говоритъ „дерутся у насъ такъ", „дерутся у насъ этакъ": ни черта у васъ не дерутся! У васъ балуются. Видите теперь, какъ у насъ бьютъ! Вотъ это бьютъ! Лѣтъ на нѣсколько поубавили жизни; вотъ это по флотски."—Удивительная натура! Ни стоновъ, ни жалобъ! Какъ только онъ перенесъ такіе побои!

25 Августа.—Утромъ я пошелъ въ перевязочную, гдѣ мнѣ каждый день дѣлали массажъ. По дорогѣ я увидалъ слѣды вчерашней драки: отъ того мѣста, гдѣ поранилъ Ив. Ц. и до самой перевязочной, сажень на 20, тянулись сплошной струей слѣды крови, а въ мѣстахъ, гдѣ онъ пріостанавливался, слѣды обращались въ лужицы. Черезъ нѣсколько времени послѣ моего прихода въ перевязочную, туда привели избитаго Ив., который, во избѣжаніе повторенія экзекуціи, просился ночевать въ караульномъ помѣщеніи. Ужасно было смотрѣть на обнаженное тѣло Ив.: голова его была перевязана, и въ двухъ мѣстахъ видны были слѣды запекшейся крови, а спина, бока, шея, руки были испещрены широкими синими и багровыми полосами во всѣхъ направленіяхъ; правая лопатка представляла какое-то сплошное синее пятно, и глядя на него, дѣйствительно можно было повѣрить, что эти побои унесли не одинъ годъ его жизни, и поневолѣ приходила въ голову мысль: какъ живучъ человѣкъ, что въ состояніи перенести такіе ужасные побои.

26 Августа.—Сегодня нашими любителями представлена была въ третій разъ „Власть тьмы" исключительно для японской публики; мы тоже были приглашены на этотъ спектакль, и вечеромъ втроемъ отправились туда, хотя и не ради спектакля, а для того, чтобы ближе разглядѣть японскую публику.

Для японцевъ администраціей пріюта было приготовлено угощеніе: чай, пряники и конфекты, которыми они угощали и насъ. Публики собралось очень много, человѣкъ болѣе 300.

Было очень много женщинъ, дѣвицъ, „гейшъ“ и дѣтей. Женщины занимали исключительно лѣвую сторону, а мужчины правую; и тѣ, и другіе сидѣли поджавъ подъ себя ноги, или просто на корточкахъ; но мужчины откидывали при этомъ полы своего кимоно, а такъ какъ почти всѣ штатскіе не носятъ брюкъ, то получились довольно неприличныя позы. Но это никого не шокировало и никто, конечно, кромѣ русскихъ, не обращалъ на это никакого вниманія. Военные чины были въ полной присвоенной ихъ чину и званію формѣ, но при входѣ въ театръ разувались такъ же, какъ и штатскіе, и оставляли тамъ свою обувь; удивительно, какъ это японцы распутывались потомъ со своей обувью, такъ какъ у дверей стояло до 300 одинаковыхъ скамеечекъ, замѣнявшихъ японцамъ обувь; женскія лежали по лѣвую, а мужскія—по правую сторону дверей.

На спектакль японцы смотрѣли со вниманіемъ; но врядъ ли спектакль могъ имъ понравиться, такъ какъ никто изъ нихъ не зналъ русскаго языка, и передъ началомъ дѣйствія переводчикъ читалъ на японскомъ языкѣ все то, что должно будетъ изображаться въ слѣдующемъ дѣйствіи; но, всетаки, говоритъ докторъ, публика просила передать артистамъ ихъ благодарность за доставленное имъ удовольствіе. Больше всего публикѣ понравилась русская пляска и лезгинка, исполненныя дагестанцами А. Ш. и двумя казаками Кубанскаго казачьяго войска.

28 Августа.—Вечеромъ и сегодня утромъ всѣмъ военноплѣннымъ объявили, что миръ между Россіей и Японіей заключенъ окончательно, и скоро всѣмъ будетъ предоставлено свободно гулять по городу; но всетаки пока нужно еще подождать, такъ какъ все населеніе Японіи возбуждено противъ русскихъ, и народъ недоволенъ заключеніемъ мира; во многихъ большихъ городахъ вспыхнули возстанія, и всюду требуютъ продолженія войны, чтобы достигнуть болѣе выгодныхъ условій мира для Японіи.

30 Августа.—Вчера вечеромъ мы были въ театрѣ. Ставили „Бакенбарды“ и пантомину „Сапожники“; было очень весело. Сегодня ночью спать было очень плохо, такъ какъ послѣ спектакля около нашего пріюта началась стрѣльба, и поднялась какая то тревога на барабанахъ. Сперва я испугался, думая, не поднялось ли въ Фукуока возстаніе, и шайки бунтующихъ подобрались къ нашему пріюту, чтобы поколотить насъ. Среди солдатъ распространился слухъ, что

въ одномъ японскомъ городѣ уже былъ такой случай, и толпы бунтовщиковъ напали на пріютъ и побили русскихъ плѣнныхъ, чтобы война разгорѣлась вновь. Но въ дѣйствительности оказалось, что на сосѣднемъ японскомъ кладбищѣ собралась толпа японцевъ для совершенія поминокъ по убитымъ на полѣ брани японскимъ воинамъ, и потому они производили холостую стрѣльбу, пускали ракеты и ходили по кладбищу съ разноцвѣтными фонарями подъ звуки пѣсенъ, музыки и грохота барабановъ и тарелокъ; всѣмъ этимъ шумомъ они сзываютъ тѣни умершихъ, чтобы и они присутствовали съ ними на поминкахъ.

31 Августа.—Сегодняшнюю ночь опять провелъ скверно, такъ какъ японцы буквально не даютъ спать своей адской музыкой, не умолкающей даже и днемъ. Около пріюта есть ихъ храмъ, и я пошелъ въ садъ, чтобы посмотрѣть на ихъ празднества. Тамъ я увидалъ большую толпу японцевъ съ огромными флагами и какими то чучелами, предъ которыми они преклонялись, молились, пѣли и чортъ знаетъ, чего только не дѣлали.

1 Сентября.—Сегодня, какъ только проснулся, услыхалъ въ саду какую то перекличку; взглянувъ въ окно, я увидалъ множество нашихъ плѣнныхъ, которые собрались въ саду, и ихъ перекликали. Я подумалъ, что плѣннымъ дѣлаютъ перекличку и объявляютъ, что скоро они будутъ отправлены на родину, а также объясняютъ, какія изъ японскихъ вещей и сколько они могутъ везти съ собою, или что нибудь въ этомъ родѣ, но оказалось, что для мукденцевъ были высланы изъ Россіи разныя пожертвованныя вещи, и теперь они собраны тутъ, чтобы распредѣлить подарки безъ спора по жребію: кому дать сапоги, или халатъ, одѣяло, шинель и т. п.

3 Сентября.—Утромъ я пошелъ пройтись въ садъ, гдѣ гуляло много народу. Тутъ я замѣтилъ, что множество японцевъ подходило къ нашему пріютскому двору, съ любопытствомъ разсматривали насъ и что то показывали на пальцахъ; наши солдаты объяснили мнѣ, что они на пальцахъ показываютъ, сколько дней намъ придется еще оставаться въ пріютскомъ заключеніи, и что скоро наступитъ время, когда имъ нельзя уже будетъ смотрѣть на насъ.

5 Сентября.—Вчера вечеромъ я былъ на любительскомъ спектаклѣ. Ставили „Безпокойная ночь“ и „Сосватались-разсватались“ и пантомину „Московскіе портные“. Время провели очень весело

Сегодня запросили военноплѣнныхъ, не желаетъ ли кто либо изъ нихъ записаться санитарами, дабы ухаживать за больными при отправкѣ на родину; записалось человѣкъ до 50, такъ что къ обѣду запись за полнымъ комплектомъ прекратили. Но желающихъ попасть было очень много. Ал. успѣлъ записаться и былъ очень радъ, и первымъ долгомъ сообщилъ мнѣ о своей удачѣ. Неизвѣстно, чѣмъ руководились желающіе попасть въ санитары; но, по слухамъ, они всѣ имѣли разныя цѣли: иные надѣялись вмѣстѣ съ больными уѣхать раньше въ Россію, другіе, сдѣлавшись санитарами, надѣялись на большую свободу, лучшую пищу и доходъ; были такіе, которые поступленіемъ въ санитары думали угодить начальству и черезъ нихъ получить въ награду повышеніе по службѣ или какое нибудь украшеніе на грудь; но были и такіе, которые записывались только для того, чтобы дѣлать доброе христіанское дѣло и, насколько возможно, быть полезнымъ гражданиномъ Россіи. Къ этимъ послѣднимъ причислялъ себя и Ал.

7 Сентября.—Сегодня мнѣ положительно не удалось выспаться, такъ какъ чуть свѣтъ въ саду стали горланить во всю мочь три пьяныхъ матроса и немилосердно пилили на гармоніи, и не только что больные, а даже мертвые, и тѣ бы возстали. Какъ я ни бился, но заснуть не могъ. Когда разсвѣло, я пошелъ гулять въ садъ, гдѣ встрѣтилъ Ал., который тоже былъ разбуженъ этими горлодерами. Пройдя по аллеѣ раза три взадъ и впередъ, мы, желая избѣгнуть встрѣчи съ крикунами, подошли къ нашему бараку и отсюда увидали идущихъ по аллеѣ человѣкъ 10 японскихъ солдатъ. Они шли на смѣну стараго караула. Догнавъ около воротъ нашихъ крикуновъ, японцы сперва прошли было мимо нихъ, но затѣмъ почему то остановились и завели съ матросами споръ и, по всей вѣроятности, предложили имъ перестать играть на гармоніи; тѣ навѣрно отвѣтили грубостью, и тогда ихъ увели за ворота. Ал. предложилъ тогда сбѣгать туда и узнать, куда увели матросовъ, и вернувшись, сообщилъ, что ихъ посадили въ караульное помѣщеніе, а въ толпѣ носится слухъ, будто ихъ арестовали по моей на нихъ жалобѣ, которую я переслалъ со своимъ деньщикомъ. Но въ обѣдъ хотѣли уже бить бамбуками Ал., обвиняя его въ томъ, что онъ, якобы по моей просьбѣ, сбѣгалъ въ канцелярію и просилъ убрать буяновъ, почему ихъ и убрали, какъ надоѣвшихъ Г.г. офицерамъ; а послѣ

того, какъ ихъ увели, я будто бы послалъ Ал. подсмотрѣть, исполнили ли японцы мою просьбу, что онъ и сдѣлалъ; а когда онъ вернулся и доложилъ, что ихъ посадили въ канцелярію, то я, якобы за его труды подарилъ ему одну папироску. Хорошо еще, что Ал. малый неглупый и сумѣлъ имъ разъяснить нелѣпость ихъ предположеній, а то, дѣйствительно, могло окончиться весьма печально и для него, и для меня.

8 Сентября.—Сегодня праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы. Солдаты скучаютъ, да и меня скука одолѣла, тѣмъ болѣе что каждому вспоминаются прошедшіе годы, когда въ этотъ праздникъ мы были въ кругу родной семьи. Сегодня я отдалъ переписывать на бѣло свой дневникъ волонтеру А.; пусть заработаетъ на табакъ, а то тутъ негдѣ взять.

9 Сентября.—Сегодня я ѣздилъ въ городскую баню. Она стоитъ на самомъ берегу моря. Когда я слѣзъ съ рикши, то увидалъ возлѣ дверей множество обуви, и тутъ же ко мнѣ выбѣжали навстрѣчу изъ бани нѣсколько гейшъ и привѣтствовали меня стоя на колѣнахъ и, кланяясь, приглашали пожаловать внутрь бани. Въ банѣ была замѣчательная чистота и вездѣ прислуживали гейши. Мылись всѣ вмѣстѣ цѣлыми семействами, отдѣляясь другъ отъ друга маленькими перегородками по поясъ вышиной. Раздѣваются и одѣваются въ небольшихъ залахъ. Ванны очень хорошія, каменныя, чистыя, и въ нихъ постоянно текла холодная и горячая морская вода, которую, смотря по желанію, можно было регулировать посредствомъ крановъ. Въ противоположность русскимъ банямъ, изъ японскихъ бань видна была вся ближайшая окрестность, и изъ той бани, въ которой былъ я, былъ виденъ роскошный видъ на море, по которому двигались пароходы и былъ даже одинъ большой броненосецъ, съ тремя огромными трубами, и однотрубный крейсеръ, оба въ полномъ вооруженіи. Въ общемъ баней я остался очень доволенъ. Оттуда я поѣхалъ обратно домой и по дорогѣ заѣхалъ въ трактиръ, или ресторанъ, чтобы закусить, такъ какъ послѣ бани я чувствовалъ волчій аппетитъ. Тутъ тоже встрѣтили меня колѣнопреклоненныя гейши и провели внутрь ресторана. Занявъ одну комнатку, я потребовалъ бутылку пива и обѣдъ. Пока его приготовляли, я разсматривалъ внутреннее устройство японскаго дома. Полы были устланы мягкими соломенными матами,

почему въ комнатахъ въ обуви никто не ходитъ, и мнѣ тоже пришлось оставить свою обувь у входа. Мебели не существовало никакой и всѣ сидѣли на тонкихъ подушечкахъ. На стѣнахъ висѣли длинныя узкія картины ручной работы тушью, изображавшія оригинальные пейзажи: японскія скалы съ причудливыми уродливо-кривыми деревьями, или сцены изъ древне японскихъ воинственныхъ эпизодовъ въ оригинальныхъ древнихъ костюмахъ и вооруженіи. По стѣнамъ, на полочкахъ, были установлены искусные чучела рыбъ, птицъ и звѣрей. Обѣдъ подали въ деревянныхъ ящикахъ—замѣняющихъ подносы. Сперва подали какой то супъ, но онъ мнѣ очень не понравился; послѣ супа принесли раковыя шейки, за ними появилась жареная рыба, очень вкусно приготовленная; потомъ подали какую то рисовую колбасу, тоже довольно вкусную; за ней бифштексъ или жареный языкъ, не разобралъ что, хотя это кушанье и выдавали за европейское, но оно нисколько не напоминало что нибудь европейское. Къ обѣду, кромѣ пива, подали графинчикъ горячей саки. На вкусъ горячіе „саки“ нѣчто вродѣ чая съ водкой, и сразу опьяненія не замѣчается; но за то въ непродолжительномъ времени этотъ напитокъ начинаетъ сильно дѣйствовать на голову.

Послѣ обѣда подали десертъ: яблоки и „каки“. Каки очень похожи видомъ на крупныя желтыя сливы, оранжеваго цвѣта; мясо какъ у яблокъ, но на вкусъ очень сладкое, до приторности, и непріятно вяжущее.

Изъ ресторана я поѣхалъ къ фотографу и снялся тамъ. Фотографія была на очень живописномъ мѣстѣ: кругомъ лѣсъ и возлѣ самой фотографіи прудъ, похожій на узенькую извилистую рѣку, въ которой плавали какія то красныя рыбы, вылавливать которыхъ строго воспрещалось. Черезъ этотъ прудъ былъ перекинутъ маленькій мостикъ, очень оригинальной формы, съ очень толстыми столбами и перилами и посерединѣ сильно выпуклый, что въ общемъ придавало мосту очень красивый видъ. Фотографъ довольно порядочно говорилъ по русски, такъ какъ до войны жилъ въ Варшавѣ и теперь славится въ Хаказаки, какъ очень хорошій фотографъ, быстро и аккуратно исполняющій заказы. Снявшись и заказавъ дюжину кабинетныхъ портретовъ въ бюстъ за 3 рубля, я поѣхалъ въ свой пріютъ.

Придя въ баракъ, я увидалъ поселившагося тамъ противъ моей каморки прапорщика П., переведеннаго къ намъ изъ крѣпости изъ за его ссоръ съ тамошними офицерами. Увидавъ меня, онъ отрекомендовался, и мы познакомились. У насъ былъ уже о немъ слухъ, что онъ очень любитъ рюмочку и очень безпокойный господинъ.

10 Сентября.—Сегодня, послѣ вчерашней прогулки, я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ, и потому весь день никуда не выходилъ и сидѣлъ въ обществѣ П., который показался мнѣ симпатичнымъ и очень разговорчивымъ малымъ, съ натурой чистокровнаго русака, признающаго за девизъ „Не тронь меня, а коль тронешь—не обижайся и самъ“.

Сегодня меня приглашали идти въ театръ; но я сперва было отказывался и, чувствуя себя больнымъ, не хотѣлъ идти; но вечеромъ всетаки пошелъ, такъ какъ театръ очень близокъ да и время пройдетъ незамѣтно. Ставили пьесу „Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь“. Въ половинѣ спектакля послышался сигналъ „на повѣрку“, хотя повѣрка уже кончилась. Навѣрно что нибудь случилось, а потому всѣ, хотя и нехотя, покинули залъ и пошли по баракамъ. У входа въ театръ стояли солдаты и переводчикъ, который въ рукахъ держалъ грязные бѣлые брюки, рубашку и фуражку русскаго матроса и предъявлялъ выходящей публикѣ, спрашивая, чьи это вещи; но хозяина не нашлось. Дѣлая повѣрку, японцы искали кого то и осматривали у плѣнныхъ ноги; но и тутъ ничего не нашли. Оказалось, что во время спектакля наши солдаты, воспользовавшись тѣмъ, что почти всѣ японцы находились въ театрѣ, вздумали перепрыгнуть черезъ заборъ за коньякомъ, но ихъ замѣтилъ часовой и ухватилъ одного изъ нихъ, а остальные убѣжали въ баракъ. Къ несчастію для японскаго солдата, онъ нарвался на здороваго парня, который не долго думая сбросилъ его въ канаву съ водой, но японецъ при паденіи увлекъ за собою туда же и своего противника, который вслѣдствіе этого вымочилъ свою одежду. Но онъ все же ловко вырвался и убѣжалъ въ баракъ, бросивъ по дорогѣ фуражку и всю свою мокрую одежду. Пока часовой вылѣзалъ изъ канавы и разыскивалъ свое ружье, которое отлетѣло во время борьбы куда то въ сторону, нашъ матросъ успѣлъ переодѣться и принять самый невинный видъ, и такимъ образомъ не былъ розысканъ.

Послѣ повѣрки всѣ вернулись въ театръ. Съ приходомъ публики возобновилась игра и окончилась очень весело.

12 Сентября.—Сегодня по просьбѣ поручика М. я ѣздилъ съ нимъ въ ресторанъ, гдѣ очень весело провели время. Японскія гейши пѣли и играли на своихъ оригинальныхъ трехъструнныхъ инструментахъ. Пѣніе ихъ хотя и не походило на европейское, но зато сами гейши были недурненькія и даже хорошенькія.

14 Сентября.—Сегодня праздникъ Воздвиженья Креста Господня и я ходилъ въ церковь слушать обѣдню. Хоръ пѣвчихъ, составленный изъ нашихъ плѣнныхъ, мнѣ очень понравился. Жаль только, что священникъ Андрей Метаки очень плохо выговариваетъ слова молитвъ, съ какимъ то особеннымъ удареніемъ на словахъ, вродѣ „вольнòму и не вольнòму". Послѣ обѣдни священникъ посѣтилъ насъ и говорилъ, что мы скоро будемъ возвращены на родину. Я ему не вѣрилъ, такъ какъ онъ уже неоднократно говорилъ подобныя вещи, и никогда ничего не исполнялось. Стали появляться слухи, что японскія войска ѣдутъ уже изъ Маньчжуріи въ Японію. За эти дни я все больше и больше узнаю характеръ П. Онъ дѣйствительно любитъ пить и готовъ дни и ночи проводить въ веселой компаніи, но никого никогда не оскорбитъ. У него нѣтъ ни старшихъ, ни младшихъ, и онъ со всѣми равенъ; но только не тѣрпитъ лицъ, задирающихъ высоко свой носъ. Не знаю, почему въ крѣпости составилось мнѣніе, что онъ „безпокойный господинъ".

23 Сентября.—За истекшіе дни ничего особеннаго не было, почему я и не описывалъ ихъ. Разговоры тоже все тѣ же, одинъ говоритъ, что скоро ѣдемъ, другой споритъ, что не скоро, и не разберешь, на чьей сторонѣ правда.

Теперь къ нашимъ баракамъ приставили усиленные караулы. Навѣрно гдѣ нибудь было нападеніе черни на пріютъ, но можетъ быть и вслѣдствіе того, что кражи съ каждымъ днемъ усиливаются и японцы желаютъ насколько возможно попридержать любителей чужой собственности, а то ужъ чортъ знаетъ, до чего дошли наши солдаты.

26 Сентября.—Мы сегодня побывали въ японскомъ городскомъ театрѣ. Ѣхали мы туда по совершенно новымъ для насъ улицамъ, хотя на нихъ ничего новаго не увидали: тѣ же однообразныя сплошныя постройки, тѣ же узенькія улицы, кишащія на-

родомъ, рикшами и снующими взадъ и впередъ торговцами и солдатами, такіе же магазины, такъ что и описывать не приходится.

Подъѣхавъ къ театру, мы сняли обувь и сдали ее на храненіе спеціально для этой цѣли находящемуся японцу, и пошли въ назначенную намъ ложу. Ни скамеекъ, ни стульевъ не существовало, и всѣ, и женщины, и мужчины, сидѣли на корточкахъ, поджавъ подъ себя ноги. Плата за дальнія мѣста была отъ 2 до 3 к., а въ ложахъ по 10 к. съ человѣка. Вотъ гдѣ дешевка то! Какому угодно бѣдняку доступно это удовольствіе, и поэтому театръ всегда биткомъ набитъ.

Намъ, т. е. русскимъ, были даны стулья, а нашимъ докторамъ и переводчикамъ подушечки для удобнаго сидѣнья. Передъ каждымъ поставили по ящичку изъ лакированнаго дерева, обитаго изнутри жестью. Въ этихъ ящичкахъ была насыпана зола съ горячимъ углемъ. Въ Японіи каждому взрослому мужчинѣ и женщинѣ подаютъ такіе ящики для того, чтобы они могли прикуривать изъ нихъ свои миніатюрныя трубки, которыя они постоянно выбиваютъ и вновь зажигаютъ.

Театръ былъ очень оригиналенъ: круглый, на подобіе цирка, а для публики были устроены дугообразно террасы. Представленія давались на сценѣ и противъ сцены, т. е. собственно въ партерѣ; сцена ихъ такъ устроена, что поворачивается какъ карусель кругомъ, и когда идетъ представленіе на одной сторонѣ, то на другой перемѣняютъ декораціи. Актеры сильно жестикулируютъ, и хотя не ясно, но все-же хотя приблизительно можно понять смыслъ пьесы. Спектакль тянулся довольно долго, но антрактовъ было очень мало. Во время антрактовъ публика достаетъ принесенную съ собою провизію, или покупаютъ кушанья у тутъ же торгующихъ въ это время гейшъ, которыя ходятъ между публикой и предлагаютъ купить рису или еще какой либо закуски или выпивки, и ѣдятъ здѣсь же въ театрѣ. Всѣ кушали рисъ палочками, очень аккуратно подбирая даже по одной крупинкѣ, но мы никакъ не могли научиться ѣсть этими палочками и потому принялись за пиво и водку, закусывая какими то пряниками и рисовой колбасой, и такъ какъ закуску мы брали руками, то многіе смѣялись надъ нами. Чтобы не быть посмѣшищемъ, мы бросили ѣсть японскій обѣдъ и, опорожнивъ бутылки, разсчитались съ гейшами.

Вскорѣ забренчала гитара, тараракнулъ барабанъ и началось новое дѣйствiе. Во время второго антракта я ходилъ осматривать кулисы и вообще всю обстановку закулисной жизни японской сцены. Женщины и мужчины одѣвались въ одной уборной, даже клозеты у нихъ, и то общiе. Ну и народецъ же!.. Послѣ театра вернулись въ свои бараки и разсуждали о томъ, какъ въ Японiи чуть не весь день играютъ въ театрѣ и все удовольствiе для бѣдняка стоитъ 3 коп.

28 Сентября.—Сегодня я купилъ по случаю хорошiй бинокль фирмы Шевалье. Вечеромъ, послѣ повѣрки, солдаты пропѣли молитву и нѣкоторые собирались уже ложиться спать, какъ вдругъ по корридору поднялась суматоха. Я подумалъ, что опять драка. Но вотъ прибѣгаетъ А. и заявляетъ, чтобы мы были на готовѣ, такъ какъ гдѣ то въ прiютѣ пожаръ, и самъ убѣжалъ узнать подробности. Я поспѣшилъ распорядиться, чтобы деньщикъ укладывалъ вещи, и вскорѣ всѣ офицеры были наготовѣ, а санитары принесли на всякiй случай носилки для капитана С. Выбравъ свободную минуту, я пошелъ посмотрѣть, гдѣ горитъ и серьезна ли опасность, но не увидалъ нигдѣ ни дыму, ни огня, а только огромную толпу нашихъ солдатъ, въ серединѣ которой суетилась японская пожарная команда нашего прiюта. Одинъ изъ пожарныхъ доставалъ багры, другой устанавливалъ пожарную машину, а старичекъ японецъ, тоже этой же команды, суетливо развертывалъ огромный флагъ, т. е. знамя команды, и все это несмотря на крики и смѣхъ нашихъ солдатъ, что пожаръ уже прекращенъ и не стоитъ разбирать машины. Какъ видно, они хотѣли показать своему начальству, которому конечно дали знать о происшествiи, что и они не спали и во время явились на пожаръ. Я вернулся къ себѣ въ баракъ; вскорѣ же пришелъ и А. и сказалъ, что пажаръ потушенъ и мы можемъ быть спокойны. Загорѣлись крыши на двухъ клозетахъ, примыкающихъ къ баракамъ, въ которыхъ никто не помѣщался; благодаря тому, что кто то случайно замѣтилъ огонь и народъ быстро собрался, а самое главное, что была безусловная тишина, пожаръ былъ быстро потушенъ нашими же солдатами. Сперва всѣ предполагали, что поджогъ совершили наши, но вскорѣ выяснилось, что подожгли японцы, недовольные прiютскимъ начальствомъ за очень строгое преслѣдованiе продавцовъ коньяку. Эти

подозрѣнія тѣмъ болѣе правдоподобны, что загорѣлось сверху, а такъ же и потому, что рядомъ съ этими постройками идетъ заборъ частнаго дома, черезъ который легко могъ быть перекинутъ огонь; такъ ли или не такъ, но, слава Богу, все обошлось благополучно и мы отдѣлались тревогой.

29 Сентября.—Сегодня солдаты пошли въ городъ за покупками и я поручилъ купить коробку 5 копѣечныхъ папиросъ, потому что въ нашей пріютской лавочкѣ не стали продавать папиросъ дешевле 6 копѣечныхъ, и бутылку коньяку, чтобы сегодня вспомянуть день прошлаго года, когда мы, т. е. нашъ славный 286 пѣх. Кирсановскій полкъ, въ первый разъ сразились съ непріятелемъ. Вспомнилось мнѣ, какъ рвались и трескались снаряды и градомъ сыпались пули нашихъ враговъ. Ни одна шимоза разорвалась тогда возлѣ меня, и меня все же миловалъ Богъ, и я какимъ то чудомъ остался цѣлъ и невредимъ.

30 Сентября.— Сегодня наши два капитана ѣздили въ городъ, а поручикъ М. съ прапорщикомъ П. купили двѣ бут. виски, пригласили меня и мы втроемъ кутнули немного. Вечеромъ капитанъ Х. привезъ ему еще виски и закуски и мы всѣ вмѣстѣ сѣли ужинать. До сихъ поръ П. не приглашался ни къ ужину, ни къ обѣду, такъ какъ оба капитана боялись, какъ бы онъ не устроилъ съ нами какого нибудь дебоша, а самъ онъ не находилъ нужнымъ навязываться къ нимъ; но нынче мы пригласили его, не смотря на неудовольствіе капитана С., который его особенно не долюбливалъ. Ужинали и выпивали, сперва разговаривая между собою и не вмѣшивая въ разговоръ П., хотя мы, не обращая вниманія на капитановъ, бесѣдовали и съ нимъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Все шло хорошо. Но вдругъ поручикъ М., подвыпивъ, завелъ споръ о службѣ и какіе гдѣ ведутся порядки, и задѣлъ службу чиновъ генеральнаго штаба, представителемъ которыхъ за нашимъ столомъ былъ капитанъ С. Тотъ не вытерпѣлъ и вмѣшался въ нашъ разговоръ, чтобы защитить своихъ коллегъ, а вмѣстѣ съ ними и себя. Слово за слово, и они горячо заспорили. М. опровергалъ всѣ доказательства капитана, и дошло до того, что вдругъ бухнулъ: вы ужъ такой народъ, что какъ нацѣпите погоны генеральнаго штаба, то къ вамъ ужъ и не подходи никто, а какъ доходитъ дѣло до серьезнаго, такъ вы, господа, все въ тылъ пряче-

тесь, а наградъ и всякихъ повышенiй получаете несравненно больше, чѣмъ тѣ, кто день и ночь бьется на передовой позицiи. И пошло, и пошло. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и дошло до того, что капитанъ С. впалъ въ истерику и его унесли въ его комнату.

1 Октября.—Праздникъ Покрова. Сегодня я вспоминалъ, какъ въ прошломъ году въ этотъ день шелъ у насъ самый ожесточенный бой, повсюду рвались снаряды и трещала ружейная перестрѣлка. И только что я заснулъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ, какъ сквозь сонъ услыхалъ отчаянную перестрѣлку, какъ бы изъ пулеметовъ или ружей во время атаки. Спросонокъ я не могъ понять, что это такое—во снѣ или на яву. Я даже подумалъ, что это галлюцинацiя подъ впечатлѣнiемъ вчерашнихъ думъ. Но, чѣмъ болѣе я приходилъ въ себя, тѣмъ яснѣе слышалась перестрѣлка. Тогда я вскочилъ съ постели и, отдернувъ занавѣску, заглянулъ въ окно и увидѣлъ ужасное и величественное зрѣлище: весь нашъ сосновый садъ, отдѣлявшiй нашъ баракъ отъ пустыхъ бараковъ, былъ освѣщенъ какъ днемъ, а сквозь стволы и вѣтки деревьевъ взвивались вверхъ огромные огненные языки. Сперва можно было подумать, что горитъ садъ и заборъ, такъ какъ послѣднiй въ щеляхъ весь просвѣчивалъ сильнымъ огнемъ. Но оказалось, что горятъ именно тѣ бараки, въ которыхъ никого не было и никто ихъ не караулилъ. Такъ какъ они были сдѣланы изъ сосноваго лѣса и покрыты камышемъ, то вспыхнули какъ порохъ, и когда я поднялся, два барака были уже со всѣхъ сторонъ объяты пламенемъ. Я спросонокъ сразу не могъ сообразить всего, и увидавъ толпу нашихъ солдатъ и бѣгущихъ японцевъ съ примкнутыми штыками, подумалъ, что начался ожидавшiйся бунтъ. Но оглядѣвшись, я понялъ все. Отъ сильной жары бамбуковыя колѣна лопались, и такъ крѣпко и часто, что вполнѣ походило на ружейные выстрѣлы или на пальбу изъ пулеметовъ. Бараки наши отстояли отъ пожарища саженъ на 15, и потому намъ первымъ грозила опасность; всѣ вещи были уложены, а для капитана С. стояли на готовѣ носилки, но, благодаря лѣсу и тихой погодѣ, опасность была еще не такъ велика, и потому я пошелъ въ садъ посмотрѣть на такое рѣдкое зрѣлище.

На темномъ небѣ ночи, освѣщенномъ пламенемъ пожара, ясно выдѣлялись клубы чернаго дыма, и среди нихъ взвивались мил-

ліоны искръ и мелькали какія то птички, привлеченныя свѣтомъ пожара; кругомъ нашего пріюта и мѣста пожара раздавались крики снующихъ японцевъ и звонъ колоколовъ. Вскорѣ стали прибывать и японскія пожарныя команды съ оригинальными фигурными фонарями, украшенными лентами; на бѣгу японцы поворачивали фонари, отчего ленты извивались и получался видъ какого то летящаго дракона. Машины, бочки съ водой и инструменты японцы везли на себѣ, ударяя въ тактъ бѣга о какой то треугольникъ трехмѣрнымъ темпомъ и прикрикивая при этомъ— „Ахъ, Ахъ, Ахъ... Ахъ, Ахъ, Ахъ...“ Одѣты они были такъ же, какъ и всѣ рабочіе, т. е. въ синія куртки, соломенныя шляпы, на ногахъ соломенныя сандаліи и съ полотенцемъ вмѣсто брюкъ. Не смотря на такой костюмъ, они работаютъ замѣчательно ловко, доказательствомъ чему можетъ служить то, что они смогли отстоять сосѣдніе параллельные бараки, не разрушая даже крышъ, что, въ виду близости горящихъ бараковъ и легкости горючаго матерьяла, было дѣломъ нешуточнымъ и требовало ловкости и сноровки. Но японцы показали себя и сдѣлали свое дѣло такъ, что не оставалось желать ничего лучшаго.

2 Октября.—Сегодняшній день прошелъ весь въ предположеніяхъ о причинѣ пожара, и всѣ, какъ плѣнные, такъ и японцы, пришли къ тому заключенію, что поджогъ совершили японскіе граждане, недовольные заключеніемъ мира. У нихъ образовалась партія поджигателей, задавшихся цѣлью поджигать казенныя зданія, чтобы подозрѣнія падали на военноплѣнныхъ. Но точно подозрѣвать кого либо въ поджогѣ невозможно было, такъ какъ никто не былъ пойманъ и никакихъ подозрительныхъ уликъ не осталось.

3 Октября.—Сегодня, въ память годовщины прошлогодняго дня, я купилъ коньяку, виски и закуски и мы хорошо помянули мой прошлогодній подвигъ, такъ что во время этого веселья М. и П. до того разораторствовались, что мѣшали спать нашему капитану С. и буквально довели его до истерики.

4 Октября.—Утромъ ко мнѣ пришелъ нашъ капитанъ С. и со слезами на глазахъ жаловался мнѣ на крайне безсовѣстное поведеніе М. и П. и просилъ меня помѣняться съ нимъ комнатами. Я изъявилъ ему свое согласіе. Онъ былъ очень благодаренъ мнѣ за эту услугу и въ знакъ своей признательности разразился въ моей

каморкѣ вторичной истерикой. Намъ пришлось за нимъ ухаживать и, приведя его въ чувство, мы помѣнялись комнатами.

Сегодня на дворѣ очень скверно: дождь, туманъ, холодъ, такъ что, глядя на погоду, и на душѣ становилось очень скучно, и поневолѣ приходила въ голову мысль—„да скоро ли придетъ конецъ нашему плѣну?"

По случаю пріѣзда изъ Америки въ Токіо японскаго представителя на мирныхъ переговорахъ съ Россіей, барона Комуры, всѣмъ нашимъ солдатамъ выдавалось угощеніе: по два яйца и какія то лепешки; а вечеромъ мы сами себѣ устроили угощеніе и весело провели время, но ужъ тутъ капитанъ С. не вышелъ къ намъ въ столовую, и мы были одни.

6 Октября.—Сегодня посѣтилъ насъ японскій православный миссіонеръ, распространитель православія между своими соотечественниками, вмѣстѣ со своей женой, довольно хорошенкой японочкой; жаль только, что они не знали ничего по русски. Какъ видно, они много могли бы высказать изъ того, что хотѣли сказать намъ, и на прощанье подарили намъ по статуеткѣ, изображающей умную породистую собаку породы сетеръ. Собака, какъ олицетвореніе дружбы, какъ нельзя болѣе подходила для подарка послѣ заключенія мирнаго договора. Я же, въ знакъ дружбы, подарилъ имъ свою карточку, и мы всѣ изъявили свое согласіе сняться съ ними на одной общей фотографіи. Вечеръ прошелъ обыкновенно и, по обыкновенію, была драка между картежниками.

7 Октября.—Сегодня намъ объявленъ завѣдывающимъ пріютомъ манифестъ японскаго микадо, коимъ намъ разрѣшается ходить вездѣ и всюду безъ конвоя. Но при этомъ насъ предупреждали, чтобы мы вели себя благопристойно и не напивались до чертиковъ, а самое главное—не заводили бы нигдѣ скандаловъ. Мы поспѣшили воспользоваться свободой, и я, М. и П. поѣхали съ переводчикомъ въ фотографію, куда пріѣхали также два нашихъ доктора, миссіонеръ съ женою и племянницей, и мы всѣ снялись вмѣстѣ большой группой. За нашу группу изъ 9 человѣкъ, самаго большого формата, взяли съ насъ за дюжину 8 р. 50 к. Отъ фотографа всѣ разъѣхались кто куда, а я поѣхалъ въ магазинъ японскаго купца Мацунаго, у котораго былъ винный и гастрономическій магазинъ, а самое главное—красавица сестра, которая служила наилучшей

приманкой для офицеровъ. Зная это, она пользуется случаемъ и за вино, стоющее 1 р., смѣло беретъ $1^1/_2$ рубля, увѣренная, что отъ нея охотно возьмутъ за эту цѣну безъ торга. Она даже продаетъ свои карточки по 1 р. за штуку, и молодежь, благодаря ей, охотно оставляетъ у Мацунаго все свое жалованіе. Увидя ее, я и самъ нашелъ ее хорошенькой, но зная всѣ женскія уловки, я не сталъ ухаживать за ней, тѣмъ болѣе, что она ко всѣмъ одинаково равнодушна и только беретъ дороже съ ухаживающихъ за ней. Кромѣ этого магазина есть немало другихъ, гдѣ можно также хорошо кутнуть, но многіе льнутъ къ Мацунаго только изъ-за того, чтобы взглянуть на косоглазую красавицу. Сидятъ и пьютъ, пьютъ и глядятъ, а въ концѣ концовъ уходятъ не солоно хлѣбавши, съ пустыми или похудавшими карманами. А ей что? У офицеровъ денегъ много, а ей на приданое надо: вотъ она и собираетъ.

8 Октября.—Сегодня, по случаю заключенія мира, японскимъ правительствомъ былъ данъ обѣдъ всѣмъ военноплѣннымъ. Съ этою цѣлью японцами были привезены двѣ бочки: одна съ жаренымъ мясомъ и другая съ жареной картошкой, и масса маленькихъ тонкихъ сосновыхъ ящичковъ.

На каждаго плѣннаго было назначено по одному ящику, по угламъ котораго разложены были: горсточка мяса, горсточка картошки (я говорю горсточка, потому что раскладывали не ложками, а руками), кусокъ торта и по куску рыбы, зажаренной въ яичницѣ.

Сегодня я ходилъ гулять въ городской садъ и видѣлъ множество невиданныхъ мною деревьевъ: лавровое, камфорное, апельсиновое и много другихъ. Оттуда прошелъ на кладбище японскихъ воиновъ. У японцевъ есть обычай сжигать трупы, а потому ничего не стоитъ перевезти пепелъ ихъ труповъ откуда бы ни было и похоронить на родинѣ. На ихъ кладбищахъ есть много оригинальныхъ памятниковъ, но преимущественно безъ отдѣлки, въ ихъ первоначальномъ видѣ. Есть гигантскіе голыши и неотесанныя плиты въ стоячемъ положеніи. Вообще, японцы, какъ видно, предпочитаютъ простоту. На кладбищѣ густо насажены деревья и всевозможные цвѣты.

Отсюда я пошелъ къ памятнику микадо, отбившаго этотъ островъ отъ нападенія монголовъ, готовившихся было уже высадиться

на берегъ. Микадо говорилъ, что не отдастъ острова, и въ то время, когда онъ съ этой возвышенности наблюдалъ за дѣйствіями монголовъ, поднялся сильный вихрь и всѣ монголы потонули у берега города Фукуока. Въ честь этого случая, микадо поставленъ на этомъ мѣстѣ памятникъ, изображающій его въ древнемъ царскомъ облаченіи съ оригинальнымъ головнымъ уборомъ. Недалеко отъ этого памятника стоитъ еще болѣе грандіозный памятникъ первому распространителю буддизма въ Японіи. Этотъ памятникъ настолько великъ, что человѣкъ передъ нимъ мало замѣтенъ.

На обратномъ пути я зашелъ въ кумирню „Бога Войны“. Тамъ у японцевъ хранятся священные голуби, которыхъ кормятъ на доброхотныя пожертвованія богомольцевъ. Какъ достопримѣчательность, тутъ можно отмѣтить окаменѣлые древесные пни: одинъ пень съ одной стороны еще не совсѣмъ окаменѣлъ, такъ что его можно еще рѣзать ножемъ, но съ другой стороны онъ совершенно каменный; затѣмъ тамъ есть древнее камфорное дерево 38-ми шаговъ въ обхватѣ. Внутри этого храма выставлены побѣдные трофеи войны: ружья, повозки, орудія, казачьи пики, пулеметы, испорченные минные аппараты, солдатскія сумки, патронташи, одежда солдатская, снаряды, кирки, лопаты, лазаретныя линейки, патронныя двуколки и прочіе воинскіе предметы, и тутъ же хранятся трофеи и древнихъ войнъ.

9 Октября.—Сегодня утромъ я узналъ, что послѣ вчерашняго обѣда всѣ плѣнные переболѣли: была страшная рѣзь въ животѣ, рвота и головная боль и многіе очень ослабли. Я попросилъ Ал. узнать, сколько у насъ заболѣвшихъ, и онъ опросилъ всѣ бараки, и оказалось, что въ каждомъ баракѣ, въ которомъ находится до 100 солдатъ, не набиралось даже и 20 человѣкъ здоровыхъ. Вотъ такъ обѣдъ! Долго будутъ помнить русскіе японскій обѣдъ!

Вечеромъ въ баракахъ была драка, причемъ было поранено пять человѣкъ. Дѣло было такъ: кашевары матросы крали изъ котла мясо, а ихъ товарищи покупали водку, и у нихъ, такимъ образомъ получалась ежедневная пирушка; но другіе матросы узнали объ этомъ, накрыли ихъ на мѣстѣ преступленія и задали имъ бамбуковую порку. Къ сожалѣнію, главные виновники кашевары спаслись бѣгствомъ черезъ заборъ, и на другой день были задержаны японцами и уволены отъ должности.

11 Октября.—Сегодня японцами былъ устроенъ обѣдъ для русскихъ офицеровъ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ города Фукуока.

Въ большой залѣ, на полу вдоль стѣнъ, были по порядку разложены квадратныя подушечки для сидѣнья, штукъ около 100, и у каждой подушечки стоялъ ящичекъ съ горячими угольями для прикуриванія. Когда офицеры собрались, стали вскорѣ появляться и гейши, одѣтыя въ чистыя шелковыя одежды. Ихъ набралось 62, и шли онѣ одна за другой, гуськомъ, неся пиво, водку и закуски. Обойдя всѣхъ слѣва направо и ставъ каждая противъ своего номера, онѣ опустились на колѣни и поклонились намъ, послѣ чего начали угощать и ухаживать за своими гостями. На каждаго было подано по 2 бут. пива, по 1 графинчику или, вѣрнѣе сказать, кувшинчику водки, рисовая колбаса, раки, рыба, бекасы, кусокъ ветчины, кусокъ жаренаго мяса, пряники, свѣжіе огурцы, яблоки, каки, фисташки, чай, словомъ было много разныхъ блюдъ и кушаній, но хорошаго ничего, такъ какъ послѣ обѣда у всѣхъ животы заболѣли, и ѣсть ничего не могли. Чортъ ихъ возьми, съ ихъ обѣдомъ, когда послѣ него и свой ѣсть нельзя. Какъ это японцы могутъ ѣсть?! А, вѣдь, это первосортный обѣдъ; что же было бы послѣ обыкновеннаго?! Навѣрно что нибудь ужасное! Хорошо, что у насъ въ пріютѣ свои русскіе повара!..

12 Октября.—Сегодня въ первый разъ было богослуженіе съ хоругвями, которыя соорудили наши русскіе плѣнные А. и К. Вечеромъ опять была драка. Матросъ Ц. поранилъ въ бокъ и голову Ив. ножемъ; его хотѣли обезоружить, но онъ поранилъ еще одного матроса и убѣжалъ въ свой баракъ; его нашли тамъ свѣтланцы и немилосердно избили палками, которыми наши плѣнные играютъ въ городки.

13 Октября.—Сегодня нашихъ плѣнныхъ въ городъ не пускали, потому что въ пріютѣ за всѣ послѣдніе дни шло сильное пьянство съ драками. Наши солдаты, а тѣмъ болѣе моряки, если выпьютъ, то не могутъ обойтись безъ ссоръ, дракъ, скандаловъ или безобразій. Я самъ, будучи въ городѣ, видѣлъ, какъ наши ребята, отпущенные туда свободно безъ конвоя, поспѣшили напиться и устраивали драки и бросались, какъ звѣри, на проходящихъ женщинъ; когда же ученики, шедшіе правильными вздвоенными

рядами по улицѣ изъ училища домой, увидя нашихъ пьяницъ, остановились и стали наблюдать за ихъ дѣйствіями, то наши кинулись на эту мелюзгу съ криками: „Убьемъ! Раздавимъ косоглазыхъ чертенятъ!“ И только благодаря тому, что они еле стояли на ногахъ, а мелюзга была быстроногая, ничего не случилось.

Когда отпускаютъ солдатъ въ городъ, то они всегда обѣщаются быть аккуратными и не напиваться до безобразія, и всегда же дѣлаютъ наоборотъ, почему и потеряли довѣріе у полиціи и пріютскаго начальства. Сегодня скончался портъ-артурскій герой, квантунской батареи бомбардиръ наводчикъ Зайцевъ.

14 Октября.—Сегодня состоялись похороны умершаго вчера Зайцева. Умеръ онъ отъ скоротечной чахотки, и очень долго бѣдняга страдалъ и, какъ видно, былъ хорошій товарищъ, такъ какъ ему его сослуживцы принесли всю чистую обмундировку, бѣлье, сапоги, вѣнчикъ и читали псалтырь, чего у насъ до сихъ поръ не было; обыкновенно покойника сейчасъ же уносили въ мертвецкую, и никто больше не видѣлъ своего товарища, такъ какъ его выносили изъ покойницкой уже въ гробу съ забитой крышкой. Похороны же Зайцева были особенно торжественны: отпѣваніе тѣла происходило не въ забитомъ крышкой гробу, а въ открытомъ, и лицо покойника было видно присутствующимъ. У изголовья гроба двое плѣнныхъ держали хоругви. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ, вмѣсто хоругвей, покойника сопровождалъ пятиаршинный, запылившійся кусокъ парчи, прикрѣпленный къ длинной бамбуковой палкѣ, и походилъ болѣе на половикъ, чѣмъ на хоругвь; но теперь, благодаря стараніямъ Ал. и К., похороны съ настоящими хоругвями приняли особенно торжественный видъ. Гробъ съ тѣломъ Зайцева былъ поставленъ въ лѣсу на аллеѣ, по которой покойный давно уже пересталъ ходить. Собралась большая толпа народа проводить останки послѣдняго, Богъ дастъ, товарища, остающагося навѣки въ чужой землѣ; всѣ ожидали прибытія священника и начальствующихъ лицъ пріюта, которыя всегда присутствуютъ на похоронахъ, чтобы выйти на фотографическихъ карточкахъ на первомъ планѣ. Но оказалось, что всѣ они собрались на площади, противъ кухни, чтобы сперва сняться въ общей группѣ всѣхъ военноплѣнныхъ нашего пріюта. Тамъ, на огромной площади, стояли шеренгами въ разнообразныхъ позахъ военноплѣнные, а впереди нихъ

возсѣдали офицеры, доктора и чиновники пріюта во главѣ съ начальникомъ всѣхъ пріютовъ въ гор. Фукуока. Фотографъ со своимъ аппаратомъ забрался на будку часового и оттуда снялъ всѣхъ присутствующихъ. Послѣ этого все начальство, не исключая и начальника всѣхъ пріютовъ генералъ-маіора Осима, направилось къ мѣсту отпѣванія тѣла усопшаго Зайцева, а за ними пришла и масса военноплѣнныхъ, пожелавшихъ проститься съ прахомъ товарища. Къ ней примкнули и офицеры изъ числа плѣнныхъ, находящихся въ крѣпости. Всѣ заняли поудобнѣе мѣста, а на главномъ мѣстѣ сѣлъ генералъ-маіоръ Осима со своимъ штабомъ, и началась съемка похоронной церемоніи. Два раза снималъ фотографъ и разъ офицеръ любитель, послѣ чего началось отпѣваніе, а затѣмъ говорились рѣчи. Первую рѣчь сказалъ Осима на оригинальномъ японскомъ языкѣ. Я говорю оригинальномъ потому, что онъ говорилъ гордымъ, властнымъ, какимъ то повелительнымъ тономъ. Русскіе обыкновенно говорятъ надгробныя рѣчи нѣжно, сладко, съ плаксиво пѣвучимъ оттѣнкомъ, такъ сказать пріятно, японцы же наоборотъ: грубо, отрывисто, какъ то вскрикивая, и, по интонаціи голоса, можно подумать, что ораторъ скорѣе бранится, ругается, чѣмъ говоритъ надгробную рѣчь. Послѣ него говорилъ чиновникъ нашего пріюта на ломаномъ русскомъ языкѣ. Оба они говорили много, но высказали лишь то, что имъ очень жаль безвременно угасшей жизни храбраго защитника своей родины. Затѣмъ говорилъ священникъ Андрей Метаки; онъ говорилъ по русски и хуже чиновника, но зато сказалъ много душевнаго. Онъ выразилъ сожалѣніе о безвременной кончинѣ храбраго воина, претерпѣвшаго всѣ портъ-артурскія невзгоды, холодъ и голодъ, и перенесшій тяжкое горе, наполнившее его сердце при сдачѣ столь долго и столь храбро защищавшейся крѣпости. Вспомнилъ о томъ, что покойный жаждалъ возвращенія на родину, и вдругъ, наканунѣ осуществленія его завѣтной мечты, ему пришлось перейти въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Не забылъ онъ упомянуть и о родинѣ, и родныхъ этого страдальца, говоря, что они тамъ, далеко, и не подозрѣваютъ, что онъ бездыханнымъ трупомъ лежитъ уже въ гробу и скоро будетъ зарытъ на чужбинѣ среди чуждыхъ ему людей. „Но вы,—говоритъ онъ плѣннымъ,—когда пріѣдете на свою родину, скажите тамъ матери японской церкви — православ-

ной Россіи, что меньшая дочь ея, православная Японія, непрестанно будетъ молиться за души усопшихъ русскихъ православныхъ воиновъ и мѣста ихъ упокоеній будутъ тщательно оберегаться юной японской церковью. Передайте матери нашей церкви, чтобы она молилась за свою юную дочь и чтобы Богъ помогъ намъ пролить дивный свѣтъ въ сердца нашихъ соотечественниковъ и вразумить ихъ истиной христіанскаго ученія. Передайте всѣмъ роднымъ, у кого кто нибудь похороненъ въ нашей странѣ, что всѣ усопшіе хоронятся по православному обряду и могилы ихъ охраняются, и теперь уже временные кресты замѣняются надгробными каменными памятниками. Не забудьте, братіе, и разскажите нашей матери православной церкви о всемъ, что вы видите у насъ и о чемъ такъ усердно просимъ васъ".

Послѣ его рѣчи всѣ стали прощаться съ покойникомъ. Досадно было смотрѣть только на то, что всѣ японцы сидѣли и стояли съ покрытыми головами. Хотя бы изъ уваженія къ религіи и православнымъ обрядамъ, а также и къ тѣлу покойника, которому сами же отдаютъ воинскую честь въ настоящую минуту, они сняли на время свои головные уборы, или же снявшись, если это необходимо, отходили бы въ сторону. Но, видно, въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, и приходится все переносить.

Простившись съ товарищемъ, процессія двинулась на кладбище и многіе изъявили желаніе проводить покойника до могилы, но японское начальство и тутъ проявило неуваженіе къ исполненію православнаго обряда, и воспретило всѣмъ желающимъ провожать покойника и отпустило всего 15 человѣкъ, вмѣсто 40—50 хотѣвшихъ идти. Не пустили—и не надо, чортъ съ вами: много терпѣли потерпимъ и еще,—подумали не отпущенные, и вернулись къ картежной игрѣ и орлянкѣ.

На кладбищѣ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу и зарытъ. Пока засыпали могилу, я осматривалъ кладбище. Дѣйствительно, всѣ кресты были сняты и на ихъ мѣста положены каменныя плиты съ надписями на русскомъ языкѣ: сверху подъ крестикомъ—Миръ праху твоему храбрый русскій воинъ! Съ одной стороны—имя, отчество, фамилія и часть войска, въ которой служилъ умершій, съ другой—время смерти и погребенія; въ ногахъ—

лѣта покойника, а въ головахъ на русскомъ и японскомъ языкахъ названіе пріюта, отъ котораго поставленъ памятникъ.

Въ мѣстечкѣ Хаказаки, на кладбищѣ русскихъ военноплѣнныхъ, до сихъ поръ имѣется девять могилокъ православныхъ, три католическихъ и одна лютеранская. Памятники всѣ одинаковые, только надписи на соотвѣтствующихъ языкахъ. Осмотрѣвъ кладбище, я поѣхалъ въ городъ сдѣлать кое какія покупки и заказать фотографу карточки.

15 Октября.—Сегодня 7 человѣкъ отправлены подъ арестъ на 10 дней въ крѣпость за вылазку черезъ заборъ за водкой въ ночное время.

Въ крѣпости офицеры получили сегодня по 100 р. пособія. Надо и намъ хлопотать, а то, вѣдь: „дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ"... А между тѣмъ и намъ тоже нужны деньги.

17 Октября.—Сегодня я съ поручикомъ М. послалъ телеграмму въ Кобэ французскому консулу о выдачѣ намъ по 100 р. пособія наравнѣ съ прочими офицерами. Замѣчательно дешевы въ Японіи телеграммы, по 2 к. со слова на японскомъ языкѣ и по 5 коп. на европейскихъ.

Сегодня нѣкоторые изъ насъ сильно спорили съ капитаномъ С. Рѣчь шла о знаніи долга службы офицерами, кромѣ офицеровъ генеральнаго штаба, прапорщиками, зауряд-прапорщиками, фельдфебелями и нижними чинами. Онъ никого ни въ чемъ не цѣнилъ и, хотя въ вѣжливыхъ формахъ и нѣжнымъ голосомъ, но въ пухъ и прахъ раздѣлывалъ весь міръ, стоявшій внѣ круга офицеровъ генеральнаго штаба. Нѣкоторые были сильно возмущены этимъ, стали говорить дерзости, и С. замолчалъ и ушелъ къ себѣ.

20 Октября.—Сегодня, узнавъ, что консулъ выслалъ намъ съ М. по 100 р. пособія, капитанъ С. тоже далъ телеграмму о высылкѣ и ему пособія, хотя онъ имѣетъ своихъ 600 р. и, слѣдовательно, въ деньгахъ нуждаться не можетъ. Но онъ, вѣроятно, предполагаетъ, что этихъ денегъ не будутъ съ насъ вычитать потомъ, а, между тѣмъ, ихъ выдаютъ намъ только заимообразно.

Вечеромъ, сойдясь за ужиномъ въ столовой, капитанъ С. опять завелъ рѣчь о безчестности нижнихъ чиновъ. Ш. вступился за нихъ и началъ выставлять примѣры безчестныхъ поступковъ разныхъ инженеровъ, строителей, завѣдывающихъ хозяйствомъ, интендантовъ,

и прочихъ, въ деньгахъ роющихся чиновъ. С. началъ было оправдывать ихъ, но видя, что Ш. говоритъ то, что видѣлъ лично, онъ вдругъ сказалъ:—ну въ такомъ случаѣ, вы, какъ я вижу, не жили съ честными людьми, потому и судите такъ!—„Позвольте, да вѣдь живу же я съ вами?! а вы, надѣюсь, честный человѣкъ?"—Да, я себя могу признать честнымъ,—сказалъ капитанъ.—„Но какъ же теперь понять честность?!.. Вѣдь вотъ, вы, честный человѣкъ, а, между тѣмъ, хлопочете о пособіи въ то время, когда имѣете и дома и при себѣ большія деньги!"—Что жъ изъ этого! Мнѣ деньги дома очень нужны, надо оросительную канаву рыть, болота осушать, вотъ на что нужны мнѣ эти деньги!—„Простите, капитанъ, но мнѣ кажется, что эти деньги даются на необходимости, а не на домашнія усовершенствованія. Вы, вѣроятно, предполагаете, что денегъ этихъ потомъ съ васъ не будутъ требовать обратно и простятъ, какъ простили тѣ 600 руб., которые вы раньше задолжали въ казну и которые простились вамъ по случаю рожденія наслѣдника Цесаревича?.. Но тогда вы навѣрно подумали: какъ жаль, что вы больше не забрали, все бы годилось на орошеніе полей. Это, вѣдь, хотя и не очень, а все же безчестно, ну хоть въ малой дозѣ, а не таё"... Какъ ни бился нашъ капитанъ оправдать себя, но въ концѣ концовъ замолчалъ и ушелъ изъ столовой.

23 Октября.—Сегодня я спалъ, подставивъ подъ кровать чугунный мангалъ съ углями, т. е. съ жаромъ. Спать было очень тепло, не такъ, какъ прошедшія ночи, страшно холодныя, такъ что даже подъ двумя одѣялами нельзя было согрѣться и мы дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Японцы говорятъ, что раньше такихъ холодовъ не было, и только съ пріѣздомъ русскихъ поднялись такіе холода, какъ будто русскіе его съ собой принесли. По утру я почувствовалъ легкій угаръ.

25 Октября.—Сегодня погода измѣнилась и стало снова тепло. Я, воспользовавшись хорошей погодой, пошелъ гулять по окрестностямъ Хаказаки, гдѣ вокругъ расположены маленькія дачи. Тамъ была масса тропическихъ растеній и цвѣтовъ. Видѣлъ красивые кустики чайнаго дерева и бамбукъ, который осенью очень красивъ и въ 2 мѣсяца выростаетъ до 12 аршинъ. Молодыя коренья бамбука очень вкусны, я самъ ихъ ѣлъ въ маринованномъ видѣ, и они мнѣ понравились. Внутри дачъ никакой мебели не было видно, и только

полъ былъ застланъ циновками. Видѣлъ я тамъ, какъ молотятъ рисъ. Для этого у японцевъ устроены какіе то станки, вродѣ нашихъ прялокъ, и на нихъ они частями осмыкиваютъ зерно. Заходилъ въ парикмахерскую, гдѣ работаютъ женщины. Интересно посмотрѣть, какъ это хорошенькія бабенки и намыливаютъ бороду, и очень искусно бреютъ и стригутъ. Съ перваго раза какъ то даже странно видѣть бритву въ женскихъ рукахъ, а онѣ за весь свой трудъ берутъ по 3 и по 4 коп.

Затѣмъ я сходилъ на берегъ моря, откуда открылся передо мною чудный видъ. Недалеко отъ берега виднѣлись острова, и всюду по морю сновали рыбачьи лодки. На берегу стоятъ большія каменныя ворота, простоявшія здѣсь уже нѣсколько столѣтій, и на верху наложены цѣлыя груды камней и кирпича. Оказывается, что на этихъ воротахъ гадаютъ японки о замужествѣ, бросая на ворота камень: если онъ останется тамъ, то, значитъ, она выйдетъ замужъ за задуманнаго человѣка; если же нѣтъ, то задуманное не состоится.

26 Октября.—Сегодня я и М. получили по сто рублей пособія отъ консула и, по приглашенію миссіонера православной церкви, ѣздили къ нему въ гости. Этой поѣздкой я какъ нельзя больше былъ доволенъ, такъ какъ видѣлъ, какъ японцы встрѣчали возвращавшіяся войска изъ Маньчжуріи. Городъ былъ такъ разукрашенъ, какъ только въ Японіи могутъ украшать города: все утопало въ гирляндахъ искусственныхъ цвѣтовъ и флаговъ, и кругомъ были выставлены украшенія изъ птицъ,—павлиновъ, коршуновъ, орловъ, журавлей и проч. Вечеромъ украшенія были еще великолѣпнѣе, такъ какъ зажглись тысячи разноцвѣтныхъ фонарей. По городу было устроено множество большихъ и маленькихъ тріумфальныхъ арокъ. Японскія войска шли браво, молодцами, одѣтые въ чистую новую обмундировку, и у многихъ изъ нихъ красовались ордена на груди; офицеры у нихъ носятъ небольшіе ранцы, и всѣ они были въ полной боевой амуниціи. Огромныя массы японскаго народа, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ флагами въ рукахъ, встрѣчали ихъ восторженными криками: Банзай! Банзай!...

31 Октября.—Сегодня я ѣздилъ въ городъ за покупками, но больше всего мнѣ хотѣлось еще разъ полюбоваться украшеніями города. И дѣйствительно, было чѣмъ любоваться. Городъ былъ еще

болѣе разукрашенъ, чѣмъ вчера. Никогда у насъ въ Россіи я не видалъ такихъ украшеній! Глядя на улицу, получалось такое впечатлѣніе, какъ будто въѣзжаешь не въ улицу, а въ грандіозную оранжерею. Все это было устроено для встрѣчи только одного полка стариковъ, которые уже давно отбыли въ Маньчжурію и дольше всѣхъ находились на войнѣ.

1 Ноября.—Я сидѣлъ дома и спѣшилъ закончить свой дневникъ, какъ вдругъ, слышу, кто то идетъ по нашему корридору на костыляхъ. Кто бы это могъ быть?!—подумалъ я, и услыхалъ голосъ солдата: „вотъ тутъ, напротивъ“. Затѣмъ послышался голосъ—„разрѣшите войти? Къ вамъ гость по дѣлу“.—Я выглянулъ въ дверь и увидалъ, что къ П. вошелъ какой то японецъ безъ правой ноги, въ кимоно. Черезъ нѣсколько минутъ зашелъ туда и поручикъ М. и переводчикъ Арито. Меня это заинтересовало, и я тоже пошелъ къ П. подъ предлогомъ узнать, не пойдетъ ли онъ въ городъ, а то бы я заказалъ ему купить для меня тетради и перья. Отворивъ дверь, я увидалъ у него на столѣ цѣлую батарею бутылокъ, ветчину и груду консервовъ. П. и говоритъ мнѣ:—„вотъ, смотрите, япошка изъ крѣпости пришелъ за деньгами. Я у него набралъ тамъ въ лавкѣ по мелочамъ, а когда уѣзжалъ, то платить было нечѣмъ, ну и остался должокъ за мной, да и теперь ни черта отъ жалованья не осталось, все пропустилъ; тому уплатилъ, другому уплатилъ, и самому на расходы не осталось! Ну да отдамъ и ему когда нибудь. Они и такъ не мало съ нашего брата понажили!“. А японецъ все проситъ П.,—пожалуйста, говоритъ, дайте денегъ; вѣдь я выручалъ васъ, когда вы просили... Но П. ему такіе бобы разводилъ да разные турусы на колесахъ городилъ, что я только диву давался. Я, говоритъ, инженеръ-механикъ, инженеръ-техникъ, за мной не пропадетъ; я могу выслать изъ Россіи; живу въ Харбинѣ, у меня тамъ будетъ свой заводъ,—однимъ словомъ, лгалъ напропалую, и всетаки денегъ не далъ. Японецъ ушелъ не солоно хлѣбавши.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его ухода, намъ принесли жалованье. Я получилъ 40 р., М. 50 р., а П. свое жалованье получилъ еще въ крѣпости и успѣлъ все растранжирить. Поручикъ М. занималъ у меня деньги до жалованья, и теперь, получивъ ихъ, сейчасъ же и уплатилъ, да, кромѣ того, далъ еще мнѣ на сбереженіе

15 руб. Я принялъ ихъ и пообѣщалъ не давать ему на водку.— Ладно, говоритъ, не давайте,—и сталъ продолжать съ П. прикладыванiе къ рюмочкѣ, я же пошелъ обѣдать. Заложивъ изрядно за галстухъ, М. и П. поѣхали въ городъ. Вечеромъ часовой принесъ записку, привезенную изъ города „куромой динарикши", т. е. извозчикомъ рикши. Въ этой запискѣ М. просилъ меня прислать ему десять руб., такъ какъ ему очень надо. Я далъ при запискѣ 10 руб., но самъ въ канцелярiю не пошелъ. Тамъ у часового ихъ задержали и возвратили мнѣ, съ просьбой, не посылать имъ денегъ, такъ какъ они напились уже и довольно съ нихъ, пусть прiѣзжаютъ домой. Я, конечно, исполнилъ желанiе канцелярiи и денегъ не послалъ. Часовъ въ 9 вечера прибѣжалъ, запыхавшись, прапорщикъ П. и вызвалъ меня изъ столовой, гдѣ я только что расположился ужинать. Придя въ свою комнату, гдѣ меня ожидалъ П., я догадался, что онъ присланъ за деньгами. И дѣйствительно, онъ сейчасъ же обратился ко мнѣ съ просьбою отъ имени М. дать ему десять рублей, а то онъ тамъ скандалитъ и не хочетъ уѣзжать. Помня, что въ канцелярiи меня просили не посылать денегъ, и я далъ слово, что не пошлю, я отвѣтилъ П., что денегъ я не дамъ и, если угодно, то пусть П. ѣдетъ къ поручику и передаетъ ему это, и объяснилъ, почему я денегъ не могу дать. Онъ началъ упрашивать сперва тихо а потомъ все настойчивѣй и настойчивѣй и, наконецъ, вспылилъ и сказалъ:—„Чортъ съ вами! Не даете, и не надо. Значитъ, будетъ скандалъ".—Повернулся и ушелъ, долго ворча что то непонятное. Какой скандалъ? гдѣ? съ кѣмъ? изъ за чего? я не могъ понять, и потому преспокойно уснулъ. Часа въ 4 ночи въ моей каморкѣ скрипнула дверь. Я открылъ глаза и вижу, въ комнату вваливается П.—„Что вамъ угодно?!"—Онъ говоритъ—„дайте мнѣ спичекъ",—а самъ дрожитъ, и глаза сверкаютъ, какъ у тигра. Глядя на его возбужденное состоянiе, я подумалъ, не драку ли онъ учинилъ гдѣ нибудь?! Или, быть можетъ, онъ захотѣлъ побить меня за мой вчерашнiй отказъ дать денегъ?!.. Но нѣтъ! Взявъ спички, онъ ушелъ. И потомъ я узналъ, что П., вернувшись изъ города, привезъ съ собою много спирта и направился съ нимъ въ театральный баракъ, гдѣ его, по предварительному соглашенiю, ожидали театральные заправила, матросы и другiе плѣнные, никогда себѣ въ удовольствiи выпить не отказывавшiе. Время для нихъ незамѣтно летѣло, и было далеко

уже за полночь, но они и не думали расходиться и веселились напропалую, пѣли, пили, плясали... Въ это же время въ сосѣднемъ баракѣ изъ за картежной игры завязалась драка. Услыхавъ тамъ шумъ, П. рванулся было туда, но его собутыльники не совѣтовали ему лѣзть не въ свое дѣло и кое какъ уговорили. Успокоивъ его, они хотѣли продолжать пляску, но оказалось, что ихъ балалаечникъ, вольноопредѣляющійся Забайкальскаго казачьяго войска Н., ушелъ за хлѣбомъ въ свой баракъ, какъ разъ въ тотъ, въ которомъ была драка. Черезъ нѣсколько минутъ прибѣжалъ изъ того барака товарищъ Н. и крикнулъ: Н. убили!... Тутъ ужъ П. удержать не могли, и онъ побѣжалъ туда, а остальные его собутыльники остались въ театрѣ.

Прибѣжавъ въ баракъ, гдѣ лежалъ окровавленный и почти безъ признаковъ жизни Н., П. началъ ругать всѣхъ и каждаго за то, что они допустили убить неповиннаго человѣка, и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ, угрожалъ всѣхъ подъ судъ отдать, разстрѣлять и чортъ не разберетъ, чего только онъ не накричалъ, требуя, чтобы ему указали, кто ударилъ Н. Передніе молчали, но изъ заднихъ рядовъ по его адресу посыпались трехъ-этажныя выраженія. Въ это время, не сумѣвъ привести въ чувство Н., прибѣжавшіе на крики и шумъ Ал. и К. при помощи другихъ понесли Н. за руки и за ноги въ перевязочную комнату. Но, оказалось, что дежурнаго фельдшера тамъ нѣтъ, и на дверяхъ виситъ замокъ. Не обращая вниманія на замокъ, прибѣжавшій сюда же П. началъ такъ ломаться въ двери, что они уже трещать стали, и его еле уговорили подождать, пока приведутъ фельдшера. Между тѣмъ, собралась большая толпа народу, отъ которой всѣ и узнали, что Н. ударилъ грузинъ К., желая ударить своего противника, но по ошибкѣ въ темнотѣ принялъ Н. за него и, ударивъ квадратнымъ брускомъ по головѣ,—убѣжалъ. Тогда П. завопилъ во всю свою глотку:—„Азіаты убиваютъ русскихъ?! Идемте, братцы, отомстимъ ему!.. Кто пойдетъ за мной?“.. Многіе стояли, негодуя на звѣрскую драку, иные смѣялись надъ пьянымъ прапорщикомъ, но нашлись и такіе, которые изъявили желаніе отомстить К. Въ это время пришли фельдшера и сейчасъ же привели въ чувство Н. и, промывъ рану, сдѣлали надлежащую перевязку. У Н. оказалась разсѣченною бровь и сильно опухъ лѣвый глазъ, а также и носъ. Уведя Н. въ баракъ, П. съ набравшейся

шайкой головорѣзовъ пошелъ обыскивать всѣ бараки. Придя въ баракъ, онъ кричалъ, оралъ и требовалъ выдачи преступника, угрожая и призывая отомстить виновнику. Желающихъ, хотя мало, но все таки находилось, и шайка его отъ барака до барака росла и росла. Но К. нигдѣ не оказывалось. Наконецъ, вдали увидали бѣгущаго во весь ростъ человѣка, и вся орава съ гикомъ понеслась за нимъ, но онъ опередилъ ихъ всѣхъ и спасся отъ преслѣдователей въ караульномъ помѣщеніи. Пока П. со своей шайкой добѣжалъ до караульнаго помѣщенія, К. сидѣлъ уже тамъ, а въ дверяхъ стояли часовые съ ружьями и примкнутыми штыками. П. началъ требовать у японцевъ выдачи К., но ему отказали, и на крики и ругань его не обращали никакого вниманія. Тогда П. приказалъ принести ему его форменный мундиръ, и когда его принесли, онъ надѣлъ его, вошелъ, какъ офицеръ уже, въ караульное помѣщеніе и сталъ ругать К. Тотъ началъ было огрызаться. Это еще болѣе взбѣсило П. и онъ заоралъ: „Смирно! С-нъ ты сынъ, не видишь ты, что ли, что передъ тобою русскій офицеръ стоитъ? А, ты еще грубишь?!— Эй ребята! идите сюда, человѣкъ 5, да возьмите этого негодяя!“— Но караулъ не пропустилъ не только пятерыхъ, а даже и одного. Тогда П. вышелъ изъ караульнаго помѣщенія, схватилъ за руки 2—3 архаровцевъ и потащилъ въ помѣщеніе, но часовые отогнали всѣхъ и только онъ одинъ ворвался туда. К., во избѣжаніе чего либо, перевели въ другую половину. Тутъ пришелъ переводчикъ и П. сцѣпился съ нимъ, ругая весь караулъ самой отборной руганью, и его могли арестовать, но тутъ А. и К. кое какъ уговорили его уйти въ баракъ, обѣщая раздѣлаться съ К. завтра. П. послушалъ ихъ и вышелъ на дворъ, но всетаки, выходя, успѣлъ толкнуть часового, давъ ему подъ ножку; на его счастье, часовой не упалъ, а то бы, пожалуй, плохо было и П.

На дворѣ П. крикнулъ:—„Ломайте караульное помѣщеніе! Вытаскивай этого разбойника, заугольнаго храбреца!“... Нѣкоторые было кинулись, но, слава Богу, Ал. и К. удалось уговорить толпу разойтись и увести П., и только благодаря этому дѣло обошлось безъ кровопролитія. Хотя Ал. и К. и были на пирушкѣ у П., но, къ счастью, не пили водки, а если бы и они были пьяны, то или были бы убиты, или ранены часовыми, которые не могли бы, конечно, допустить до такого самоуправства толпу пьяной оравы. Послѣ этой исторіи

я понялъ, почему П. не любили офицеры въ крѣпости и называли его безпокойнымъ человѣкомъ.

2 Ноября.—Сегодня выдавали жалованье за октябрь мѣсяцъ. Вѣроятно опять будутъ скандалы, буйства, а можетъ быть и ножевщина. Послѣ обѣда получили приказъ отъ русскаго уполномоченнаго генерала Д. Въ приказѣ много говорится о дисциплинѣ, законѣ и о разныхъ строгихъ взысканіяхъ. Всѣ плѣнные понемногу будутъ переводиться теперь подъ власть русскаго начальства, и нѣкоторымъ не легко будетъ вновь привыкать къ послушанію и русскимъ порядкамъ.

3 Ноября.—Ночью, какъ я и ожидалъ, былъ скандалъ. Прапорщикъ П. собралъ вокругъ себя самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, пьяницъ матросовъ, напоилъ ихъ и самъ напился и началъ дебоширить по всѣмъ баракамъ. Поднялась драка, шумъ, крики, и японскій караулъ арестовалъ всѣхъ дебошировъ, захвативъ съ собою въ караульное помѣщеніе и П. Его связали веревками по рукамъ и ногамъ и положили въ карцеръ до утра. Матросы попытались было освободить его, но неудачно.

4 Ноября.—Ночью не спалось: тяготила меня какая-то страшная тоска и скука, и я пошелъ на костыляхъ пройтись по нашему сосновому парку. Прошелъ одну дорожку, повернулъ обратно, и вдругъ слышу гдѣ-то шумъ, гамъ и споры многихъ голосовъ. Я прислушался и подошелъ къ забору, и сквозь щелку увидалъ суматоху бѣгства и драку нашихъ пьяныхъ матросовъ съ японскими полицейскими. Матросы ночью удрали въ г. Фукуока, тамъ напились, отказались платить за выпитое и съѣденное, и, по обыкновенію, устроили драку. Вмѣшалась полиція, и наши пустились на утекъ. Но японцы бѣгаютъ гораздо скорѣе нашихъ и нагнали ихъ у забора пріюта. Матросы торопились перелѣзть черезъ заборъ и скрыться въ пріютѣ, а японцы стаскивали ихъ за ноги внизъ, чтобы арестовать. Двое матросовъ успѣли все-же перелѣзть черезъ заборъ и дать знать по баракамъ, будто нашихъ японцы бьютъ. Тогда бывшіе въ баракахъ, нѣкоторые въ одномъ бѣльѣ, перелѣзли черезъ заборъ наружу и набросились на японскихъ полицейскихъ, оборвали на нихъ сабли и побросали въ тутъ-же находившійся оврагъ съ водою, а сами опять перебрались черезъ заборъ и разбѣжались по баракамъ. Спустя нѣкоторое время въ

пріютъ пришелъ караульный нарядъ съ полиціей для розыска виновныхъ, но розыскать было не такъ-то легко, такъ какъ матросовъ было много и они другъ друга не выдавали. Походили-походили японцы по баракамъ да такъ и ушли, не розыскавъ виновныхъ, всѣхъ же наказывать не рѣшились.

Въ 10 часовъ привели П. изъ карцера. Онъ сильно измучился, пролежавъ связаннымъ веревками всю ночь, и когда его оставили въ баракѣ, онъ сталъ ругаться и кричать, что надъ нимъ издѣваются японцы. Руки и ноги его были въ синякахъ отъ туго стянутыхъ веревокъ и онъ кричалъ: дайте мнѣ доктора, подайте сюда переводчика, фельдшера!.. Но никто не обращалъ на него вниманія. Къ вечеру онъ ушелъ куда-то и на ночь въ баракъ не возвратился. Вѣроятно опять гдѣ-нибудь попалъ въ кутузку.

5, 6, 7 и 8 Ноября.—Время проходитъ по обыкновенію, новостей никакихъ, кромѣ развѣ той, что П. нигдѣ нѣтъ и никто не знаетъ, гдѣ онъ. Мы спрашиваемъ японцевъ, а японцы насъ, куда дѣвался прапорщикъ П. Очень возможно, что ночью 4 числа, когда онъ ушелъ изъ барака, онъ опять напился, устроилъ скандалъ и его убили японцы, бросивъ трупъ въ море на съѣденіе акуламъ.

Вечеромъ явился въ баракъ П. Всѣ кинулись къ нему съ разспросами, гдѣ онъ былъ все это время? А онъ и говоритъ: пошелъ я тогда въ городъ, но ночью нарвался на патруль и устроилъ скандальчикъ; меня забрали и посадили въ крѣпость, какъ преступника, за скандалъ съ патрулемъ и самовольную отлучку.

9 Ноября.—Ночь прошла благополучно. Утромъ мы съ поруч. М. поѣхали въ городъ за фотографическими карточками. Въ этотъ день ожидали прибытія японскихъ войскъ изъ Маньчжуріи и имъ опять была устроена грандіозная встрѣча. Повсюду на улицахъ развѣвались флаги и городъ былъ такъ-же убранъ, какъ и тогда, въ первый разъ. Всѣ жители городовъ Фукуоки и Хаказаки, отъ мала до велика, были одѣты по праздничному и высыпали на улицы встрѣтить свои побѣдоносныя войска. У всѣхъ безъ исключенія въ рукахъ были національные флаги и цвѣты. Мы тоже съ М. остановились въ толпѣ посмотрѣть ихъ встрѣчу войскъ. Вскорѣ дали сигналъ, что войска прибыли и уже двигаются съ пристани въ городъ. Вдали послышалась военная музыка и вскорѣ показалась

головная колонна съ хоромъ музыкантовъ во главѣ, и всѣ жители были рады, веселы, кричали „банзай!“, махали флагами, цвѣтами и пѣли національныя пѣсни. Солдаты шли стройно, браво и только кивали на ходу головами въ сторону кричавшей публики. Офицеры были на своихъ мѣстахъ, съ маленькими ранцами за плечами и полной походной амуниціей. Вели себя сдержанно и хладнокровно. Ночью повсюду было слышно бренчаніе струнныхъ инструментовъ и пѣніе гейшъ въ честь прибывшихъ, но пьянства и шума почти не слышно было.

10 Ноября.—Сегодня многихъ пустили въ городъ безъ проводниковъ. Я поѣхалъ купить себѣ что-нибудь на память объ Японіи, и пріобрѣлъ кожаный чемоданъ, офицерскій ранецъ и кожаный саквояжъ для ручного багажа. Много видѣлъ хорошихъ японскихъ вещей, но болѣе всего у нихъ шелковыхъ матерій, великолѣпно вышитыхъ разноцвѣтными шелками, цвѣтами и птицами. Заказалъ въ японской мастерской кавалерійское сѣдло. Все это у нихъ не дорого, да и не запрашиваютъ они, какъ это дѣлается у насъ. Кромѣ того, у нихъ нѣтъ обыкновенія переманивать покупателя призывами мальчишекъ и приказчиковъ, что у насъ-де дешевле и лучше: зайдите—убѣдитесь.

Въ городѣ встрѣчались прибывшіе изъ Маньчжуріи японскіе солдаты, окруженные сопровождавшими ихъ штатскими. Они очень вѣжливо раскланивались съ нами и дружелюбно смотрѣли на насъ, какъ будто никогда и не были нашими врагами.

11 Ноября.—Ночь прошла благополучно. Утромъ рано, слышу кто-то возится и стучитъ около барака. Выглядываю въ окно и вижу, что возлѣ барака навезли множество тесу, циновокъ, бечевокъ и длинныхъ бамбуковыхъ шестовъ. Это встревожило меня. Неужели, думаю я, насъ не увезутъ отсюда и мы будемъ еще зимовать въ плѣну у японцевъ?.. Наскоро одѣвшись, выхожу и спрашиваю у переводчика, что это хотятъ дѣлать изъ навезеннаго матеріала? Переводчикъ и объяснилъ мнѣ, что намъ будутъ починять бараки, т. е. дѣлать новые потолки, такъ какъ наши очень плохи, а теперь уже осень, холодно и идутъ дожди; починяютъ же бараки потому, что на дняхъ ожидается прибытіе сюда еще 16 плѣнныхъ русскихъ офицеровъ изъ гор. Кукуры. Тамъ все уже закончилось, и такъ какъ въ Кукуры бараки были очень хорошіе,

а у насъ черезчуръ плохіе, то ихъ и рѣшили исправить, чтобы офицерамъ не показалось здѣсь слишкомъ скверно послѣ Кукурскихъ условій жизни.

12 Ноября.—Новостей никакихъ. Все время идетъ только усиленная работа надъ исправленіемъ потолковъ, устройствомъ перегородокъ, кроватей и переноской необходимой мебели для ожидающихся офицеровъ.

13 Ноября.—Утромъ, по обыкновенію, пошелъ погулять въ нашемъ сосновомъ паркѣ. Дошелъ до конца и вижу—на двуколкахъ японскіе ломовые курема везутъ много корзинъ, похожихъ на багажъ, хотя и не багажъ. Для кого бы, думаю, и что это такое?.. Подхожу и вижу, что въ корзинахъ бутылки съ пивомъ, коньякомъ и разными винами и закусками: бѣлый хлѣбъ, рыба, раки, яйца и разные гастрономическіе продукты. Спрашиваю переводчика, для кого все это готовится, а онъ и говоритъ, что завтра прибудутъ ожидаемые офицеры и все это готовится для ихъ и нашего угощенія.—Богъ съ нимъ, съ вашимъ угощеніемъ, подумалъ я, лучше бы поскорѣе отпустили насъ домой на родину...

14 и 15 Ноября.—Погода эти дни стоитъ отличная и все время идутъ спѣшныя работы по починкѣ бараковъ и устройству помѣщеній для вновь прибывающихъ офицеровъ. Мы ждемъ ихъ съ нетерпѣніемъ, такъ какъ намъ кажется, что они разскажутъ намъ какія нибудь новости о далекой родинѣ, хотя они такіе же плѣнники, какъ и мы, и едва-ли знаютъ больше нашего. А все же насъ волнуетъ именно это чувство.

16 Ноября.—Утромъ намъ сообщили, что сегодня непремѣнно пріѣдутъ ожидаемые офицеры, хотя часъ ихъ прибытія въ точности не былъ извѣстенъ. Съ утра японцы съ метлами и лопатами стали подчищать вокругъ бараковъ, и все начисто убрали и вымели кругомъ. Къ 12 часамъ изъ крѣпости прибылъ къ нашимъ баракамъ генералъ-маіоръ Осима со своей свитой, состоявшей изъ одного офицера, одного чиновника, двухъ врачей и переводчика, и вмѣстѣ съ нашей администраціей всѣ выстроились передъ бараками въ одну шеренгу. Всѣ японцы были при орденахъ и въ полной парадной формѣ. Черезъ нѣсколько минутъ прибыли и ожидаемые плѣнные офицеры. Осима при ихъ приближеніи скомандовалъ смирно и черезъ переводчика произнесъ радушную встрѣчную рѣчь, послѣ

которой съ каждымъ поздоровался и подалъ руку съ растопыренными, по обыкновенію ихъ, пальцами; вслѣдъ за нимъ поздоровались съ прибывшими и всѣ остальные японцы. Послѣ этой церемоніи всѣ плѣнные, присутствующіе японцы и насъ пять человѣкъ пріютскихъ офицеровъ были приглашены на обѣдъ. На столѣ, убранномъ букетами изъ живыхъ цвѣтовъ, красовались бутылки съ водкой, коньякомъ, виски, пивомъ и виномъ и для закуски—бѣлый хлѣбъ, сухари, печенье, чай, сахаръ, рыба, раки и множество мандариновъ и различныхъ фруктовъ съ японскихъ острововъ. Начался обѣдъ. Прежде всего превозгласили тостъ за здоровье русскаго императора, императрицы и всего царствующаго дома, а также за здоровье японскаго императора и всего его дома. Затѣмъ стали пить за здоровье другъ друга и т. д. Генералъ Осима сказалъ рѣчь, что онъ очень радъ нашей встрѣчѣ и очень жалѣетъ, что не могъ раньше отпускать насъ гулять на полной свободѣ безъ конвоя, но теперь все кончилось, и мы можемъ ходить въ городъ совершенно свободно съ однимъ только переводчикомъ. Словомъ, все шло хорошо и весело. Но нашъ капитанъ генеральнаго штаба С.. присутствовавшій на обѣдѣ, вдругъ сталъ громко выражать свое неудовольствіе, говоря, что японцы его очень плохо лѣчили, плохо кормили, плохо за нимъ ухаживали и притѣсняли во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя японцы были и сильно обижены подобнымъ несправедливымъ заявленіемъ, но скрыли свою обиду, а генералъ Осима, выйдя изъ за стола, подошелъ къ капитану С. и сказалъ:—„если то, что вы говорите, правда, то я прошу простить и извинить меня, но этого не должно было быть, потому что я, по повелѣнію моего императора микадо, приказывалъ моимъ подчиненнымъ лѣчить и ухаживать за вами какъ можно лучше“. Весь обѣдъ былъ этимъ нѣсколько разстроенъ, и кончилось тѣмъ, что капитана С. увели въ его баракъ, а остальные продолжали выпивать, и видно было, что японцы остались очень довольны, что никто больше не заявлялъ ни жалобъ, ни подобныхъ претензій. И потому, выпивъ тоже порядочно, они дружески распростились съ нами и разошлись, а многіе изъ насъ, воспользовавшись свободой, отправились послѣ обѣда въ городъ и прогуляли тамъ всю ночь до слѣдующаго утра.

17 Ноября.—Сегодня наши новоприбывшіе офицеры вмѣстѣ съ нами возобновили вчерашнюю пирушку и прокутили до 6 ч.

вечера, послѣ чего многіе опять отправились въ городъ по чайнымъ домикамъ. Подполковникъ Х. и капитанъ С. отпросились въ отпускъ въ гор. Нагасаки подъ предлогомъ покупки кое-какихъ вещей, но на самомъ дѣлѣ въ надеждѣ поступить въ открывшійся русскій военно-морской госпиталь и остаться тамъ до отправленія въ Россію. Японцы отпустили ихъ вмѣстѣ съ ихъ деньщиками. Я и М., какъ тяжело раненые и больные, надѣялись, что быть можетъ они потомъ и насъ пристроятъ тамъ-же, и мы всѣ, проводивъ Х. и С. въ Нагасаки, уѣхали по чайнымъ домикамъ, гдѣ и пробыли до слѣдующаго утра. Утромъ всѣ вернулись въ пріютъ, кромѣ прапорщика П., который никогда почти не являлся во время домой.

18 и 19 Ноября.—За эти дни новостей не было. Жизнь шла обычнымъ порядкомъ, но свободная уже, съ пирушками и поѣздками въ городъ.

20 Ноября.—Сегодня мнѣ съ поручикомъ М. и нѣкоторымъ тяжело раненымъ солдатамъ было объявлено, что насъ всѣхъ, какъ тяжело раненыхъ, завтра же отправятъ въ городъ Нагасаки въ русскій морской госпиталь, гдѣ мы и останемся до отправленія на родину. Радость была неописуемая! Всѣ засуетились и начали собираться и укладываться, а остающіеся на мѣстѣ стали просить насъ, нельзя-ли тамъ какъ-нибудь похлопотать за нихъ и тоже перевести ихъ въ нагасакскій русскій госпиталь. Всѣ надѣялись, что изъ русскаго госпиталя скорѣе попадутъ въ Россію, на родину, или хотя бы въ Маньчжурію, къ своимъ боевымъ товарищамъ. Словомъ, весь этотъ день шла какая-то сутолока и суета, и рады мы были ужасно, и жаль было остающихся здѣсь товарищей.

21 Ноября.—Утромъ, чуть свѣтъ, всѣ назначенные къ отправкѣ были уже на ногахъ и окончательно укладывали и завязывали свой скарбъ. Многіе изъ остающихся тоже встали и пришли намъ помогать и затѣмъ, чтобы проводить насъ на вокзалъ. Въ 7 часовъ явились два японскихъ доктора, съ переводчикомъ и однимъ офицеромъ, и опросили насъ, не имѣемъ-ли мы какихъ-либо жалобъ или претензій, и если имѣемъ, то просили извинить ихъ и простить передъ офицерами и нижними чинами. Затѣмъ, они пожелали намъ счастливаго пути, и насъ всѣхъ кого повезли, а кто не могъ ѣхать—понесли на носилкахъ на вокзалъ.

У вокзала собралось множество нашихъ плѣнныхъ и японцевъ проводить нашъ поѣздъ. Въ 7½ час. поѣздъ тронулся и съ нами вмѣстѣ поѣхали вышеупомянутые два доктора, офицеръ и переводчикъ. Ѣхали очень быстро, и остановки на станціяхъ были очень короткія: не успѣешь выскочить на платформу, какъ уже поѣздъ трогается дальше. Невдалекѣ съ правой стороны виденъ былъ городъ Фукуока, а за нимъ море и островки, тѣ самые, которыми мы часто любовались, когда приходили купаться или гулять по морскому берегу.

Поѣздъ мчался на всѣхъ парахъ. То тяжело пыхтя взбирается на подъемъ горы, то несется внизъ подъ уклонъ, то влетаетъ въ глубокую выемку, то вдругъ проскакиваетъ черезъ тонель и летитъ по срѣзу горы на такой головокружительной высотѣ, что съ одной стороны внизу видна лишь глубокая пропасть, а съ другой—высокая гора, покрытая роскошною растительностью, разными цвѣтами и многочисленными плодовыми деревьями мандарина.

Черезъ нѣкоторое время намъ тутъ же, въ вагонѣ, подали обѣдъ въ деревянныхъ ящичкахъ. Дали рису, яицъ и соленыхъ огурцовъ и по бутылкѣ пива. Вскорѣ мы выѣхали къ морю и продолжали путь по высокому скалистому берегу его. Чудные виды открывались здѣсь передъ нашими глазами! Съ одной стороны бушевало море, и волны его, шумя и пѣнясь, разбивались о скалистыя каменныя стѣны, нерѣдко искусственно сдѣланныя, чтобы волнами не размывало полотна желѣзной дороги; съ другой стороны тянулись страшно высокія горы, мѣстами прорѣзанныя ущельями и покрытыя масличными и мандариновыми деревьями. Этихъ мандариновъ здѣсь такая масса, что порою только и видишь, что золотисто оранжевыя сплошныя массы, чуть-чуть перемѣшанныя зеленью листьевъ. Мѣстные мандарины мелкіе, но очень вкусные.

И такъ продолжался нашъ путь до самыхъ Нагасакъ. Я насчиталъ по дорогѣ 19 тонелей, правда, не очень большихъ, но входныя и выходныя арки ихъ были у всѣхъ украшены или особыми декоративными растеніями или красиво цвѣтущими цвѣтами.

Вечеромъ пріѣхали мы на станцію Нагасаки. Насъ встрѣтили русскіе врачи, русскій консулъ и много нашихъ сестеръ милосердія. Я, какъ и многіе другіе, въ первый разъ со дня выѣзда на войну изъ Россіи увидалъ русскихъ женщинъ, и всѣ мы страшно обрадо-

вались имъ. Всѣ сестры были одѣты очень чисто и аккуратно, и многія изъ нихъ были красивы и изящны, и намъ казалось, что на свѣтѣ другихъ такихъ и быть не можетъ. Но, конечно, это только такъ казалось намъ, потому что мы слишкомъ долго не видали русскихъ женщинъ...

Насъ высадили изъ вагоновъ, и многихъ посадили въ маленькія японскія двуколки-джинарикши, въ какихъ японцы возятъ пассажировъ, а иныхъ понесли на носилкахъ. Сперва повезли насъ по набережной моря, на которомъ виднѣлось несмѣтное количество всевозможныхъ пароходовъ, катеровъ, джонокъ и разныхъ баржъ и лодокъ. Шумъ, свистъ и гудки оглушали насъ, а дымъ отъ трубъ надъ этимъ мѣстомъ былъ такъ густъ, что казался висящей въ воздухѣ тучей. Потомъ повернули насъ, съ нашимъ обозомъ изъ японцевъ же, въ другую сторону отъ моря и повезли по разнымъ закоулкамъ, то спускаясь внизъ, то поднимаясь въ гору, порою настолько крутую, что бѣдный японецъ еле-еле тянетъ свою джинарикшу съ сѣдокомъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ имъ приходилось даже помогать другъ другу и вытаскивать вдвоемъ джинарикшу съ сѣдокомъ наверхъ, а затѣмъ они опять продолжали бѣжать ровной рысью, и такъ насъ кружили то вправо, то влѣво, пока, наконецъ, не выѣхали опять къ морскому берегу, гдѣ была главная пристань для приходящихъ и отходящихъ большихъ морскихъ пароходовъ. Послѣдовала команда „стой“, и насъ стали высаживать и, кто не могъ идти, переносить въ помѣщеніе госпиталя.

Когда всѣхъ перенесли и устроили каждаго въ его помѣщеніи, то насъ сейчасъ же пригласили въ общую столовую, гдѣ мы и встрѣтились съ нашими бывшими двумя офицерами, подполковн. Х. и капитаномъ С. Много было здѣсь и другихъ офицеровъ, мнѣ не знакомыхъ, но большинство изъ нихъ морскіе, и всѣ, притомъ, либо тяжело раненые, либо больные и очень слабые. Въ столовой столъ былъ общій и обѣдъ подавался несравненно лучшій, чѣмъ у японцевъ. Вообще, послѣ японской обстановки, здѣсь чувствовалось словно во дворцѣ какомъ нибудь. Послѣ обѣда стали разговаривать, кто о своей жизни, кто о пережитыхъ неудовольствіяхъ, а нѣкоторые стали играть на тутъ же въ столовой стоявшемъ піанино, словомъ—почувствовали себя какъ бы на родинѣ уже. Спать пошли часовъ въ 11. Комнаты были чистыя, теплыя,

постели не японскія; сестры и врачи то и дѣло подходили къ намъ и спрашивали, не болитъ-ли что-нибудь, не нужно-ли чего-нибудь, удобно-ли лежать и т. п.

Ночь прошла благополучно, хотя меня и потревожили ночью: когда я заснулъ въ тепломъ помѣщеніи и на хорошей мягкой постели, то началъ такъ сильно храпѣть, что разбудилъ храпомъ всѣхъ спящихъ сосѣдей; изъ нихъ двое нервно настроенныхъ офицеровъ не могли выносить моего храпа и разбудили меня. Я повернулся на бокъ и тогда пересталъ храпѣть.

22 Ноября.—Утромъ намъ подали умываться и дали чистыя полотенца, хорошее мыло, зубныя щеточки и порошокъ для зубовъ. Черезъ нѣкоторое время поданъ былъ чай и бѣлый хлѣбъ съ масломъ, а кто желалъ, то и сливки къ чаю. Въ 11 час. подали шоколадъ съ сухарями и печеніемъ.

Самъ госпиталь стоитъ на высокомъ мѣстѣ, на берегу морской бухты, въ которую заходятъ суда дальняго плаванія. Тутъ же стоялъ и одинъ русскій пароходъ, который отвозилъ военно-плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ во Владивостокъ.

23 Ноября.—Утромъ слышно было много разныхъ гудковъ и свистковъ пароходовъ; одни входили въ гавань, другіе отправлялись въ дальнее плаванье. Я наскоро умылся, одѣлся и вышелъ въ госпитальный садикъ, въ которомъ на возвышенномъ мѣстѣ устроена чудная бесѣдка. Изъ нея, какъ на ладони, видна вся нагасакская гавань съ ея многочисленными стоящими и движущимися пароходами, баржами, лодками, катерами и т. п. Какъ разъ напротивъ госпиталя стоялъ пароходъ подъ русскимъ флагомъ. Нѣкоторые выгружали на пристани привезенный товаръ, другіе на'ирали грузъ для плаванія; много пароходовъ было съ углемъ и др. товаромъ.

Часамъ къ 11, узнавшіе о нашемъ прибытіи торговцы-разносчики, японцы и китайцы, нанесли къ намъ въ коробкахъ за спиною всевозможнаго товару, и больше всего шелковыхъ издѣлій. Было тутъ много и разныхъ портсигаровъ и табакерокъ изъ слоновой кости и черепахи, и масса всевозможныхъ мелкихъ издѣлій. Нанесли такъ много, что хоть на тысячи рублей покупай, хотя все, по сравненію съ качествомъ и работою товара, было очень недорого.

Въ госпитальномъ саду растутъ превосходныя розы, камеліи и многіе другіе красивые цвѣты, а также и громадныя тропическія растенія, какъ напр., пальмы вышиною въ 19 аршинъ и толщиною до 10 и болѣе вершковъ въ обхватѣ. При входѣ въ садикъ устроенъ чудный птичникъ съ массой разнообразныхъ очень красивыхъ птицъ, которыя тутъ же въ птичникѣ и выводились. Устроили его любители морскіе офицеры, которые постоянно привозили изъ плаванія какихъ нибудь необыкновенныхъ, ярко окрашенныхъ птицъ. Недалеко отъ птичника находился и превосходный аквaріумъ, съ фонтанами, и въ немъ плавали различныя рыбки: золотыя, серебряныя, зеленоватыя, черныя, сѣрыя и совершенно бѣлыя, а также и пестрыя; всѣ онѣ были удивительной красоты.

Погода эти дни стоитъ дивная, тепло—какъ у насъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ; вездѣ цвѣтутъ цвѣты, въ садахъ и въ лѣсу, на высокой горѣ, куда мы ходили сегодня послѣ обѣда на прогулку, и цвѣтутъ такъ хорошо, какъ будто ихъ садятъ и ухаживаютъ за ними. Воздухъ тоже очень пріятный, легкій, хотя и влажный немного.

24 и 25 Ноября.—Время проходитъ однообразно и, кажется, тянется очень долго, такъ какъ всѣмъ намъ хочется какъ можно скорѣе уѣхать отсюда на родину. Какъ здѣсь ни хорошо, а все же дома лучше. Сегодня, 25-го, прибылъ къ намъ еще одинъ офицеръ, поручикъ А. Онъ вошелъ къ намъ въ столовую во время ужина, во всемъ штатскомъ и весь бритый, какъ актеръ, отрекомендовался и сказалъ, что никому не подастъ руки, такъ какъ по всему тѣлу у него экзема, весьма заразительная и непріятная болѣзнь. Онъ очень хорошо игралъ на скрипкѣ, гитарѣ и мандолинѣ и недурно пѣлъ пѣсни.

Вечеромъ насъ посѣтилъ русскій консулъ съ женою и приглашалъ насъ всѣхъ на завтра къ себѣ въ гости.

26 Ноября.—Съ утра пошелъ маленькій дождикъ, но потомъ опять выглянуло солнце и сдѣлалась чудная, тихая, теплая погода. Сегодня георгіевскій праздникъ и меня, какъ георгіевскаго кавалера, многіе поздравляли съ праздникомъ.

Вечеромъ пошли къ консулу въ гости, благо онъ живетъ почти рядомъ съ госпиталемъ. Тамъ насъ очень радушно приняли и угостили разными напитками и явствами. Консулъ показывалъ намъ коллекцію многочисленныхъ японскихъ и китайскихъ издѣлій.

27, 28 и 29 Ноября.—Всѣ эти дни прошли томительно однообразно. По гавани непрерывно снуютъ взадъ и впередъ пароходы, катера, джонки, лодки, а на пристани кипитъ работа нагрузки и разгрузки судовъ. Въ госпиталѣ все по старому.

30 Ноября.—Съ утра выпалъ небольшой снѣжокъ, но какъ только солнышко пригрѣло, онъ весь растаялъ и даже цвѣтамъ не повредилъ.

Сегодня насъ пригласили нагасакскія дамы иностранки на концертъ, который долженъ былъ состояться въ 4 ч. дня. На концертѣ было много дамъ и барышень англичанокъ, американокъ, француженокъ, нѣмокъ и японокъ. Залъ былъ хорошо убранъ. Играла сперва на роялѣ одна пожилая дама и очень хорошо пѣла какая-то француженка; потомъ пѣла нѣмка, тоже очень хорошо. Послѣ нихъ вышли шесть молоденькихъ японокъ съ какими-то струнными инструментами разной величины и стали играть по своему и пѣть на японскомъ языкѣ. Онѣ какъ-то особенно выкрикивали и мяукали вродѣ гейшъ. Затѣмъ играли гимны, сперва японскій а затѣмъ и всѣхъ другихъ государствъ. Въ общемъ, концертъ былъ очень не дуренъ. Угощали насъ фруктами, печеньемъ и конфектами. Нашихъ офицеровъ было 12 человѣкъ и нижнихъ чиновъ 54 человѣка. Всѣхъ привозили и отвозили на счетъ общества дамъ, устроившихъ концертъ для военноплѣнныхъ.

1 Декабря.—Желая хотя чѣмъ-нибудь отблагодарить дамъ, устроившихъ для насъ концертъ, мы рѣшили поднести имъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. Я и одинъ морской офицеръ Ф. поѣхали въ городъ, заказали букеты и для каждаго букета купили по маленькому золотому кортику, въ формѣ морской шпаги, которые и прикрѣпили къ букетамъ. Были во многихъ садахъ и выбрали самые лучшіе цвѣты. Не смотря на это время года, вездѣ была масса цвѣтовъ и очень дешево; въ Россіи эти букеты намъ стоили бы большихъ денегъ, здѣсь же все обошлось пустяками.

2 Декабря.—Стоитъ теплая и ясная погода. Я и многіе офицеры поѣхали въ городъ покупать японскія издѣлія. Были въ японскихъ торговыхъ рядахъ, гдѣ видѣли много разнаго товара. Но главный товаръ у нихъ—шелковыя великолѣпно вышитыя ткани. Не мало было издѣлій изъ слоновой и моржовой кости и изъ дерева:

всевозможныя лакированныя коробочки, корзинки, ящички, пепельницы, игрушки и т. п.

3 Декабря.—Сегодня уѣхалъ отъ насъ во Владивостокъ одинъ морской офицеръ и я отослалъ съ нимъ два рапорта на имя моего командира полка.

У насъ распространился слухъ, будто въ Маньчжуріи бунтуютъ войска, и даже здѣсь, въ Японіи, на одномъ пароходѣ взбунтовались плѣнные матросы, посаженные для отправки въ Россію. Дѣло коекакъ уладилось, но настроеніе очень не важное. Говорятъ, что и во Владивостокѣ тоже бунтъ, и вездѣ забастовки, такъ что насъ некому будетъ и перевезти изъ Японіи въ Россію. Вообще слухи очень тревожные и крайне непріятные для насъ.

4 и 5 Декабря.—Погода стоитъ прекрасная, но жизнь тянется скучно и медленно. Когда же, наконецъ, окончится такая жизнь и намъ скажутъ, что вотъ теперь вы ѣдете домой, на родину?!.. Хотя бы какъ-нибудь во Владивостокъ попасть, а тамъ ужъ мы хоть пѣшкомъ дальше пойдемъ. Завтра въ Россіи будетъ большой парадъ войскамъ, вездѣ будутъ развѣваться флаги, а вечеромъ горѣть иллюминація.

6 Декабря.—Съ утра льетъ густой мелкій дождикъ. Намъ объявлено, что кто желаетъ, можетъ идти на богослуженіе въ небольшую церковь, стоящую на горкѣ и принадлежащую госпиталю. Пошли многіе и всѣ усердно молились. Я никогда раньше не видалъ такого молитвеннаго усердія, и даже офицеры, и тѣ, гдѣ нужно, становились на колѣни и клали земные поклоны. Обѣдъ подали улучшенный, хотя здѣсь онъ и такъ всегда хорошъ, но въ Россіи ужъ такъ водится, что въ царскіе праздники дается усиленная порція и чарка водки всѣмъ.

7 Декабря.—Сегодня сообщили намъ радостную новость: для насъ, тяжело раненыхъ и больныхъ, нанятъ пароходъ германскаго „ллойда“ *Траве* и пароходъ на дняхъ прибудетъ въ Нагасаки. Слѣдовательно, есть надежда, что насъ скоро отправятъ на русскій берегъ.

8 Декабря.—Утромъ, когда мы еще спали, раздался громкій свистокъ какого-то парохода. Лейтенантъ П. выглянулъ въ окно и объявилъ, что это прибылъ германскій пароходъ подъ флагомъ Краснаго Креста и сталъ противъ нашей госпитальной бесѣдки.

Мы наскоро выскочили изъ постелей, накинули свои халаты и вышли посмотрѣть на пароходъ. И дѣйствительно: стоитъ громадный пароходъ, выкрашенъ въ желтую краску, а на мачтѣ развѣвается флагъ съ краснымъ крестомъ. Ну, слава Богу, дождались наконецъ! Хотя и не ѣдемъ еще, а только увидѣли нашъ пароходъ, и то на всѣхъ лицахъ просіяла неописуемая радость... За обѣдомъ узнали, что прибывшій сегодня пароходъ сперва пойдетъ по островамъ собирать всѣхъ тяжело раненыхъ и больныхъ и затѣмъ уже вернется за нами и повезетъ всѣхъ насъ въ Россію. Какимъ именно путемъ поѣдемъ мы, никто еще не зналъ навѣрное. Одни говорили, что насъ повезутъ моремъ черезъ Одессу, другіе—что довезутъ только до Владивостока а оттуда отправятъ по домамъ по великому сибирскому пути. Какъ бы ни повезли, лишь бы только поскорѣе увезли отсюда.

9 Декабря —Сегодня утромъ нашъ пароходъ отправился по берегамъ острововъ, и съ нимъ уѣхали наши доктора и сестры милосердія. Съ нами остались только одинъ докторъ, одна сестра и фельдшера. Послѣ обѣда я съ М. поѣхали въ городъ и тамъ встрѣтили нашихъ солдатъ и военнаго воспитанника Колю, который былъ въ плѣну въ гор. Фукуока. Они сказали намъ, что уже ѣдутъ во Владивостокъ. Въ госпиталѣ застали еще другихъ солдатъ, которые пришли навѣстить своихъ офицеровъ и повидать земляковъ больныхъ солдатъ.

10, 11, 12 и 13 Декабря.—Дни кажутся мучительно длинными, такъ какъ все ждешь, что вотъ-вотъ вернется нашъ пароходъ и заберетъ насъ въ Россію. Отъ скуки за эти дни пришлось много разъ побывать въ городѣ въ разныхъ чайныхъ домикахъ и въ европейскихъ ресторанахъ. Въ Нагасакахъ очень много иностранныхъ гостинницъ и нѣкоторыя очень хороши, роскошно обставлены, но за то и дерутъ тамъ огромныя деньги.

14 Декабря.—За утреннимъ чаемъ намъ объявили, чтобы мы готовы были къ отъѣзду, такъ какъ сегодня навѣрное возвратится съ острововъ нашъ пароходъ и насъ вскорѣ же посадятъ на него для слѣдованія въ Россію.

15 Декабря.—Утро, чуть свѣтъ, но намъ уже не спится: ночью прибылъ пароходъ и сестры, которыя ѣздили на немъ, уже у насъ. Слава Богу, скоро всему будетъ конецъ! Я началъ было

уже укладываться, но мнѣ сказали, что еще не извѣстно, когда уйдетъ пароходъ, такъ какъ сперва онъ будетъ еще нагружаться углемъ и продовольственными припасами.

16 Декабря.—Встали всѣ очень рано и сейчасъ же принялись собираться и укладывать свои вещи, хотя-бы на всякій случай, а вдругъ насъ перевезутъ на пароходъ. Къ 10 ч. утра выяснилось, кому ѣхать съ пароходомъ *Траве*, а кому оставаться и ждать слѣдующаго парохода. Всѣ назначенные были инвалиды: кто безъ руки, кто безъ ноги, или же очень слабые и больные. Во время обѣда намъ было объявлено, чтобы къ 3 часамъ быть готовыми для переѣзда на пароходъ. Трудно описать ту радость, которая нами овладѣла, намъ просто не вѣрилось даже, что наступилъ конецъ японскаго плѣна.... Нѣкоторые изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ были оставлены для посадки на пароходъ *Андалузія*, который долженъ былъ отплыть черезъ сутки послѣ ухода *Траве*, и жаль было смотрѣть на этихъ оставленныхъ, до того опечалены и обижены были они этимъ, словно ихъ здѣсь совсѣмъ оставляютъ. Всѣ наши вещи были затюкованы, на каждомъ тюкѣ надписана фамилія владѣльца его, и все нагружено на ломовыя двуколки курома. Каждому изъ насъ тоже дали джинарикшу, и мы всѣ тронулись къ морскому берегу.

На берегу стояла наша и японская администрація и слѣдили за порядкомъ. Сперва нагрузили на большую баржу нашъ багажъ и привязали ее буксиромъ къ катеру, затѣмъ посадили насъ, и повезли къ стоящему невдалекѣ на якорѣ пароходу. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже у борта парохода. Къ намъ спустили мостики и по нимъ мы поднялись на палубу парохода, откуда уже насъ размѣстили по каютамъ. Вещи наши спустили въ трюмъ. На пароходѣ была масса народа и тѣснота и суета невообразимая, и такъ какъ большинство офицеровъ было въ штатскомъ платьѣ, то я сперва подумалъ, что здѣсь ѣдетъ и много вольныхъ пассажировъ, а не одни военно-плѣнные. При размѣщеніи насъ по каютамъ, оказалось, что для трехъ офицеровъ не хватаетъ мѣстъ, такъ какъ среди ѣдущихъ есть слабые больные, которыхъ нельзя помѣстить вмѣстѣ съ другими, и даже душевно-больные и между ними буйные, и доктора стали осматривать, кого бы оставить для передачи на пароходъ *Андалузія*. Добровольно никто не хотѣлъ остаться до

другого дня и пришлось имъ назначить двухъ зауряд-прапорщиковъ и одного поручика, и ихъ взяли обратно съ парохода. Всѣ ходятъ взадъ и впередъ, и одни спрашиваютъ, не видали-ли такого-то, гдѣ онъ, а другіе безпокоятся за свои вещи, говорятъ, что тамъ у нихъ все необходимое, третьи съ возмущеніемъ заявляютъ, что въ каютѣ уже началось пьянство и скандалъ, что тамъ жить невозможно, иные изъ-за этого просятся на берегъ и т. д.

Въ моей каютѣ шло усиленное пьянство и картежная игра въ макао. Съ однимъ сдѣлалось уже дурно и воздухъ былъ до того невыносимый, что положительно дышать нечѣмъ было. Но я ужъ помалкивалъ, боялся, какъ-бы изъ-за протестовъ не перевели меня на другой пароходъ, и пошелъ осмотрѣть пароходъ. Я первый разъ въ жизни очутился на морскомъ пароходѣ, и меня очень интересовало узнать, куда же помѣстили солдатъ, такъ какъ ихъ нигдѣ не было видно. Ходилъ-ходилъ я взадъ и впередъ по пароходу, но ничего не могъ найти. Зашелъ въ столовую; она была роскошно отдѣлана, на потолкѣ позолота, и меня очень удивила такая дорогая обстановка. Тогда я спросилъ у одного нѣмецкаго матроса, гдѣ находятся нижніе чины, и онъ провелъ меня въ ихъ помѣщеніе. Оказалось, что они размѣщены этажомъ ниже насъ. Я вошелъ туда. Все это были одни калѣки: кто безъ ноги, кто безъ руки, иной съ однимъ глазомъ, а иной и совсѣмъ слѣпой, словомъ—картина печальная, но они уже свыклись со своимъ положеніемъ, всѣ устроились по мѣстамъ и въ общемъ были радостно настроены, потому что наконецъ-то ѣдутъ домой, на родину.

Между тѣмъ время шло, а пароходъ не двигался съ мѣста. Стало темнѣть. Въ 9 час. вечера раздался звонокъ къ ужину, и всѣ, кто могъ, пошли въ общую столовую. Кто не могъ двигаться, тѣмъ разносили ужинъ по каютамъ. Я тоже пошелъ въ столовую. Не зная пароходныхъ порядковъ, я отыскалъ свободное мѣсто за столомъ и сѣлъ. А поруч. М., тутъ же недалеко стоявшій, и говоритъ мнѣ: „не садитесь, видите—всѣ стоятъ". Я всталъ и недоумѣваю, отчего же это всѣ стоятъ у стола съ приборами? Но черезъ нѣсколько минутъ въ столовую вошли врачи, капитанъ парохода, старшія сестры милосердія и еще какой-то господинъ въ штатскомъ, поклонились всѣмъ и сѣли за столъ. Тогда и всѣ остальные сѣли

по своимъ мѣстамъ. Эта церемонія мнѣ не понравилась. Среди насъ было не мало на костыляхъ, со слабыми ногами, калѣкъ, и всѣ они должны были стоя ожидать выхода совершенно здоровыхъ господъ. Но—дѣлать нечего. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся.

Послѣ ужина многіе остались въ столовой, остался и я посмотрѣть, что будетъ дальше. Слабые разошлись по своимъ каютамъ. Столовая была освѣщена электричествомъ, вентиляція, тоже электрическая, работала превосходно. Стали говорить, что кто-то сейчасъ будетъ пѣть и будутъ играть на роялѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ столовую вошелъ какой-то господинъ въ штатскомъ платьѣ, еще молодой человѣкъ, съ однимъ только глазомъ и сильно контуженный. Это былъ морской офицеръ, сильно пострадавшій на одномъ суднѣ. Его стали просить спѣть что-нибудь. Онъ охотно согласился, а другой взялся аккомпанировать ему на роялѣ. Когда онъ запѣлъ, мнѣ до слезъ стало жаль его: такой молодой еще, красивый, талантливый и повидимому состоятельный человѣкъ и почти слѣпой, калѣка на всю жизнь! . Вотъ гдѣ несчастье постигло человѣка! А онъ, быть можетъ, радъ и тому, что хотя остался живъ, и доволенъ, что ѣдетъ домой и скоро увидится съ родными своими.

Просидѣли въ столовой до 12 ч. ночи, а пароходъ все стоитъ на мѣстѣ и неизвѣстно, когда тронется.

Говорятъ, что изъ Владивостока не получено увѣдомленія отъ начальника эвакуаціи, а безъ этого пароходъ не можетъ войти въ портъ. Посидѣли еще немного и стали расходиться по каютамъ. Я тоже пошелъ въ свою каюту, но тамъ продолжалась уже азартная игра въ макао и многіе игроки были въ сильномъ опьяненіи. Я забрался на самую верхнюю койку и, несмотря на страшный шумъ, скоро уснулъ.

17 Декабря.—Я проснулся рано. Чувствую—во рту что-то ужасное: языкъ едва ворочается, горло пересохло; въ носу тоже что-то невѣроятное, дышать нечѣмъ... Я быстро поднялся, выпилъ стаканъ воды, и мнѣ стало легче. Смотрю кругомъ—въ каютѣ стоитъ дымъ столбомъ отъ сигаръ и папиросъ, окурки валяются кучами, пустыя бутылки стоятъ и лежатъ десятками, на полу валяются карты, и два офицера спятъ вмѣстѣ на одной койкѣ одѣтыми.

Я открылъ дверь и пустилъ вентиляторъ въ ходъ, самъ же наскоро умылся, одѣлся и вышелъ въ корридоръ и оттуда на палубу подышать свѣжимъ воздухомъ. Нашъ пароходъ все еще стоялъ на мѣстѣ, и только погода перемѣнилась: шелъ небольшой снѣжокъ, съ моря тянуло туманомъ и было сыро, но дышалось легко и хорошо. Постоявъ немного на палубѣ, я спустился внизъ, розыскалъ дежурнаго служителя и приказалъ хотя немного убрать каюту. Вскорѣ стали вставать и другіе. Сестры заходили каждая по своимъ каютамъ, къ своимъ больнымъ, кому давать лѣкарство, кому измѣрять температуру или дѣлать перевязки. Вслѣдъ за ними пошли и врачи съ фельдшерами, дѣлать осмотръ больнымъ и прописывать лѣкарства. Я ходилъ еще на одномъ костылѣ при помощи палки и внутрь мнѣ давали какое-то питье.

Въ 10 ч. былъ поданъ звонокъ къ завтраку. Многіе въ столовую не пришли и завтракали по каютамъ. Кормили на пароходѣ очень хорошо и вдоволь.

Въ 11 ч. загремѣли якорныя цѣпи и пароходъ сталъ медленно поворачиваться и отходить въ море. Почти всѣ вышли на палубу, чтобы полюбоваться окрестностями и взглянуть въ послѣдній разъ на остающіеся берега Японіи. На пристани стояли знакомые японцы и оставшіеся наши товарищи и провожали насъ взорами и маханіемъ шляпъ и платковъ до тѣхъ поръ, пока пароходъ не скрылся за поворотомъ. Наконецъ-то! Слава Богу, уѣзжаемъ мы изъ японскаго плѣна!..

Но вдругъ, черезъ нѣкоторое время, пароходъ сталъ замедлять ходъ и, наконецъ, совсѣмъ остановился. Я и многіе другіе подумали, что что-нибудь случилось, но оказалось, что капитану было приказано вывести пароходъ подальше изъ порта и не занимать здѣсь мѣста, такъ какъ тутъ долженъ былъ стать другой, слѣдующій пароходъ. Я потомъ узналъ, что нашъ пароходъ потому не отправлялся во Владивостокъ, что въ послѣднемъ не было мѣста для стоянки. Весь портъ замерзъ, и тамъ, гдѣ ледоколы проломали ледъ, стоялъ уже другой пароходъ съ военно-плѣнными. Когда онъ освободитъ мѣсто, тогда только мы тронемся въ путь, а когда это случится—никто не зналъ. На пароходѣ стали поговаривать, что во Владивостокѣ неблагополучно и потому насъ и не отправляютъ

туда; другіе предполагали, что насъ хотятъ везти черезъ Одессу и ждутъ распоряженія высшаго начальства. Въ этихъ толкахъ и спорахъ прошелъ весь день 17 Декабря.

18 Декабря.—Наконецъ-то!.. Сегодня утромъ нашъ пароходъ снялся съ якоря и пошелъ во Владивостокъ. Теперь нигдѣ уже не будетъ остановокъ и мы дня черезъ четыре увидимъ русскіе берега. Почти всѣ вышли на палубу взглянуть на берега японскихъ острововъ. Вокругъ насъ были разбросаны по морю большіе и малые острова, всѣ очень высокіе, съ крутыми и большими горами. На вершинахъ нѣкоторыхъ горъ виднѣлись сильныя укрѣпленія, съ поставленными въ нихъ осадными пушками, на случай, если бы непріятель вздумалъ атаковать острова. Чѣмъ дальше выходили мы въ море, тѣмъ становилось холоднѣе. Наконецъ, подулъ вѣтеръ, и пароходъ сталъ довольно сильно покачиваться. Со многими началась морская болѣзнь, сдѣлалось дурно, и почти всѣ спустились въ каюты. На палубѣ остались только служащіе на пароходѣ да наши морскіе офицеры. Я тоже не выдержалъ, ушелъ въ каюту и легъ. Лежа было лучше, но все же чувствовалъ себя преотвратительно, такъ и казалось, что вотъ-вотъ закачаетъ и я и самъ заболѣю.

Къ обѣду вышли очень немногіе, да и то, нѣкоторые изъ вышедшихъ, посидѣвъ за столомъ, не могли сидѣть отъ тошноты и ушли назадъ по каютамъ. День и ночь прошли въ какомъ-то странномъ, точно пьяномъ состояніи, или какъ-бы въ непрерывныхъ просонкахъ.

19 и 20 Декабря.—Все время погода была прохладная, дулъ вѣтеръ, хотя солнце ярко свѣтило. Одинъ разъ я вышелъ на палубу и увидалъ ужасное зрѣлище. Кто-то везъ въ клѣткѣ двухъ обезьянъ; онѣ съ чего-то стали драться, и самка до того изодрала самца, что онъ съ отчаянія перегрызъ прутья клѣтки и, какъ полоумный, выскочилъ на палубу и бросился черезъ перила въ море, гдѣ и погибъ. Кругомъ видны только море да небеса. Обѣдающихъ было очень мало.

21 Декабря.—Вѣтеръ дуетъ съ сибирской стороны, настоящій русскій вѣтеръ, и погода стоитъ такая холодная, что безъ теплаго платья выйти на палубу невозможно уже.

22 Декабря.—Наконецъ-то мы приближаемся къ русскимъ берегамъ!.. Утромъ рано я вышелъ на палубу и сталъ смотрѣть въ бинокль. Вдали видны были уже берега, сплошь покрытые льдомъ и снѣгами. Все ближе и ближе сталъ обрисовываться Владивостокъ. Вотъ уже видны стоящіе въ гавани пароходы, и взадъ и впередъ ходитъ ледоколъ и проламываетъ во льду путь... На берегу, на пристани, копошатся и двигаются люди... Я долго смотрѣлъ въ бинокль, и душу мою охватило такое радостное волненіе, что я не выдержалъ его, и слезы градомъ покатились изъ глазъ моихъ... Родина! Вотъ она, моя родина, столь долго и горячо желанная!.. И я былъ радъ, что близъ меня никого не было, и я могъ свободно выплакать мою радость...

Въ ту же ночь мы выѣхали въ Харбинъ въ военно-санитарномъ поѣздѣ имени Императрицы Александры Ѳеодоровны.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

От Редакціи I.

На поляхъ Маньчжуріи 1—116.

Въ плѣну у японцевъ 117—222.

Отъ . . I.

На п . . 1—116.

Въ п . . 117—222.

1500216486